ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 1 ЯНВАРЬ 1987

УЧИМСЯ НА ВОЛШЕБНИКОВ!

ПРИЗ ИМЕНИ ОТЦА

ДИСКОТЕКА «НЕВСКИЕ ЗВЕЗДЫ»

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПОЭТИЧЕСКУЮ АНТОЛОГИЮ

МУЛЬТПАННО-2

РОМАН ЕРЕМЕЯ ПАРНОВА «АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 1 (3102)

1—10 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Компьютер показал: год 1987-й наступил!

(См. в номере материал «Никто не ставит оценок».)

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.12.86. Подписано к печати 26.12.86. А 00780. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 62. Заказ № 4116.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

С НОВЫМ ГОДОМ!

ВАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

Гурий МАРЧУК

Мария ПАНТЮХИНА

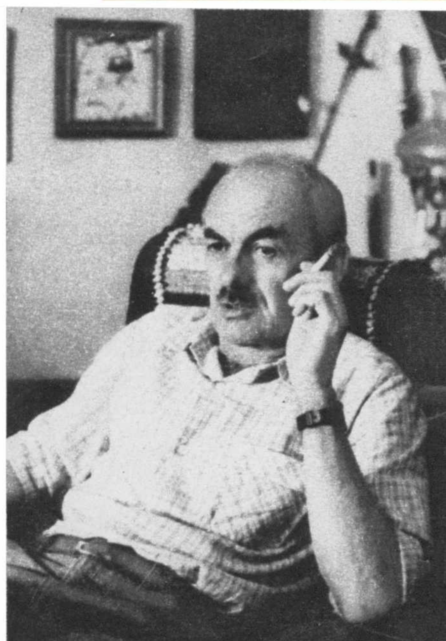
Майя ПЛИСЕЦКАЯ

Булат ОКУДЖАВА

Георгий ПАНКОВ

Георгий ФОМЕНКО

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Академик
Гурий МАРЧУК

Со словом «новый» в нашем сознании связаны устремления к лучшему. Правда, «новое» может означать и новые трудности, новые заботы — движение вперед неизбежно связано с преодолением их.

1987 год — новый этап в продвижении советского общества по пути социального и экономического прогресса. Это относится в первую очередь к материальному производству, его организации и технологии, к его научному обеспечению. Всем работникам исследовательского и проектно-конструкторского фронта — тем, кто находится на «линии огня» научно-технической революции,— предстоят большие дела.

Большие надежды все мы связываем с молодым поколением. Для многих юношей и девушек пора творческого расцвета выпадет уже на начало XXI века. Спешите, друзья, как можно больше успеть, закладывая фундамент всей своей будущей жизни! Чем раньше вы обретете цель, свое место в общей созидательной деятельности народа, тем плодотворнее и содержательнее будет все бытие. Будьте же целеустремленны, упорны и основательны во всем!

Убежден — год 70-летия Великого Октября станет годом новых замечательных свершений всего нашего общества!

Пекарь
Мария ПАНТЮХИНА

Хлеб на стол — и стол престол. Худ обед, когда хлеба нет. Это не просто присказки, а строки из книги народной мудрости, страницы нашей общей жизни.

Все у меня в судьбе связано с хлебом, и должна сказать, что мы на нашем Коломенском хлебокомбинате всегда стремимся печь булки подушистее, повкуснее, а уж перед каждым Новым годом стараемся особенно.

Такое тоже в народной традиции: хлебом-солью привечать желанных гостей. А Новый год — его всегда ждешь с нетерпением. Особенно такой, как наступающий. У хлебопеков с ним связаны большие надежды. Наша отрасль сейчас в центре внимания. А общий успех складывается из дел и тестовода, и пекаря, и мукомола. А если прежде посмотреть, то и из умения хлебороба, потому что из случайного зерна не получишь хорошего каравая.

Отчего я об этом в предновогодье? А снова заглянула в книгу народной памяти: хлеб-соль ешь, а правду режь,— советует она.

...Сейчас спешу на смену. Тесто уже, знаю, подошло, ждет. Пора катать хлебы для тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Пусть он будет урожайным; где хлеб, там и мир.

Хороший год на пороге!

Балерина
Майя ПЛИСЕЦКАЯ

...Прошлой весной я станцевала в Москве с труппой «Балета Нанси» «Федру» на музыку Жоржа Орика, по либретто и в декорациях Жана Кокто, хореография Сержа Лифаря. И хотя спектаклю более четверти века, он и сегодня кажется современным, должно быть, потому, что в нем соблюдена мера — изысканной музыке созвучна изысканная пластика одного из выдающихся балетмейстеров XX века. Его творчество практически мало известно на его родине — у нас дома. Вообще, мне иногда кажется, что руководители отечественного балета побаиваются сопоставления школы и традиций Большого театра с поисками и обретениями современного мирового балета. Ролан Пети, Морис Бежар так и не получили возможности поработать на лучшей в мире сцене — сцене Большого. А жаль. Искусство балета от такого сотрудничества только обогатилось бы.

...Обычный, в общем-то, рабочий год. Таким он был, полагаю, не только для меня, но и для громадного большинства моих соотечественников.

Давайте и впредь будем честно работающими и аккуратными в отношениях друг с другом людьми, давайте будем добрыми, попробуем все вместе жить так, чтобы основные наши силы уходили на любимое дело, а не на борьбу с бюрократами, формалистами, завистниками, которые пытаются мешать это любимое дело делать.

С Новым годом!

Чрезвычайный
и Полномочный Посол
Народной Республики
Болгарии в СССР
Георгий ПАНКОВ

Уже два месяца я живу в Москве, с которой меня связывает очень и очень многое. Здесь ровно сорок лет назад я начал учебу и затем получил диплом инженера.

Лично для меня важен вот какой факт: я начал представлять интересы Болгарии в год, когда в СССР начался процесс интенсивной перестройки во всех сферах жизни. Не зря эти масштабные преобразования иногда называют революционными! Ведь и Болгария на пути перемен, у нас происходят аналогичные процессы.

До сих пор шло советско-болгарское сближение в области промышленности, общественно-политической жизни, а сегодня настало время объединения усилий в науке, экономике, образовании... В экономическом сотрудничестве не могу обойти пример достижения единой цели станкостроителями Иванова и Софии, создания ими в кратчайшие сроки уникального обрабатывающего центра ИС-500. К таким и подобным результатам всегда приводит желание найти в себе возможности нетрадиционного мышления. И умение правильно подобрать кадры, сплотить людей.

Работа предстоит большая. Мы, болгары, готовы к ней, тем более что предстоящее 70-летие Великого Октября мы воспринимаем и как свой праздник. В этот год хотелось бы пожелать читателям «Огонька», всем советским людям мира и счастья, радости и веселья в каждом доме.

Строитель
Георгий ФОМЕНКО

Наступивший год для каждого из нас обозначен двумя емкими словами — ускорение и качество. На многих заводах и фабриках приступили к своим обязанностям службы Госстандарта. Я считаю, что в любом трудовом коллективе важно повысить сегодня и спрос рабочей совести.

Что сделано нашей бригадой? Мы участвуем в строительстве «Атоммаша», создали свой пост качества. Он ежедневно придирчиво проверяет работу каждого из нас. Каков результат? Государственная комиссия все объекты бригады принимала до сих пор только на «хорошо» и «отлично».

В новогодние дни вспоминается не только хорошее. Должен сказать, что бывают и у нас сбои. Правда, не все по нашей вине. В ноябре, например, бригаду перебросили с главного корпуса на прорыв, требовалось довести «до ума» детские садики. Домики были почти готовы, недоставало им лишь «малого» — воды, тепла и прочего. Казалось бы, азбучная, всем известная истина: любая стройка должна начинаться с инженерных коммуникаций. Ан нет! Кто-то по-прежнему планирует работу по меркам вчерашнего дня. Заново искромсав землю, мы все сделали. Но какой ценой!

Недавно в редакции журнала «Огонек» я встретился с друзьями по КамАЗу, мне ведь тоже довелось строить автомобильный комплекс. Хочется пожелать им всем в новом году крепкого здоровья и успеха во всех начинаниях.

Писатель
Булат ОКУДЖАВА

Я отношусь к категории людей, для которых в понятии Новый год заключен некий мистический смысл. Для меня наступление Нового года — не просто перемена календарных дат, не просто отсчет нового времени с условного первого января. Уже в декабре меня начинает лихорадить при одном упоминании о приближении Нового года. Я жду полного обновления, резких качественных перемен, я жду собственного обновления моей жизни, жизни близких мне людей и всего человечества. Я верю, что Новый год должен принести новые чувства, новое мастерство, новые перспективы. Я тщательно готовлюсь к его явлению: подбираю соответствующую одежду, переоцениваю свою жизнь, стараюсь выявить имеющиеся во мне совершенства, чтобы шагнуть в январь чистым, безукоризненным и более полезным для общества. В эти минуты мне кажется, что подобное должно происходить со всеми, и это вдохновляет.

Поэтому рекомендую всем не представлять Новый год, как простую смену дат. Все оказывается гораздо серьезнее, с чем и поздравляю!

БЛАГОДАРИМ ВСЕХ, КТО ПРИСЛАЛ НАМ ДОБРЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ, КТО ПРИНАДЛЕЖИТ К ШИРОКОМУ КРУГУ ДРУЗЕЙ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА».

Дорогие читатели!

Мы, сотрудники «Огонька», те, кто повседневно работает над номерами журнала, поздравляем вас с Новым годом!

Это очень непросто, трудиться так, чтобы журнал вам нравился, чтобы материалы его были на уровне нашего сложного, но такого интересного и ответственного времени. Хотелось бы знать каждого из вас лично, но это невозможно, вас многие сотни тысяч! Нам очень радостно оттого, что подписка на «Огонек» прошла в этот раз гораздо успешнее, чем за многие последние годы. Спасибо вам за доверие. Мы сделаем все, чтобы его оправдать.

В ШЕРЕНГУ ГЕРОЕВ

Герой Советского Союза генерал-майор авиации Н. Т. Антошкин.

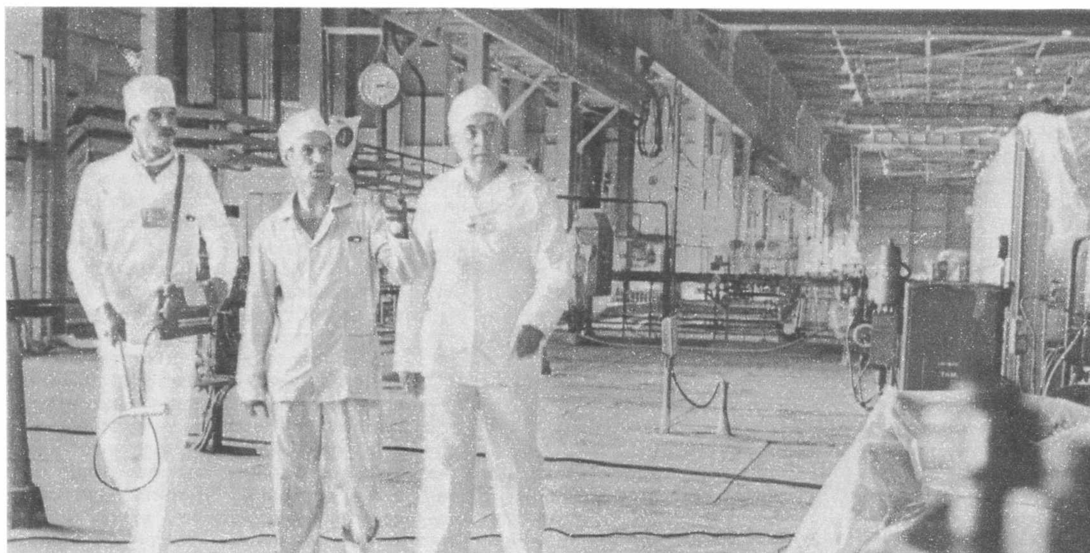

Героями становятся не по должности. Их выбирает время испытаний.

Последствия аварии на Чернобыльской АЭС требовалось быстро и надежно ликвидировать. В числе тех, кто принимал в этой работе самое деятельное участие, были генерал-майор авиации Н. Т. Антошкин и генерал-полковник В. К. Пикалов. Президиум Верховного Совета СССР присвоил им звание Героя Советского Союза.

Звания Героя Социалистического Труда удостоены бригадир машинистов-операторов бетононасосов управления строительства № 605 В. И. Заведий, начальник управления строительства № 605 Г. Д. Лыков, заместитель начальника цеха строящейся Ростовской АЭС Ю. Н. Самойленко и заместитель министра среднего машиностроения СССР А. Н. Усанов.

Контрольный осмотр оборудования третьего блока. Фото Сергея ГРЯЗЕВА

УСКОРЕНИЕ В ПУТИ

Было время, когда на Белорусской железной дороге хронически не хватало рабочих рук. И это было причиной многих производственных неурядиц. От них помог избавиться ныне известный всем белорусский эксперимент. Прежде всего он коснулся количественного пересмотра кадрового состава магистрали в различных подразделениях сложного дорожного хозяйства.

В ходе эксперимента работники Белорусской железной дороги применили такие прогрессивные методы работы, как хозяйственный расчет, коллективный подряд, коэффициент трудового участия. В результате этого и сокращения численности работающих производительность труда на магистрали за год возросла более чем на 20 процентов, средняя зарплата — на 15 процентов, а годовой план по перевозке грузов выполнен более чем на неделю раньше срока.

Десять железных дорог и два метрополитена уже перешли на белорусский метод. Со временем он станет нормой и для остальных магистралей страны.

На снимке: на «горячих» рельсах Белорусской магистрали. Проводники фирменного поезда «Белоруссия» Марина Буйкович, Ирина Сапиженко, Валентина Мурашко, Жанна Яскевич.

Фото Юрия ИНЯКИНА и Николая СИМОНОВА

внимание — читательский конкурс!

«ОКТЯБРЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

Все мы,
живущие в Советской стране,—
наследники Октября
и вместе будем отмечать
в нынешнем году
семидесятилетний юбилей
социалистической революции.
Видимо, для каждого
из нас с вами, дорогие друзья,
этот праздник станет поводом
для раздумий и размышлений
о пройденном
нашей страной пути,
о том, как преломилась судьба
Отечества в биографиях друзей,
родных и близких.
Всем нам интересно будет
увидеть редкие фотографии
из домашних архивов,
познакомиться с семейными
реликвиями и узнать о людях,
изо дня в день творивших
историю Родины.
Напишите,
уважаемый читатель,
чем Октябрьская революция
дорога лично вам,
как отразилась она в судьбе семьи
и ваших родных мест.

ПРИСЫЛАЙТЕ СВОИ ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ ДО 1 ОКТЯБРЯ 1987 ГОДА.

На конверте
просим обозначить:
«Конкурс «Октябрь в моей жизни».
Лучшие материалы
будут опубликованы
в «Огоньке».
Победителей конкурса
ожидают призы:
первая премия — подписка
на журнал «Огонек»
с приложением;
две вторые —
подписка на журнал «Огонек»
и «Библиотеку «Огонек»;
две третьи —
подписка на журнал «Огонек»;
поощрительные премии —
памятные дипломы.

Напоминаем, что рукописи не рецензируются и не возвращаются.

1917 • 1987

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ XX ВЕКА. НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕГО 1987 ГОДА В «ОГОНЬКЕ» ЕМУ БУДУТ ПОСВЯЩЕНЫ МНОГИЕ МАТЕРИАЛЫ НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ.

ОРУЖИЕ НЕ МЕНЕЕ ОСТРОЕ...

С одним из крупнейших летописцев Октябрьской революции, академиком Исааком МИНЦЕМ, беседует наш корреспондент Константин ЕЛЮТИН

За плечами у моего собеседника — почти век жизни. Вся история нашего социалистического Отечества, которое он защищал с оружием в руках. Был рядовым бойцом Красной Армии, комиссаром. Когда отгремели бои гражданской войны, он приступил к главному своему делу — летописи героической борьбы нашего народа и партии коммунистов за построение нового мира. «Шашку я потом подарил музею,— скажет позже И. И. Минц в одном из интервью,— сменил ее на перо — между прочим, оружие не менее острое, чем сабля».

Лауреат Ленинской премии, трижды лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда академик Минц почти тридцать лет возглавляет созданный в Академии наук СССР Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», координирующий и направляющий исследования главного события XX века. Разумеется, во время встречи первым был вопрос о проблемах, решением которых заняты историки Октября в преддверии его семидесятилетия.

— О значении Октября в истории нашей страны написано так много, что в краткой беседе я не рискую обобщить все это даже в форме тезисов. Сама тема — огромная и неисчерпаемая. Что касается международного значения Великой Октябрьской социалистической революции, то оно наилучшим образом отражено в новой редакции Программы КПСС, где сказано, что наша революция «стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией».

Сравните почти двухвековую судьбу Великой французской буржуазной революции: она произошла в стране с 25-миллионным населением, но пробудила к новой жизни Европу и Северную Америку, идейные бои вокруг нее не утихают до сих пор. Наш Октябрь произошел в стране со 150-миллионным населением и вовлек в движение человеческие массы всех континентов. Отсюда и возрастающая в перспективе ценность исторического опыта Октября для всего мира. И мы сознаем ответственность за дальнейшую разработку революционного опыта российского пролетариата и его авангарда — ленинской партии большевиков.

Данные, которыми я располагаю, не говорят о том, чтобы интерес к истории Октября в какой-то мере угасал. Точнее, речь нужно вести о снижении активности нашей отечественной науки в разработке назревших проблем истории Октября и гражданской войны. Мы должны сделать такое самокритичное признание. Объяснение этому коренится в тех процессах, которые были вскрыты партией в последнее время и дали основание для принципиального вывода: мы плохо знаем то общество, в котором живем, нужна перестройка.

На первый взгляд может показаться, что современные явления довольно далеко отстоят от проблемы «историки и Октябрь». Однако на деле связь глубока, и ее нужно ясно видеть. Многое в условиях жизни последних десятилетий тревожило наших сограждан. Но попытки разобраться в истинном положении дел квалифицировались нередко как «очернительство», даже как вода, льющаяся на чью-то чужую мельницу. Наконец, тревога нашла выход в памятных всем нам выступлениях против бюрократической самоуспокоенности, «консервирования» неблагоприятных народнохозяйственных и демографических тенденций, явно обозначившегося оживления мистических и им подобных рецидивов в духовной жизни. Захлестнувшая было нас однобокая пропаганда успехов пришла в противоречие со здоровым чувством неудовлетворенности состоянием дел в обществе. Мы подошли к рубежу, когда революционные перемены вновь стали насущной, неотложной задачей.

— Как видится вам задача перестройки дел у историков Октября? Какие представления и идеи в этой области науки не выдержали испытания временем, а какие можно считать плодотворными и перспективными?

— В летопись Октября, создающуюся уже почти 70 лет, вложен огромный труд нескольких поколений моих коллег. История Октября и гражданской войны, то есть военной защиты его завоеваний,— это проблема, с которой происходило и мое научное становление. Уже к тридцатым годам марксистская методология, казалось, одержала верх и утвердилась в советской исторической науке. Однако укоренившаяся в следующие десятилетия монополия «избранных» в разработке теоретических основ истории Октября и непомерный отчетно-бюрократический оптимизм оценок достигнутого мешали с должным вниманием отнестись к накапливавшимся нездоровым тенденциям. О многом может сказать, например, тот факт, что кто-то, наделенный полномочиями, поднял в свое время кощунственную руку на строки из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». В ней есть слова:

> Если б
> был он
> царствен и божествен,
> я б
> от ярости
> себя не поберег,
> я бы
> стал бы
> в перекоре шествий,
> поклонениям
> и толпам поперек.
> Я б
> нашел
> слова
> проклятья громоустого,
> и пока
> растоптан
> я
> и выкрик мой,
> я бросал бы
> в небо
> богохульства,
> по Кремлю бы
> бомбами
> метал:
> д о л о й!

В первых строках этого отрывка поэт говорит об абсолютной несовместимости образа вождя революции с каким бы то ни было его обожествлением. Поэт прямо призывал к беспощадной борьбе против культа личности. Эта последняя мысль, выраженная во второй половине отрывка, в 1936—1955 годах исключалась из поэмы, а тем самым ослаблялась и сила следующей строки:

> Но тверды
> шаги Дзержинского
> у гроба.

Может показаться совершенно неожиданным, но массовый читатель, интересующийся историей революционной борьбы, нередко получает из на-

ших книг такие уроки «патриотизма» и «национальной гордости», какие в эпоху Октября считались неприемлемым наследством старины, тем наследством, от которого мы отказываемся. Естественная в наши дни идея общности народных интересов, национального единения, отсутствия острых классовых противоречий в социалистическом обществе некоторыми историками стала бездумно переноситься и на ту эпоху, когда вопросом вопросов для передовых сил общества было преодоление ложной идеи «общенационального» единства, которую насаждала в массах буржуазия.

Насколько глубоко опустились некоторые авторы в болото этой идеологии, свидетельствует широко распространившаяся легенда о руководящей роли масонов в революционном преобразовании России. А наряду с этим были свернуты целые направления в изучении истории революции и контрреволюции. Порою создавалось ложное впечатление, будто главной линией борьбы в революции было преодоление сопротивления тех или иных деятелей партии и государства, в течение ряда лет входивших в ближайшее окружение Ленина. В то же время многие документы, необходимые для изучения лагеря контрреволюции (либеральной, генеральской, «патриотической», великодержавной, монархической), оказались для историков под знаком табу — и остаются недоступными в значительной мере и по сей день. Поинтересуйтесь у знакомых ученых-историков, всегда ли они могли использовать издания наших политических противников, цитировать их в своих работах, спросите и о том, как это «помогает» им в разоблачении буржуазных фальсификаторов дела Октября.

А смотрите, что делают с некоторыми нашими трудами издатели. За последнее время мне довелось прочесть в прессе немало критических статей писателей и кинематографистов в адрес окопавшихся в творческих цехах демагогов и администраторов. И не раз я восклицал про себя: до чего же похоже все это на положение дел и у нас! В издательстве «Наука», например, усмотрели, что автор исследования о контрреволюционном либерализме (один из авторитетнейших специалистов) слишком уж «обижает» буржуазных фальсификаторов, пользуясь хорошим знанием источников и зарубежной литературы. На защиту его труда никто не встал, и работа вышла в свет в «исправленном» виде. В книге о гражданской войне другого историка экзекуции подверглись страницы, на которых разоблачались современные западные апологеты контрреволюции. Автор оказался строптив; и тогда на него навесили стандартный ярлык пропагандиста белогвардейщины. Уже из этого можно понять, что и в нашей области науки есть что перестраивать. Жизнь требует смелого пересмотра и критики всего, что мешает правдивому описанию классовой борьбы в революционной России.

— Вы сказали, что историки часто идут по линии наименьшего сопротивления, пасуя перед административным нажимом со стороны некомпетентных лиц. Так, может быть, Научному совету и начать перестройку с себя?

— Попытки такого рода нами предпринимались. Видимо, недостаточно решительно. Говорю это в порядке самокритики. Устранению тех препятствий, о которых я только что сказал, должно помочь предание наших проблем широкой гласности.

— Вы затронули так называемую масонскую легенду. Она действительно получила распространение не только в исторической литературе. Не могли бы вы внести ясность в этот вопрос?

— Вспоминая о масонах, не создаю ли я с помощью «Огонька» в некотором роде дополнительную рекламу этой и без того популярной «проблеме»? В моду она вошла благодаря преимущественно усилиям нашего молодежного издательства, которое, как принято говорить у специалистов, ввело в «научный оборот» сенсационные фантазии английского историка Дж. Каткова. Тот, правда, тоже не сам сделал «открытие» насчет масонов. Истинным автором всей легенды, как теперь выяснено по документам петербургского департамента полиции, был не кто иной, как директор этого учреждения С. П. Белецкий. Идея его, как мы теперь видим, доказала свою жизнеспособность, да такую, что и сам автор ее едва ли мог ожидать, чтобы этот скверный анекдот завладел умами образованных людей в конце XX века. Для большинства историков не секрет, что исходным материалом для мастеров контрреволюционной пропаганды послужили в данном случае откровенные инсинуации черносотенцев. Одним из немногих авторов, пишущих о масонах и державших в руках реальные документы, является историк О. Соловьев, он-то и раскрыл в своей книге «Международный империализм — враг революции в России» (1982 г.) приоритет полицейского «авторского коллектива».

Вот из такого «первоисточника» наша молодежь, не подозревая того, черпает свои познания о масонах, их роли в освободительном движении. Единственный способ рассеять это наваждение — довести до читательской аудитории разоблачение, сделанное О. Соловьевым. Но его книга издана в специальном научном издательстве тиражом в сотню раз меньшим, чем книги, навязывающие молодежи сплетни под видом научных открытий. А в результате у юношей и девушек создается впечатление, что революции в России происходили не столько из-за того, что народные низы не захотели жить по-прежнему (так считал Ленин, это подтверждает и марксистская наука), при царизме, под гнетом помещиков и капиталистов, сколько по указке масонов.

— А какие издания, проповедующие эту легенду, вы имеете в виду?

— Достаточно будет указать на книгу «За кулисами видимой власти», выпущенную группой авторов в издательстве «Молодая гвардия» в 1984 году. Не довольствуясь ленинской оценкой борьбы классов в 1917 году, они пишут, что за спиной всех буржуазных и соглашательских партий стояла надклассовая организация, двигавшая всеми этими партиями: «Верность масонской ложе в глазах посвященных была неизмеримо выше партийной дисциплины любой партии. И когда пришло время создавать Временное правительство, его формирование нельзя объяснить иначе, как возможным предначертанием этой организации». По мнению авторов, деятельность и руководство масонов развитием общества характерны не только для дореволюционной России, но и для всего капиталистического общества. «На поверхности — правительство,— читаем мы в том же сборнике,— конгресс, верховный суд, партии, пресса, церковь... А за кулисами скрывается другой аппарат со своими испытанными столетиями механизмами завуалированного политического воздействия».

Авторы настолько увлеклись своей «поправкой» к Ленину, что даже не замечают, как мимоходом извратили наш стратегический лозунг: надо бороться с империализмом, разоблачать его правительства; но нет — заняты версией о масонах, поисками «за кулисами видимой власти» какой-то невидимой надклассовой организации.

Отделение истории Академии наук СССР специально обсуждало вопрос об этой легенде и решило дать в печати ее разбор. Статья на эту тему была опубликована в журнале «История СССР» (№ 4, 1980 г.). Но, как видим, не все вняли голосу разума, и эксплуатация «сенсации» продолжается.

— Если западным идеологам приходится прибегать к таким средствам воздействия на души людей, как масонская мистика, не говорит ли это об истощении их антикоммунистического арсенала?

— Этого, увы, нельзя утверждать. Легенда о масонах — не единственная идеологическая контрабанда, проникшая к нам из-за рубежа. Используя в пропагандистском ключе проблему Октября, идеологи империализма нередко предстают перед нами в качестве «оптимистов» (задним числом, разумеется) относительно судеб России, ее прогресса во все времена, кроме ее советского периода. Особенно радует их с этой точки зрения дважды посетивший царскую Россию экономический подъем — в конце XIX века и непосредственно перед первой мировой войной. Мне довелось слышать на Международном конгрессе историков в Стокгольме, как небезызвестный адвокат империализма американский политик Збигнев Бжезинский, услышав об экономических успехах России в конце XIX века, воскликнул: почему же советские историки и политики хвастают своей индустриализацией, оказывается, царизм — инициатор индустриализации? Идеологи империализма стремятся внушить неискушенному читателю: так, мол, блестяще дело у царизма и шло бы, если бы враги русского народа — масоны — не подстроили революцию, а с нею как раз и пришли напасти — голод, разруха, «братоубийственная» гражданская война, чуждая духу русских людей, и т. д., и т. п. При таком подходе — закрыв глаза на то, что царизм ставил препоны всякому, хотя бы и капиталистическому, прогрессу, как буржуазия и помещики втягивали Россию в империалистические конфликты и авантюры, приносившие народным массам безмерные страдания,— можно «покрасивее» изобразить и роль бывших союзников царизма по Антанте, которые, стало быть, организуя интервенцию против Страны Советов, действовали в интересах самих же русских.

«Оптимисты» с Запада нащупали и другую слабую струнку у некоторых из «патриотически» обиженных за дореволюционную отсталость царской России. Историки каждый раз, касаясь этой темы в своих научных трудах, вынуждены ломать голову не над существом проблемы, а над тем, как избежать придирок со стороны теперь уже своих, доморощенных «оптимистов» — редакторов, рецензентов — и какими конкретными данными пожертвовать, чтобы откупиться от обвинений в «очернительстве» прошлого, какие оговорки вставить, чтобы в изображаемом историческом полотне появился хотя бы небольшой перевес в пользу дореволюционных успехов и эпизодического процветания, а не фундаментальной отсталости и пережитков.

Теперь уже историки, попадись им на глаза, скажем, статья П. В. Волобуева в тех же «Вопросах истории» с реалистической, но нестандартной оценкой «поступательного движения страны» в эпоху Витте или при Столыпине, приходят в возбуждение и ждут: в какой форме этого автора «поправят» и как будет восстановлен «оптимистический» баланс. Вот и получается, что вроде бы предреволюционная Россия отставала в своем развитии, но это только если ее сравнивать с теми странами, которые вырвались вперед «незаконно», за счет эксплуатации своих колоний, а царизму его колонии (да и вообще лучше о них помалкивать), надо полагать, только мешали, потому что по отношению к ним он взял на себя роль прогрессивного цивилизатора.

А в общем выходит, что позиция квасного патриотизма, перенятая из литературы былых времен нынешними блюстителями «благочестия», подкрепляет точку зрения западных «оптимистов», не приемлющих революционный путь общественного развития для себя и видящих лишь «печальный» прецедент в прошлом России.

— Названные вами тенденции относятся к тем отживающим стереотипам мышления, преодоление которых, видимо, и входит в задачу перестройки исторической науки?

— XXVII съезд КПСС дал новый стимул перестройке работы во всех областях общественной жизни. Партия помогает освободиться от застойных явлений в области науки и культуры, от безудержной «пропаганды успехов», прикрывавшей явное неблагополучие, определенную утрату доверия народа к результатам деятельности творческих работников. Восстановление доверия — на пути правдивого отражения действительности во всем ее многообразии, с борьбой старого и нового. Это требует от работников науки, культуры и искусства четкой политической, мировоззренческой ориентации, ответственного отношения к своему делу.

Думаю, что наша сопротивляемость негативным тенденциям всегда будет зависеть от того, насколько в нас будут жить дух, идеи Октября, чувство социальной справедливости, демократизма, ответственности за выполнение гражданского долга советского историка перед партией и обществом.

Можно надеяться, что к семидесятилетию Октября читатель получит двухтомный коллективный труд «Великий Октябрь и защита его завоеваний», созданный в Институте истории СССР Академии наук СССР, первые коллективные труды из многотомной серии исследований по истории империалистической интервенции в России 1918—1920 годов, книгу «Октябрь и последующие социалистические революции», подготовленную историками социалистических стран; очередной том Хроники Великого Октября, охватывающий январь—март 1918 года. Выйдет третий том «Истории трех российских революций» (подготовлен в Институте марксизма-ленинизма при участии сотрудников Института истории СССР и Научного совета).

— Что вы хотели бы пожелать читателям журнала в год юбилея Великого Октября?

— Из всего, о чем мы сегодня говорили, полагаю, видно, что в нашем общем доме главное дело сегодня — перестройка, и начинаться она не может иначе, как с очищения. Борьба с демагогией и догматизмом, засильем посредственности и бюрократов не может не привести к успеху. Меня радует, что сломаны барьеры на пути к читателю историко-революционных произведений Михаила Шатрова, Юрия Трифонова. Увидят свет, преодолев тернистый путь к читателю, новые труды о предпосылках революции (историография), об общенациональном кризисе в России накануне свержения Временного правительства, о военной контрреволюции 1905—1917 годов, исследование о ленинской аграрной политике первых лет Советской власти. Встреча с этими работами, убежден, будет радостной для каждого, кто интересуется революционной историей нашего Отечества. Желаю всем читателям «Огонька» новых открытий в безбрежном море знаний.

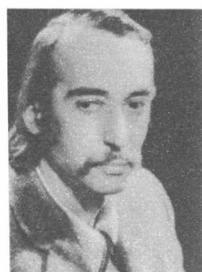
ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1986 ГОД

С. АВЕРИНЦЕВ «Не утратить вкус к подлинности...», интервью (№ 32); **В. АМЛИНСКИЙ** «Беспризорные души», эссе (№ 50); **А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ** «Небесный муравей», статья (№ 48); **А. ИВАНОВ** «Нет эпиграммы на меня», пародии и эпиграммы (№ 50); **Ф. ИСКАНДЕР** «Подвиг Чика», рассказ (№ 46); **В. КАВЕРИН** «От случая к случаю», рассказы (№№ 25—27); **С. КАПИЦА** «Очевидное — невероятное», беседа (№ 36); **Л. КАРЕЛИН** «Даю уроки», роман (№№39—50); **В. КАРПОВ** «Поэт Николай Гумилев», очерк (№ 36); **В. КОНЕЦКИЙ** «История с бюстом», «Поджиг, который выстрелил», рассказы (№ 35); **Ю. КУЗНЕЦОВ** «Планета, останься навеки!», стихи (№ 44); **А. ЛЕВИКОВ** «Образ и формула», очерк (№ 31); **Д. ЛИХАНОВ** «Из жизни марионеток», очерк (№ 25), «Анатомия касты», очерк (№№ 37, 38); **Д. ЛИХАЧЕВ** «Несколько слов о себе», автобиографические записки (№ 48); **Н. ЛЯЩЕНКО** «Схватка с фашизмом», очерк (№ 44); **Ф. МЕДВЕДЕВ** «У Виктора Астафьева, на Енисее» (№ 31), «Публика устала от банальностей» (№ 43), беседы; **Ю. МОРИЦ** «Между Сциллой и Харибдой», стихи (№ 49); **Ю. НИКУЛИН** «Один год и «Двадцать дней...», статья (№ 30); **Е. НОСОВ** «Распахнутая душа», рассказы (№ 9); **Ю. ОСИПОВ** «Вместе с мужем моим...», документальная хроника (№№ 38,43); **Э. РАДЗИНСКИЙ** «Учиться ответственности», интервью (№ 26); **В. РАСПУТИН** «Кяхта», очерк (№№ 23, 24); **Ю. РЫТХЭУ** «Возвращение на Землю», рассказ (№ 32); **Д. САРАБЬЯНОВ** «Удивительный мир Филонова», статья (№ 50); **В. СКВОРЦОВ** «Принцесса Катя Десницкая», очерк (№№ 41, 42); **Н. СТАРОСТИН** (лит. запись **Л. Филатова**) «Мои футбольные годы», автобиографические заметки (№№ 14—19); **А. СУТКУС**, фотовернисаж (№ 40); **Г. ХАЗАНОВ** «О магнетизме», статья (№ 43); **М. ЧАКЛАЙС** «Есть право...», стихи (№ 41); **Вл. ШАХИДЖАНЯН** «Мне интересны все люди...», статья (№ 36); **С. ЯМЩИКОВ** «Вернисажи коллекционеров», статья (№ 24).

Сергей Аверинцев

Владимир Амлинский

Андрей Вознесенский

Александр Иванов

Фазиль Искандер

Вениамин Каверин

Сергей Капица

Лазарь Карелин

Владимир Карпов

Виктор Конецкий

Юрий Кузнецов

Александр Левиков

Дмитрий Лиханов

Дмитрий Лихачев

Николай Лященко

Феликс Медведев

Юнна Мориц

Юрий Никулин

Евгений Носов

Юрий Осипов

Эдвард Радзинский

Валентин Распутин

Юрий Рытхэу

Дмитрий Сарабьянов

Валериан Скворцов

Николай Старостин

Антанас Суткус

Лев Филатов

Геннадий Хазанов

Марис Чаклайс

Владимир Шахиджанян

Савелий Ямщиков

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ЛАУРЕАТОВ!

Сегодня премьера новой рубрики, которую мы назвали «ОТ — ДО». Будем стараться, чтобы каждый из вас, уважаемые читатели, нашел в ней интересную для себя информацию о событиях на планете. Нашими источниками станут материалы советских агентств ТАСС и АПН, информационных агентств других стран, а также публикации в зарубежных газетах и журналах.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСУНОК

PEOPLE'S DAILY **World**

Больной ребенок в палате для детей, страдающих дистрофией на почве хронического недоедания, шепчет друзьям: «Врачи говорят, что у меня типичный случай рейганита».

ИЗБИЕНИЕ ПО-БРИТАНСКИ

★ **Morning Star**

Отнюдь не все женщины Великобритании были заняты рождественскими хлопотами. Пожертвовав многим, около 150 активисток борьбы за ядерное разоружение пришли к базе ВВС в Гринэм-Коммон, своими телами преградили путь транспорту с американскими крылатыми ракетами, возвращавшемуся с учений. Сотни отборных «бобби» набросились на безоружных людей, зверски избили их, препроводили в полицейские участки. Это происходило в стране, где вскоре собрались лидеры стран Европейского экономического сообщества для обсуждения предложенного премьер-министром Маргарет Тэтчер пакета мер, будто бы позволивших сделать Европу «более безопасной для ее граждан».

В том пакете ни словом не оговаривалось пресечение полицейских расправ с борцами за мир. Потому крайне странной выглядит позиция властей Великобритании, не относящих физическое насилие к разряду опасностей.

ТЕЛЕФИЛЬМ О КОМПОЗИТОРЕ

ВЕНГЕРСКИЕ НОВОСТИ

Фильм-портрет известного греческого композитора Микиса Теодоракиса сняло венгерское телевидение. Режиссер фильма Теодор Радевский во время съемок не расставался с фотоаппаратом и старался запечатлеть наиболее памятные моменты рождения картины. В будапештской галерее киноискусства открылась выставка этих фотографий именно в те дни, когда фильм демонстрировался по телевидению. На открытие выставки из Греции прибыл Микис Теодоракис.

«КОСМОС — НОВАЯ СФЕРА ЖИЗНИ»

Под таким емким девизом проходило в Будапеште одно из значительных событий конца минувшего года. На свой конгресс собрались члены Ассоциации участников космических полетов, космонавты и астронавты из тринадцати стран мира. В венгерской столице шел откровенный разговор о будущем космических исследований, о нелегкой работе вне Земли, о новых профессиях тех, кто отправляется за пределы нашей голубой планеты.

Объединенные общим делом, все сошлись в едином мнении: космос должен оставаться сферой мирного сотрудничества, ни при каких обстоятельствах, никогда не превращаться в арену бессмысленного военного соперничества.

Корреспондент берлинского журнала «Фрайе вельт» Карл-Хайнц Айрман провел специальный опрос участников конгресса, которые, в свою очередь, оставили автографы читателям. Вместе их собрал фотокорреспондент журнала Альфред Пашковяк.

ЧТО ЗА ЦИФРАМИ!

СОГЛАСНО ИНФОРМАЦИИ АГЕНТСТВА АДН, В ФРГ НА 6 ПРОЦЕНТОВ УВЕЛИЧИЛИСЬ СЛУЧАИ ГРАБЕЖА И НАПАДЕНИЯ НА БАНКИ, НА 16 — ОГРАБЛЕНИЯ ИНКАССАТОРОВ, НА 20 — ВЫРУЧКИ В МАГАЗИНАХ. ОБЩИЙ МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ ОТ ГРАБЕЖЕЙ СОСТАВЛЯЕТ 6,5 МИЛЛИАРДА ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ МАРОК.

МУЗА НА ПОЛЕ БОЯ

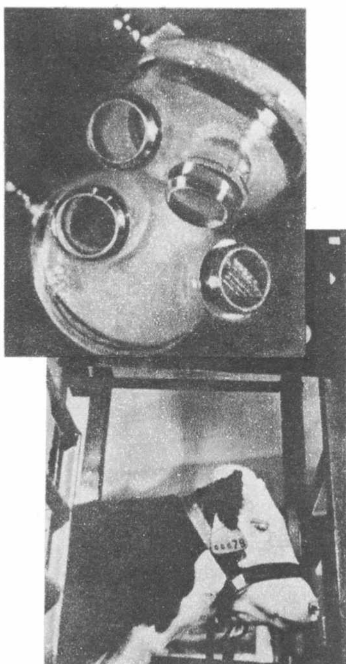
Полвека прошло со времени героической эпопеи испанского народа в защиту республики, в которой участвовали тысячи антифашистов-интербригадовцев.

«Гражданская война в Испании связана с поэтическим явлением исключительного значения, которое крайне неполно отражено в антологиях и поэтических сборниках»,— говорит профессор из Мадрида Серж Салаун. В течение длительного времени он вел уникальный поиск. Недавно им издана книга «Поэзия испанской войны», в которой анализируются произведения пяти тысяч авторов.

ВОТ КАКОЕ СЕРДЦЕ У АХМЕТА

Panorama

Искусственное сердце... Еще до недавних пор его конструкцию и клиническое применение соотносили с чем-то сенсационным, вроде высадки человека на Луну. Сегодня страсти поутихли, в тишине лабораторий многих стран идут работы по созданию наиболее работоспособной модели. Среди других проблемой искусственного сердца совместно занимаются ученые-кардиологи двух социалистических стран — Польши и Чехословакии. Определенных успе-

хов, можно сказать, они достигли.

В чехословацком городе Брно сконструировано целиком полиуретановое сердце (на снимке), которое было проверено в действии. Теленок Ахмет прожил с ним рекордное количество дней — 175, больше, чем со своим собственным, натуральным. В польском городе Забже к настоящему времени все готово к продолжению более сложных экспериментов с моделью сердца.

ЭТИ ДОВЕРЧИВЫЕ ЮНОШИ В ШТАТСКОМ...

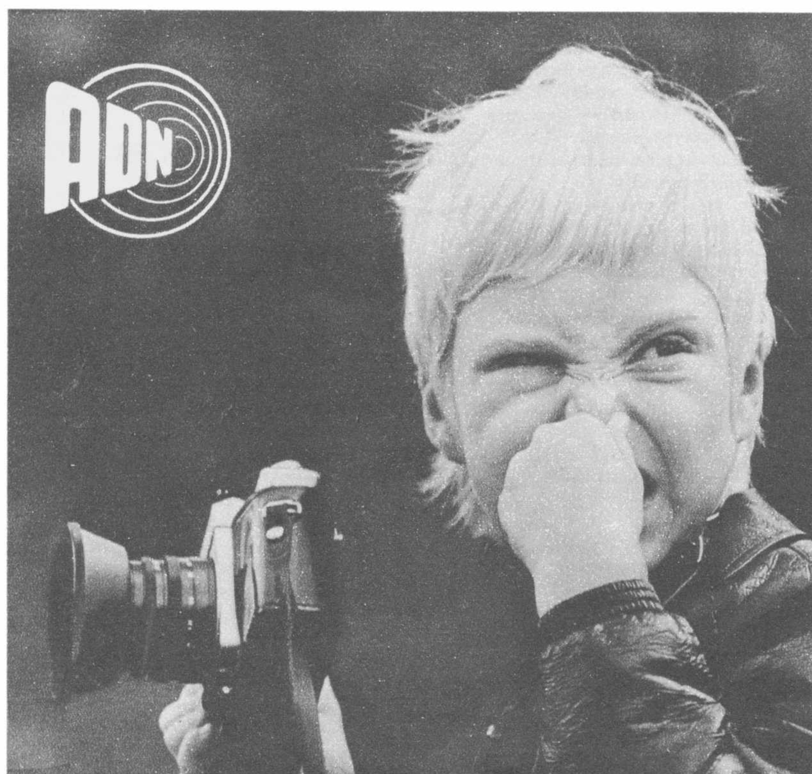
Rolling Stone

«В армии ты получишь все!» — обещает реклама. Активизировалось военное ведомство США, зазывая в пехоту, авиацию, на флот юношей с отменным здоровьем. С приходом в Белый дом администрации Рейгана потуги заполучить новые тысячи рекрутов особенно интенсивны. Дошло до того, что армейская реклама попала на страницы дотоле кичившегося своей «независимостью» и «оппозицией официальному курсу» журнала для рокеров «Роллинг Стоун». Конечно, все неспроста. Абсурдно говорить о самостоятельной линии журнала, сначала качнувшегося в полном соответствии с политической конъюнктурой вправо, а с подъемом милитаристских настроений и вовсе уступившего часть своей площади пентагоновским рекламодателям.

Хорошо известно, к чему приводит армейское воспитание в духе «нового патриотизма». Интересно, найдет ли в себе мужество «Роллинг Стоун» признаться, как попавшие на удочку рекламы доверчивые юноши в штатском со временем превращаются в холодных и жестоких убийц? Хотя бы на примерах захвата Гренады и бомбардировки мирных ливанских городов...

РАКУРС

А ведь мог получиться прекрасный кадр...

ДЖОН ЛЕННОН — ХУДОЖНИК

L'Espresso

Не только с помощью песен, но и рисунков выражал свое отношение к жизни один из участников ансамбля «Битлз», Джон Леннон. И если музыкальные композиции с прекрасными стихами Леннона остались в памяти многих, его художественное творчество известно далеко не всем. После закрытия музея «Битлз» в Ливерпуле многие экспонаты перекочевали за океан, в США. Так рисунки Джона Леннона стали частью экспозиции небольшой картинной галереи «Диансен» в Лос-Анджелесе.

«В жизни вопреки всему всегда есть место нежности и улыбке»,— говорил Джон Леннон незадолго до гибели. Глядя на рисунок, на котором он изобразил себя вместе с женой Йоко Оно и сыном Шёном, почему-то вспоминаются именно эти слова.

КТО ЕСТЬ КТО

Юджин НЬЮПОРТ, мэр города Беркли, штат Калифорния

— В США вообще не может быть и речи о демократии. Там никто не говорит правды. Говорят, что 89 процентов населения приняло участие в выборах президента США, но, в сущности, в них участвовало не более 50 процентов. Выборы не решают проблем. Выигрывают те, у кого есть деньги, чтобы купить больше телевизионного времени, или те, кто связан с транснациональными корпорациями. Все больше возрастает необходимость в реформе системы выборов. В противном случае к власти могут прийти крайне правые.

Антонио ГАДЕС, член Центрального Комитета Коммунистической партии Испании, артист, хореограф

— Испанскому народу упорно втолковывали, что страна должна стать членом Североатлантического пакта, чтобы избежать угрозы войны. Кроме того, нам, испанским коммунистам, не позволили передать по радио и телевидению наши требования, отняли право использовать средства массовой информации для пропаганды мира, для выступления против участия в НАТО и за ликвидацию иностранных баз на территории страны. Хотя после проведения референдума Испания стала членом НАТО, надо помнить, что семь миллионов человек проголосовали против этого решения.

Эрве БАЗЕН, президент Академии Гонкуров, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

— Ядерное оружие ставит под вопрос само существование человечества. Вот почему так важно остановить ядерную гонку... Думаю, что люди когда-нибудь поймут, как глупо тратить миллионы на уничтожение планеты, в то время как эти деньги так нужны на строительство больниц и детских учреждений, распространение знаний и ликвидацию голода.

ДЕБЮТ В «ОГОНЬКЕ»

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ СЛИТЫ В ОДНУ

Геннадий **КРАСНИКОВ**

●

Кто поймет эту жизнь, кто загадку
ее разгадает,
кто прочтет ее смысл
на бесстрастном лице бытия —
надо всем расхочется и надо
всем зарыдает,
станет мудрым, как вечность,
и станет смешным, как дитя!..
Кто откроет глаза и, вдруг
потрясенный, прозреет,
кто с подошв своих пыль
миллионов веков отряхнет,
тот презреет себя
и себя в тот же миг пожалеет,
и опоры себе во Вселенной нигде
не найдет.
Но померкнут сомненья, отчаянье,
горечь и страхи,
лишь увидит он, как —
с ним единую долю деля,
словно пес одинокий
к прохожему в холод, во мраке,
льнет к ногам его нежно
одинокая наша Земля.
И тогда,
оглядев мирозданья пути ледяные,
где не помнят, не знают его
и не ждут,
он полюбит впервые
суровой любовью земные
жернова,
что и кормят, и ждут нас,
и в прах перетрут...

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Все сокрушалась, старая, горько,
не понимая смысла вполне:
это ведь сын ее, а не иголка,
как это мог он пропасть на войне?..
Бедная, сколько соседей просила —
в Кремль написать
и в военную часть,
там, может, что-то слыхали про сына;
не навсегда же он должен пропасть!
И ворошила в сердце запавший
случай услышанный... Бабы твердят,
что воротился вот так же пропавший
из заграничного плена солдат.
Вроде и на сердце повеселело,
кажется, только вот крылья бы ей —
так бы вспорхнула и полетела
к сыну за тысячу гор и морей!..
Парни баян на гулянку просили,
сынов баян... Да она не дает:
«Вот погодите — вернется Василий,
он и сыграет тогда, и споет...
Может, сыночек с немилой сторонки
весточки даже не может подать...
Не говорите! Ведь нет похоронки —
значит, приедет он мать повидать...»
Не возвратился родной,
незабвенный!..
Дом опустевший продан на снос.
А на гулянках баян довоенный
трогает музыкой душу до слез!..

●

Невыносима, огромна, страшна —
вечная братских могил тишина...
Тысячи шумных, веселых ребят —
не шелохнутся, не зашумят...
Тысячи — приняли смерть за страну,
разные судьбы слиты в одну.
Вместе пришлось наступать, отходить,
мокнуть в болотах, пайку делить.
Ночи не спать, на морозе дрожать,
в братской могиле вместе лежать.
Тот — могилевский, тот — из Орла...
Вместе война их навеки свела.
Всех этот холмик земли породнил...
Горькое братство братских могил...

●

Люблю, когда и яростно, и страстно
первопроходцы рушат тишь да гладь,
и молвит Ломоносов громогласно:
«Я знать хочу!.. Я это должен знать!»
Одних влечет разгадка мирозданья,
другие бороздят всю жизнь моря,
но в мире есть другая жажда
знанья —
потребность в правде, проще говоря.
И да простит мне мудрый Галилео—
мне мало знать, что «вертится
Земля!..»,
я знать хочу, куда она глядела,
страданья столько на себя взваля!
Я доищусь, дознаюсь, я запомню,
кто там свои «делишки» хочет скрыть
и—«ваше дело маленькое!»—кто мне
высокомерно пробует внушить.
А это кто, усевшийся вельможно:
«Приема нет!», «Я занят!»,
«Не впускать!..»?
Да как же это стало вдруг возможно,
кто волю дал ему, я должен знать!
Рязанщина, Тамбовщина — не твой ли
картофель снова будет замерзать,
запаханный в неубранное поле?..
Как больно, но как нужно это знать!
Но горше тем, кто здесь сажал
и сеял,
и знал, что без дорог да без людей
все пропадет...
Эх, матушка Расея,
я потрясаюсь выдержке твоей!
Глазами стыдно встретиться
с глазами:
толпа столицу приступом берет,
и едет, едет из нее с узлами
навьюченный продуктами народ...
Мы знать должны виновных
в пустословье,
кто не работал, а мешал в пути,
кто вдруг «по состоянию здоровья»
от нашего суда решил уйти!
И если наболевшие вот эти
стихи не пропускаются в печать,
прошу со всею прямотой ответить—
в чем я не прав? Я это должен знать!
Но, к жизни обращаясь за ответом,
и пред собой я должен отвечать,
как мог я сам еще вчера об этом
позорно и мучительно молчать?..
Да, я предвижу чье-то раздраженье:
«Не слишком ли он много хочет
знать!..»
Но знанье есть гарантия движенья,
и никому движенья не сдержать!

Автор двух книг стихов: «Птичьи светофоры» и «Пока вы любите...». Биография поэта тесно связана с Уралом, с Оренбургским краем. Стихи Г. Красникова эмоционально взволнованны, лирически откровенны. Живет и работает в Москве.

ПАЛИТРА

Не изображая какое-то конкретное место, которое может привлечь собственной исключительностью, художник стремится в капле увидеть универсальность целого.

Алексей Козлов

ПОБЕЖДАЯ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Михаил **ГУСЕВ**

В бывшем Донском монастыре осенью 1986 года экспонировалась выставка произведений Алексея Никифоровича Козлова. Он родился и вырос в деревне Трошино Костромской области. Семнадцати лет ушел на фронт, был тяжело ранен. После войны окончил художественное училище. С начала шестидесятых годов жил и работал в Москве. По рекомендации Мартироса Сарьяна принят в члены МОСХа в 1967 году. Умер пятидесяти двух лет от роду.

Пройдем по залам выставки и попытаемся понять образный строй художника. Нет жанровой живописи, бытовые или литературные сюжеты вне поля его зрения. Много пейзажей, в основном сельских. Пожалуй, единственное исключение — «Останкинская башня». Но и в этом чуде техники да и эстетики сегодняшнего дня автора привлекла не мощь инженерного замысла, четкость линий и пропорций, а движение света. На картине Козлова башня похожа на пылающую свечу или шпиль новогодней елки, окруженный снежным вихрем.

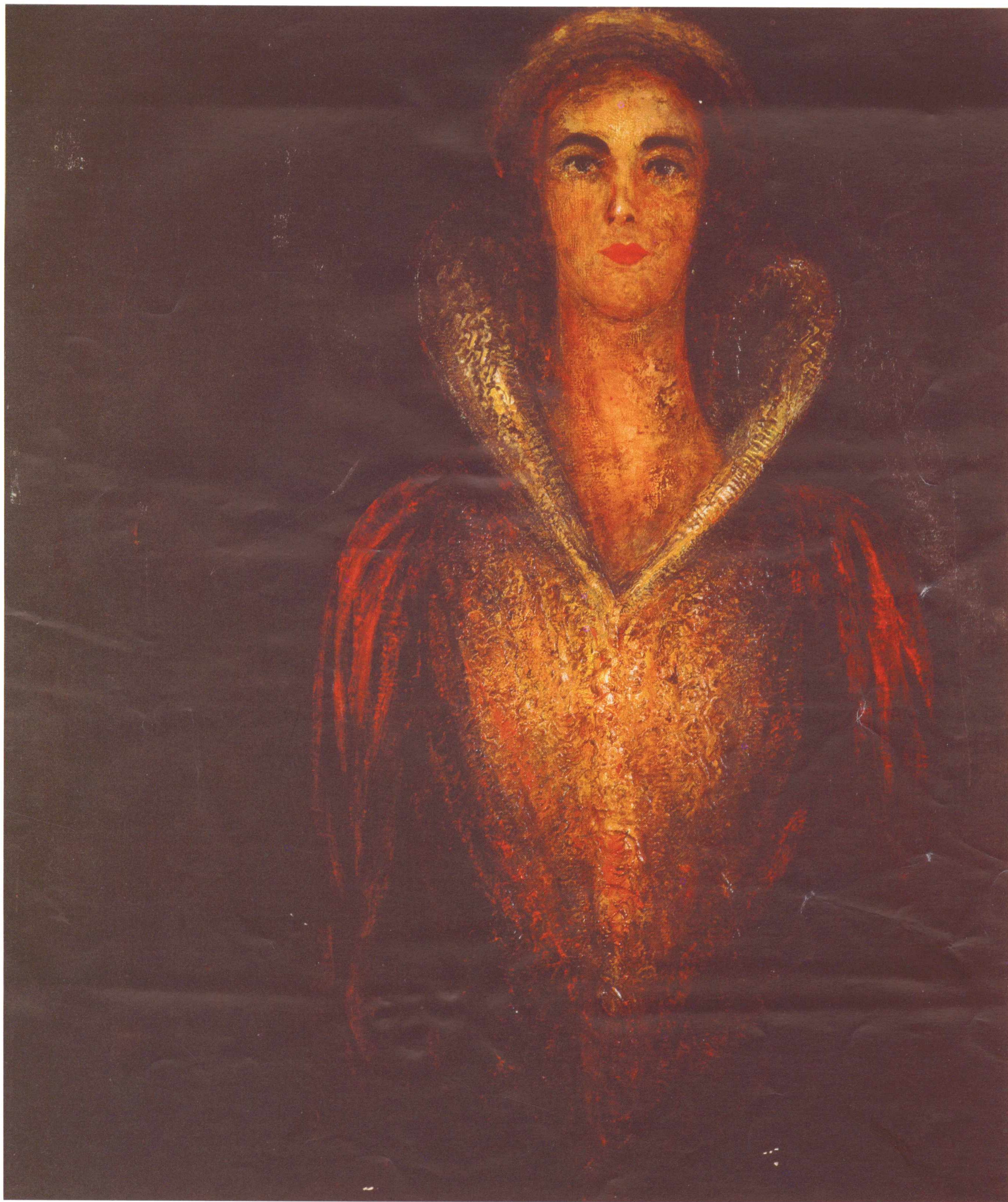
Военной теме посвящены две картины. На полотне «Воспоминание о прошлом» — чудовищный смерч, которым стерты хрупкие и беспомощные крестьянские избы. Только в самом верху холста едва пробивается спасительная зелень неба.

«Драгоценные ларцы». Еще одна важная линия в творчестве художника. Естественно появление предметов старины в картинах на исторические сюжеты. Там они обретают полнокровную жизнь, как декорации спектакля вводят зрителя в действие. И у Алексея Козлова предметы старины подаются отнюдь не как музейные реликвии. Колокол, который не звонит, книга, которую никто не читает, влачат призрачное существование. В чем же ценность «ларцов»? Один из возможных ответов — в той неповторимости, которая отличает всякое талантливое творение человеческих рук...

Главная тема художественного творчества — человек. Внешность, так называемое портретное сходство, для Козлова не самоцель: достаточно, чтобы персонаж можно было узнать. Поэтому нет детальной прорисовки фигуры или лица. Исключаются интерьер и все детали, связывающие образ с реальным временем оригинала. Нет акцента на роде занятий человека.

Итак, минимум точного внешнего сходства, минус среда, минус профессиональная характеристика. Что остается? Как можно изобразить человека вне видимых и доступных всем условий его существования? Именно такую задачу на пределе возможностей искусства как такового ставил себе Алексей Козлов.

Отрыв персонажей от их конкретных реалий приводит к совершенно неожиданному результату. Все они становятся современниками, детьми одного века. Снятие покрова внешних атрибутов деятельности и среды уводит еще дальше. Допустим, перед нами портрет человека в генеральском мундире, хорошо написанный, с точной обрисовкой характера. Образ воспринимается в соответствии с общественным статусом человека. Теперь уберите мундир и все, что связано с профессией. Перед нами сильный и властный человек, который может управлять и оркестром, и крупным заводом. Теперь уберите все приметы времени —и наш герой мо-

А. Н. Козлов. 1925—1977. ПОРТРЕТ ПЕВИЦЫ АЛЛЫ СОЛЕНКОВОЙ. 1972.

жет быть кем угодно, играть любую роль: от рыбака на Онеге лет этак триста тому назад до оперного певца или министра. Именно этого уровня человеческого бытия добивается Алексей Козлов в большинстве портретов.

«Пушкин». Светящийся лоб, неподвижно и пристально смотрящие в глубину глаза. Темно-голубой нимб ломаной линией прочертил контур головы. Все пространство застыло, замерло, молча вслушивается в незримое движение внутри. Ожидание и поиск, пока еще без внятного ответа, в который вовлечены каждая частица тела, каждый нерв. Картина описывает кризисную точку состояния вдохновения, когда рождающийся образ ищет форму, в которой он мог бы жить в мире слов, красок и вещей. В «Пушкине» работы Козлова — попытка создать зримый облик души поэта, центр и начало которой — его полные жизни глаза и сияющий лоб.

Основа эстетики художника — перевод реальных вещей в систему более тонких и сложных отношений. Предметы теряют черты определенности, обыденность цвета и формы. Это превращение дает возможность в нескольких ветхих домиках увидеть село среди родной земли. И холмы на берегу безымянной речки становятся частью бесконечной гряды, протянувшейся через всю Россию. Не изображая какое-то конкретное место, которое может привлечь собственной исключительностью или выразительностью, художник стремится в капле увидеть универсальность целого.

...Десятки первоклассных холстов, переполненные залы бывшего Донского монастыря в дни выставки говорят о том, что Алексей Козлов был художником передовой линии; он стремился к свободному движению в новом, им открытом и завоеванном художественном пространстве.

ПОРТРЕТ ИСКУССТВОВЕДА ПЕТРА ПИНЧУКОВА. 1972.

ДРАГОЦЕННЫЕ ЛАРЦЫ. 1966.

ДНИ ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

«Огонек» продолжает публиковать материалы, посвященные Пушкину. Сегодня мы предоставляем слово земляку великого поэта А. С. Минченкову, а также известному исследователю пушкинских рукописей Л. Ф. Керцелли.

Заповедные пушкинские места. Фото Алексея ГОСТЕВА.

Александр МИНЧЁНКОВ, первый секретарь Пушкино-Горского райкома КПСС

Ежегодно более семисот тысяч человек приезжают к нам в Пушкинские Горы, чтобы увидеть удивительное сочетание «глуши лесов сосновых» и светлых, живописных далей; побывать в Михайловском, Тригорском, Петровском; открыть дверь дома мельника в Бугрове; посетить Святогорский монастырь с могилой Александра Сергеевича Пушкина. Ни на минуту не закрываются двери музеев, никогда не исчезают цветы на могиле поэта.

Долгим и трудным путем шло становление заповедника. Первая страница его истории возвращает нас во вторую половину XIX века.

В приговоре крестьян слободы Тобаленец от 31 декабря 1895 года было записано: «В Святогорском монастыре, расположенном среди земли нашего сельского общества, погребен наш местный помещик А. С. Пушкин, известный поэт. Люди со всех сторон России приезжают почтить память великого поэта, и со всех сторон раздаются жалобы, что на месте погребения память Пушкина мало чтима и недостаточно увековечена, так как, кроме скромного семейного памятника на могиле его в Святых Горах и в селе Михайловском, родовом имении Пушкина, расположенном в 4 верстах от Святых Гор, нет ничего, что бы напоминало о великом имени».

Царское правительство не предпринимало никаких шагов, чтобы сохранить то, что связано с именем великого поэта. К 1859 году в доме Пушкина в Михайловском провалилась крыша, обрушился потолок. Дом никем не оберегался, обстановку расхищали, а в 1860 году он был продан на слом. Памятник на могиле покосился, зарастал травой, ничья заботливая рука не прикасалась к нему. Небрежное отношение со стороны властей к тому, что связано с именем А. С. Пушкина, отнюдь не значило, что память о нем стала угасать. Имя поэта завоевывало все большую популярность. В разные годы сюда приезжали представители русской культуры. Поклониться памяти поэта постоянно приходили простые люди из окрестных сел.

Псковскими крестьянами и была выдвинута идея приобрести Михайловское в национальную собственность. Они обратились к властям с предложением разрешить для этой цели всенародный кружечный сбор средств. Повсюду народная инициатива встречала сочувствие и привлекала к себе внимание.

Псковские ходоки с подписными листами отправлялись в Москву и во Владивосток, в Белоруссию и на Украину, в Сибирь и на Кавказ. Царское правительство, встревоженное тем, что простой народ проявляет такую активность, само решило заняться выкупом Михайловского. И вот в июле 1899 года Михайловское было приобретено наконец в государственную собственность.

К 1917 году бывшая пушкинская усадьба по-прежнему находилась в жалком состоянии. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция сделала народ подлинным хозяином пушкинских мест. Уже в первые годы Советской власти Псковский губисполком занимался восстановлением и реконструкцией этого ценнейшего памятника русской культуры.

17 марта 1922 года — день рождения Музея-заповедника А. С. Пушкина на Псковщине, а 25 мая 1925 года было принято специальное постановление ВЦИК, в котором указывалось: «Переименовать село Тобаленец, центр Пушкинской волости Псковской губернии, в село Пушкинские Горы». С этого времени за Святыми Горами окончательно утвердилось название Пушкинские Горы.

...В годы войны от поселка Пушкинские Горы, сел Михайловское, Тригорское почти ничего не осталось. Печать разорения лежала на всем. Нелегкая задача выпала на долю тех, кто первым начал восстанавливать поселок. Это были и партизаны, и демобилизованные по ранению воины, и те, кто вернулся из советского тыла, и местные жители, пережившие трагедию оккупации. Начинать пришлось практически с нуля.

И во главе этой героической работы встали коммунисты и комсомольцы. «Восстановить Государственный пушкинский заповедник — большая честь для нашей партизанской организации»,— отмечалось в очередном решении районного партизанского собрания. Отработать на восстановлении два часа в день считалось нормой, а по выходным парни и девчата отправлялись в Михайловское и Тригорское разбирать завалы, зарывать траншеи. И вот наконец подошло 12 июня 1949 года, когда псковичи рапортовали правительству о том, что заповедник восстановлен к 150-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина. Закончена вторая страница жизни музея-заповедника. Открывается третья, самая плодотворная и насыщенная.

С самого начала послевоенного восстановления заповедника бессменным его директором является Семен Степанович Гейченко. Вместе с коллективом сподвижников он по крупицам собирал дорогие сердцу экспонаты, восстанавливая утраченное. Семен Степанович не просто исполняет должность директора. Своей энергией, настойчивостью, преданностью делу, любовью к Пушкину он заражает каждого, кто посещает Пушкиногорье. О Семене Степановиче Ираклий Андроников сказал так: «Умелый и сильный организатор. Выдающийся, известный на весь Советский Союз, а ныне и за пределами нашей страны музейный работник, знающий таинственную силу мемориальной подлинной вещи, точного факта и стихотворной строки, сплавленных вместе. Он настоящий артист своего дела, наделенный сильным воображением художника, увлекательный собеседник».

Да. Большое счастье, что во главе музея-заповедника стоит Семен Степанович Гейченко. За трудовой подвиг ему первому из музейных работников в нашей стране присвоено звание Героя Социалистического Труда. Тем, кто побывал в Государственном ордена Трудового Красного Знамени музее-заповеднике А. С. Пушкина, понятно, сколь многим мы обязаны Гейченко, его трудам и заботам, его вдохновению. Ибо без высокого душевного озарения нельзя было с такой полнотой, с такой очевидностью вернуть и показать прошлое и тем самым приблизить Пушкина к нашему времени, к нам.

В скором времени как еще один памятник великому Пушкину поднимется в Пушкинских Горах научно-культурный центр. В нем разместятся актовый зал на 5600 мест для торжественных заседаний, конференций, концертов, лекционный кинозал на 200 мест, два выставочных зала, библиотека, хранилище, служебные кабинеты для сотрудников заповедника, экскурсионное бюро.

Ежегодно государство выделяет только на проведение реставрационных работ в заповеднике свыше 100 тысяч рублей.

В каком государстве вы сможете увидеть такое? Да, нет в мире ни одного музея, который имел бы площадь 800 гектаров да охранную зону на 3,5 тысячи гектаров. Это поистине живой памятник любви советских людей к великому поэту. И его создали благодарные потомки, «племя младое, незнакомое», живущее в свободном обществе, о котором мечтал когда-то поэт.

И чем дальше идет развитие заповедника, тем больше растет его значимость, тем сильнее притягательная сила. И это мы, жители Пушкиногорья, ощущаем прежде всего на себе. И потому помним, что Пушкинские Горы не только наша святыня, но и святыня Отечества, и делаем все, чтобы эта святыня жила, радовала, давала вдохновение.

Лариса КЕРЦЕЛЛИ

«НО ТЕ, КОТОРЫМ В ДРУЖНОЙ ВСТРЕЧЕ Я СТРОФЫ ПЕРВЫЕ ЧИТАЛ...»

П. Х. Молоствов. Рисунок А. С. Пушкина.

П. Х. Молоствов. Неизвестный художник. 1821 год.

Так уж устроена наша память, что впечатления юных лет и ранней молодости остаются жить в ней образами, не утрачивающими со временем ни своего очарования, ни остроты. Особенно если впечатления эти несли в себе яркость и новизну. Таким именно было дружество еще только вступавшего в зрелую жизнь Пушкина с молодыми офицерами лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в ту пору в Царском Селе, с которыми поэт сблизился, еще будучи воспитанником Лицея.

Имена Каверина и тем более Чаадаева в пушкиноведческой литературе сопрягаются с именем Пушкина достаточно часто. Имя же «оригинала и либерала» П. Х. Молоствова, в доверительных беседах с которым молодой поэт, по его признанию, «бранил Россию», то есть аракчеевские устои ее, насаждавшие так претивший всем мыслящим людям «дух неволи»,— имя Молоствова в литературе о Пушкине можно встретить не так уж часто.

Между тем существуют очень важные стихотворные строки у Пушкина, где говорится о Молоствове, а в известном стихотворении 1817 года имя Молоствова явлено поэтом едва ли не в значении нарицательном.

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленькой Каверин,
Лицейской Молоствов.

Не приходится сомневаться, что, упоминая Молоствова даже в контексте шутливо-язвительном, Пушкин говорит о нем как о человеке особом, чье имя уже само по себе может что-то знаменовать. И в упоминаниях Пушкиным Молоствова так или иначе всегда ощущается оценка им своего приятеля как человека острого и умного.

Памфамир Христофорович Молоствов (1793—1828) принадлежал к старинному дворянскому роду и официально числился помещиком Казанской губернии. Незадолго до начала Отечественной войны, в декабре 1811 года, Памфамир Молоствов был переведен из эстандарт-юнкеров Кавалергардского полка в лейб-гвардии Гусарский полк корнетом. С этим полком он прошел сражения 1812 года, участвовал в последовавших заграничных походах, побывал в Париже. Возвратившись в Россию, Молоствов продолжал служить в Царском Селе, где судьба и свела его с Пушкиным-лицеистом.

В 1823 году Молоствов вышел в отставку в чине полковника, и, по сообщению Н. Г. Молоствова, «жил постоянно в Петербурге, в своем доме на Сергиевской улице... Знакомство с поэтом, благодаря уму и образованию Молоствова, скоро перешло в столь близкие отношения, что Пушкин стал часто бывать у него в доме, а впоследствии был с ним в переписке».

В июле 1828 года Памфамир Христофорович Молоствов умирает. Весть об этом должна была как-то коснуться души поэта, так чутко отзывавшегося всегда на утраты — на уход друзей и приятелей прежних лет, добрых старых знакомых. Отозвался ли как-то Пушкин на смерть Молоствова? До сих пор сказать что-либо об этом наверное было трудно.

Но вот в черновиках неоконченной повести «Гости съезжались на дачу...» (ПД, 838, л. 33), относящихся к августу — началу сентября 1828 года, внимание мое привлек карандашный рисунок...

Портрет на черновике, к сожалению, не слишком отчетливо виден, но облик, но образ воспринимается сразу же как изображение Молоствова. Колебаний, сомнений, как часто бывает при атрибуции лица, впервые в рисунках Пушкина определяемого, этот портрет не вызывает. Да и обстоятельства, связанные с его появлением именно в это время, достаточно однозначны — портрет нарисован поэтом спустя самое малое время после кончины П. Х. Молоствова, скорее всего в августе.

Портрет, безусловно, удался Пушкину — он похож, выразителен и даже как бы драматургичен. Но при всем том это какой-то «тихий» портрет. Тихий, несмотря на динамику рисунка, на живой острый взгляд цепких глаз, на молодую еще буйнокудрявую шевелюру... Видно, небезоблачно было на сердце поэта, когда рисовал он его в своей тетради,— начало уходить поколение храбрых в боях, прямодушных в суждениях, независимых в поведении и поступках недавно еще молодых людей с нетерпеливыми душами.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

«Огонек» начинает публиковать поэтическую антологию «Русская муза двадцатого века», которую предложил редакции известный советский поэт, лауреат Государственной премии СССР Евгений Александрович Евтушенко. Опыт подобных антологий всегда вызывал активный интерес любителей литературы. Достаточно назвать знаменитый сборник И. Ежова и Е. Шамурина «Антология русской лирики от символизма до наших дней», вышедший в 1925 году, или однотомник «Три века русской поэзии», подготовленный Н. Банниковым. Составитель представляемой на суд читателей антологии проявил, разумеется, при отборе имен и конкретных произведений свои личные вкусы и пристрастия.

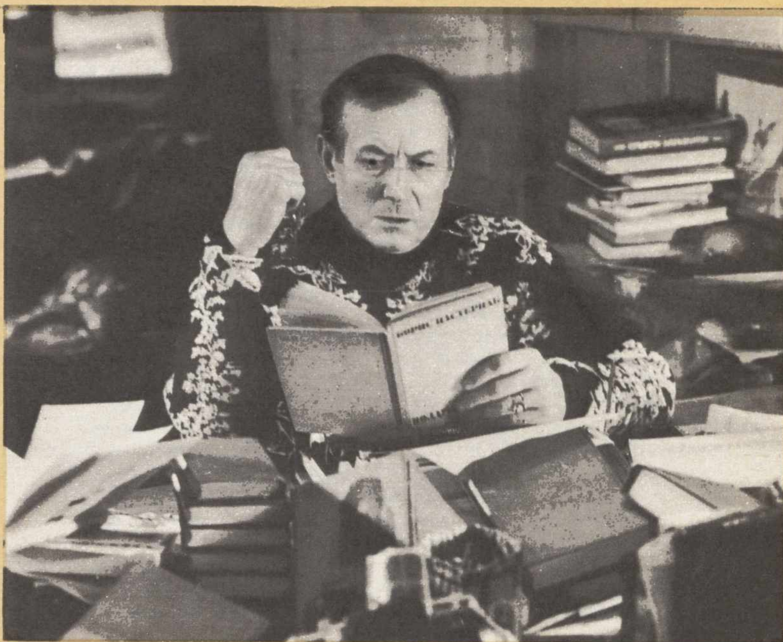
Евгений ЕВТУШЕНКО

Когда-то были написаны мною такие строки: «Поэт в России больше, чем поэт». История русской поэзии неотъемлема от нашей отечественной истории — они неразрывно переплетаются, как духовные сообщающиеся сосуды.

Год, в который мы вступаем,— год семидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Некоторые «советологи» пытались утверждать, что после Октября классические традиции гуманизма и профессионального мастерства XIX века прервались, что наша поэзия стала придатком политической пропаганды, придворной льстивой служанкой. Как и в любой другой поэзии мира, у нас, конечно, были конъюнктурно-ремесленные поделки, но не они определяли путь развития русской поэзии. Временное отшелушивалось, вечное непобедимо проступало, даже если иногда и зачеркивалось с маху или искусно замазывалось. Все получалось по пророческим словам Пушкина: «Но краски чуждые, с летами, спадают ветхой чешуей; созданье гения пред нами выходит с прежней красотой».

А если говорить о пропаганде, то большая русская поэзия никогда не чуралась ее ни в девятнадцатом, ни в двадцатом веке, но это была священная пропаганда красоты, силы духа, свободы, демократии, гласности. Такая пропаганда когда-то воспитала Ленина и других творцов Октябрьской революции, такая пропаганда нравственно подготовила сегодняшнюю перестройку, которая неотделима от перестройки духовной. Перестройка невозможна без подытоживания богатств нашего культурного наследия, включая наследие поэтическое. Чего греха таить, художественная ориентация порой размывается из-за агрессивного вторжения на наши эстрады, на экраны телевидения потока словесной дребедени, служащей рифмованным сопровождением для сомнительных мелодий. И бессодержательные вирши, заполоняя страницы журналов и газет, или отбивают вкус к поэзии, или его портят. А настоящая поэзия, к сожалению, превращается в трагический книжный дефицит.

Именно поэтому у меня и возникла мысль при помощи одного из самых массовых наших журналов, «Огонька», протянуть ариаднину нить в лабиринте словесности, напомнив читателям о тех поэтических сокровищах, которыми мы обладаем и которые могут быть художественным ориентиром в оценке современной поэзии.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ 1856—1909

Блестяще образованный человек, соединивший в своей поэзии классические традиции Пушкина, Тютчева, Баратынского с европейской культурой. Был директором Царскосельского лицея, и стихи его похожи на осеннюю строгость царскосельских аллей. Взыскательный, утонченный мастер. Оказал влияние на целую плеяду русских поэтов — А. Ахматову, Н. Гумилева, В. Ходасевича. В некоторых его строках можно уловить как бы предвиденные интонации Б. Пастернака.

ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты. . .
Я не знаю, где **вы** и где **мы**,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале,—
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки. . .
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознанье проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отрава бесплодных хотений.

ТО БЫЛО НА ВАЛЛЕН-КОСКИ

То было на Валлен-Коски.
Шел дождик из дымных туч,
И желтые мокрые доски
Сбегали с печальных круч.

Мы с ночи холодной зевали,
И слезы просились из глаз;
В утеху нам куклу бросали
В то утро в четвертый раз.

Разбухшая кукла ныряла
Послушно в седой водопад,
И долго кружилась сначала,
Всё будто рвалася назад.

Но даром лизала пена
Суставы прижатых рук,—
Спасенье ее неизменно
Для новых и новых мук.

Гляди, уж поток бурливый
Желтеет, покорен и вял;
Чухонец-то был справедливый,
За дело полтину взял.

И вот уж кукла на камне,
И дальше идет река. . .
Комедия эта была мне
В то серое утро тяжка.

Бывает такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчей.

Как листья тогда мы чутки:
Нам камень седой, ожив,
Стал другом, а голос друга,
Как детская скрипка, фальшив.

И в сердце сознанье глубоко,
Что с ним родился только страх,
Что в мире оно одиноко,
Как старая кукла в волнах. . .

СМЫЧОК И СТРУНЫ

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

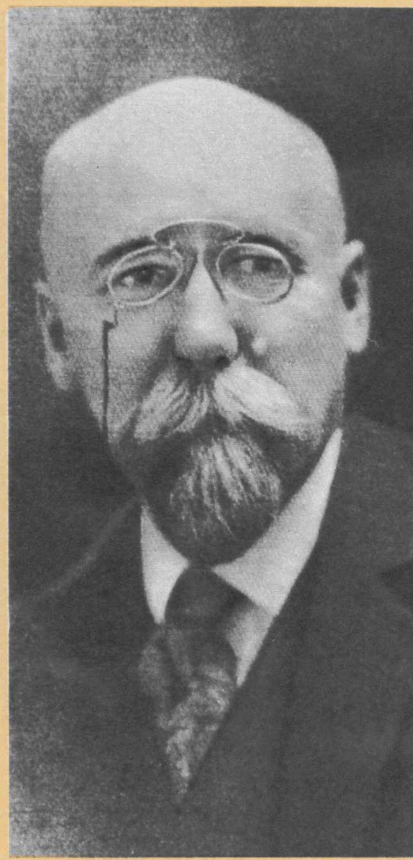
Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..»
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

ФЕДОР СОЛОГУБ (ПСЕВДОНИМ ФЕДОРА КУЗЬМИЧА ТЕТЕРНИКОВА) 1863—1927

Сын портного и крестьянки. Принадлежал к движению символистов. Блок сказал, что предмет его поэзии «скорее душа, преломившая в себе мир, а не мир, преломленный в душе». Поэтические высокопарные порывы, свойственные тогдашнему символизму, у Сологуба были пропитаны горечью пережитых им страданий бедности. Самое знаменитое его произведение — роман «Мелкий бес» — концентрация удушливого воздуха безнадежности. Выбранные из плодовитого наследия Сологуба стихи, на мой взгляд, шедевры, где он вовсе не следует своей собственной декларации: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт». Поэты именно тогда достигают своих вершин, когда преодолевают собственные заносчивые декларации. Недаром Горький рекомендовал лучшие стихи Сологуба начинающим.

●

Словно бусы, сказки нижут,
Самоцветки, ложь да ложь.
Языком клевет не слижут,
Нацепили, и несешь.

Бубенцы к дурацкой шапке
Пришивают, ложь да ложь.
Злых репейников охапки
Накидали, не стряхнешь.

Полетели отовсюду
Комья грязи, ложь да ложь.
Навалили камней груду,
А с дороги не свернешь.

По болоту-бездорожью
Огоньки там, ложь да ложь,—
И барахтаешься с ложью,
Или в омут упадешь.

ЛИХО

Кто это возле меня засмеялся
так тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно,
с колыбели,
Лихо стояло и возле
крестильной купели,
Лихо за мною идет неотступною
тенью,
Лихо уложит меня и в могилу.
Лихо ужасное, враг и любви
и забвенью,
Кто тебе дал эту силу?

Лихо ко мне прижимается, шепчет
мне тихо:
«Я — бесталанное, всеми гонимое
Лихо!
В чьем бы дому для себя уголок
ни нашло я,
Всяк меня гонит, не зная минуты
покоя.
Только тебе побороться со мной
недосужно,—
Странно мечтая, стремишься ты
к мукам.
Вот почему я с твоею душою
так дружно,
Как отголосок со звуком».

ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.
Качает и смеется,
Вперед, назад,
Вперед, назад.
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.
Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

В творчестве видного английского прозаика Джона Генри Нойеса Кольера (1901—1980) легко сосуществуют реальность и фантасмагория. В свое время по обе стороны Атлантики новеллы писателя пользовались таким успехом, что в англо-американской критике даже появился и имел хождение термин «a Collier story» («рассказ в манере Кольера»). Предлагаемый вниманию читателей рассказ включен в сборник Джона Кольера — первый на русском языке, который выйдет в «Библиотеке журнала «Иностранная литература».

На полпути в АД

Джон КОЛЬЕР

Рисунок
Левона ХАЧАТРЯНА

Поспешно решив покончить счеты с жизнью, Луис Терлоу заглянул в банковскую книжку: на счету у него оставалось сто с небольшим фунтов.

— Прекрасно, — заметил он. — Съеду-ка я с этой вонючей квартиры и пороскошествую недельку в «Барашке». Еще разок вкушу от всех маленьких радостей жизни, прежде чем сказать им «прости».

И он снял номер в «Барашке», где вконец загонял мальчишек-посыльных. То они неслись на Пиккадилли покупать хризантемы — ему хотелось вдохнуть аромат наступающей осени, которую он уже не застанет. То он отправлял их в Сохо за французскими сигаретами, чей вкус оживлял воспоминания об одной прелестной гостинице с видом на Сену. Он распорядился доставить из галереи в Нейи на несколько дней маленькое полотно Мане — «чуть-чуть пожить с творением прекрасного» — объяснял он с весьма загадочной улыбкой. Можете не сомневаться, что ел и пил он только самое отменное; кусочек одного, глоток другого — ведь ему со стольким предстояло проститься.

В последний вечер он позвонил Селии: ему заблагорассудилось еще раз услышать ее голос. Сам он, понятно, хранил молчание, хотя его так и подбивало произнести: «Чем все время трещать «Алло», сказала бы лучше «Прощай!». Но она с ним уже попрощалась, а его учили не жертвовать хорошим вкусом ради дурного словца.

Он положил трубку и выдвинул ящик ночного столика, где хранил купленный в несколько приемов запас веронала.

«Что-то многовато придется глотать,— подумал он.— Вот уж верно: все познается в сравнении. Я льстил себе, что далек от тех суматошных, бестолковых самоубийц, кто сломя голову кидается выжигать себе потроха какой-нибудь химией. Теперь же мне кажется, что завершить столь приятную неделю, впихнув в себя два десятка таблеток и запив их двадцатью глотками воды, едва ли намного утонченнее. Впрочем, такова жизнь. Не будем нервничать и спешить».

Рассудив так, он поудобней устроился на подушках, поздравил себя с выбором пижамы и поставил на столик некую фотографию, прислонив ее к будильнику.

— Аппетита у меня никакого,— посетовал он.— Заставляю себя есть, только чтоб друзей ублажить. Нет ничего занудней безнадежно влюбленного.

С этими словами он жеманно приступил к своей последней легкой, неприхотливой и скудной трапезе.

Таблетки подействовали довольно быстро. Наш герой смежил веки. Он оформил на лице улыбку, какую пристало иметь человеку со вкусом, когда его поутру застают мертвым. Он отключил тот моторчик, что тянет всех нас сквозь время, и приготовился отлететь в долину теней.

Полет был долгим. Он не предвидел ему конца и тем более удивился, когда обнаружил, что

никакого «ничто» не существует, а вот мертвое тело в самом удобном спальном номере отеля «Барашек», напротив, существует самым очевиднейшим образом.

— Вот и я,— сказал он.— Мертвый! И в «Барашке»!

Эта свежая мысль мигом подняла его с постели. Он обратил внимание, что тело, однако, осталось в кровати, и с радостью отметил, что улыбка все еще на месте и имеет наилучший вид.

Он подошел к зеркалу посмотреть, способно ли его теперешнее лицо принять столь же тонкое выражение, но ровным счетом ничего не увидел. Однако же у него, несомненно, имелись руки и ноги, и он чувствовал, что может по-прежнему вскидывать бровь характерным движением. По всему этому он заключил, что остался почти таким же, хотя и не совсем.

— Я всего лишь сделался невидимкой,— констатировал он,— в чем, конечно, есть свои преимущества.

Он тут же решил выйти на улицу немножечко поразвлечься. Спустившись по лестнице, он проследовал за уходившим посетителем сквозь вращающиеся двери и через минуту уже шагал по Корк-стрит. Судя по всему, был первый час ночи; ему повстречались полисмен, два такси и несколько дам, и никто решительно его не заметил.

Не прошел он, однако, и двадцати ярдов — он как раз поравнялся с мастерской своего портного,— как некто худой и черный отделился от теней, что окутывали ограду перед ателье, и произнес, возникнув у него за плечом:

— Провались оно в преисподнюю, приятель, и **долго** же ты собирался!

Луиса слегка обескуражило, что он оказался не таким полным невидимкой, как считал поначалу. Он, в свою очередь, воззрился на незнакомца и увидел, что глаза у того светятся, как у кошки, а это говорило об особенно остром зрении.

— Уж не я ли,— спросил Луис,— заставил вас ждать?

— Да из-за вас я тут болтаюсь и мерзну целую неделю,— сердито ответствовал незнакомец.

На дворе был сентябрь, и ночи стояли хотя и прохладные, но отнюдь не морозные. Сопоставив одно с другим, Луис спросил:

— Неужели вы ждали все это время, чтобы меня, так сказать, арестовать в связи с моим недавним самоубийством?

— Затем и ждал,— подтвердил бес.— Охоткой пойдете или как?

— Любезнейший друг,— сказал Луис,— я знаю, что вы при исполнении, да и вообще я не из тех, кто устраивает сцены на улице. Простите, если заставил вас маяться на холоде, но, честно говоря, я и понятия не имел о вашем существовании, так что не принимайте мое опоздание столь болезненно.

— Вот-вот,— сварливо пожаловался бес,— болезнь — она из меня так и прет. Готов поклясться, что подхватил грипп, бог его побери! — И с этими словами он отчаянно чихнул и добавил: — Хуже всего, что и путь у нас впереди такой **человеческий**. Я на много недель выйду из строя.

— Ну чего же это вы так расчихались, прямо сердце надрывается! — воскликнул наш герой.— Вам не доводилось пробовать кветч, что подают в клубе «Крысоловка»?

— Какой такой кветч? — поинтересовался бес, не переставая чихать.

— На вкус — жидкий огонь,— ответил Луис.— Если не ошибаюсь, его гонят из сливовых косточек, хотя почему именно из них — этого не знаю. Может, чтоб лечить простуду вроде вашей.

— Жидкий огонь, вот как? — И глаза незнакомца разгорелись, как огоньки сигарет.

— Так за чем дело стало, пойдемте отведаем,— предложил Луис.

— Уж и не знаю,— замялся бес.— Мы на неделю приподнялись по вашей милости, так что вполне могли бы задержаться еще на полчасика ради меня. Да только, боюсь, если там про это прознают, шуму не оберешься.

Луис заверил беса, что и добавочные полчаса тоже следует списать на его, Луиса, счет.

— Вы простудились по моей нерасторопности,— объяснил он.— Поэтому за время, необходимое, чтобы поставить вас на ноги, ответственность несу я и только я.

Тот поверил ему с готовностью, натолкнувшей нашего героя на мысль, что бес, должно быть, из самых простых.

Итак, наша парочка направилась в «Крысоловку». Когда они пересекали Пиккадилли, попутчик, указав Луису на станцию подземки, заметил:

— Сюда-то я вас и доставлю после того, как мы пропустим по стаканчику этого вашего, как бишь его там?

— По этой линии нам в ад не попасть,— ответил Луис,— разве что в Бэронз Корт[1]. Их, правда, нетрудно спутать, так что ошибка вполне простительна.

— Никакой ошибки,— возразил бес.— Перейдемте-ка на ту сторону, я вам покажу, в чем тут хитрость.

Они вошли в вестибюль и, мило болтая, спустились по эскалатору. Народу в подземке было много, но в толпе заурядных пассажиров наши друзья не привлекали к себе ни малейшего внимания. Этой линией пользуются много джентльменов демонической внешности и столько же других — с обличием мертвецов. К тому же (чуть не забыл!) они ведь были невидимы.

Когда они достигли самой нижней платформы, где останавливаются поезда, бес сказал: «Теперь сюда!» — и увлек Луиса в переход, до тех пор ни разу не попадавшийся тому на глаза. Оттуда доносился грохот еще оглушительней и несло совсем уже раскаленным воздухом. Луис прочел надпись на табло «ДЕРЖИТЕСЬ НЕПРАВОЙ СТОРОНЫ» и через пару шагов очутился у пасти эскалатора, какой нашему герою не привиделся бы и в самом кошмарном сне: он низвергался от того места, где они остановились, и с ревом и стоном устремлялся в тайные недра земли. Свет в шахте давали обычные лампы. Луис, чье зрение, по-видимому, невероятно обострилось, разглядел, что далеко-далеко внизу по струению этой бесконечной ленты черные тени уступают место голубым, а лампы—звездам. Однако и после этого подвижная лестница, похоже, убегала в черт знает какую даль.

В остальном же она походила на любой другой эскалатор, не считая мелочей. Например, стены шахты были украшены живописной рекламой искушений, и некоторые показались Луису весьма любопытными. Он свободно мог ступить на эскалатор — здесь не было ни турникетов, ни контролеров,— но, как мы видели, он не жаловал спешки.

Время от времени его и его спутника толкали другие бесы, следовавшие со своими подконвойными. Кое-кто из последних, увы, вел себя не самым достойным образом, и их приходилось тащить силой, как принято в полиции. То было унизительное зрелище. Тем не менее Луис с интересом отметил, что стоило адским стражам и их жертвам ступить на эскалатор, как тот, словно ощутив их вес, мгновенно набирал чудовищную скорость. Потрясающий вид являла собой эта узкая бегущая лента в озарении призрачных огней — ревущая, низвергающаяся и выгибающаяся дугой на всем протяжении от земли до ада, а расстояние между ними куда больше, чем можно вообразить.

— Как же вы обходились до эпохи механизации? — спросил Луис.

— Скакали сернами со звезды на звезду, как же еще,— ответил бес.

— Великолепно! — изрек Луис.— А теперь пойдем выпьем.

Бес согласился, и они отправились в «Крысоловку», где, уютно примостившись в уголке у стойки, воздали должное полной бутылке знаменитого кветча. С презрением отказавшись от стакана, бес присосался к горлышку, и пораженный Луис узрел, как сверхкрепкое фирменное бренди закипело ключом. Напиток, видимо, пришелся бесу по вкусу. Выдув все до капли, он всосал заодно и бутылку — расплавленное стекло сплющилось по бокам наподобие шкурки крыжовника, когда его высасывает ребенок. Втянув в себя весь сосуд целиком, бес ухмыльнулся, сделал губы уточкой и выдул стекло — теперь он напоминал скорее курильщика, выпускающего свою первую утреннюю затяжку. Более того, выдуваемая стеклянная масса приняла у него не первоначальную форму бутылки, но застыла в очаровательную скульптурную группу, очень забавную и исполненную с бесподобным реализмом.

— Адам и Ева,— лаконично пояснил бес, ставя статуэтку на стол, чтобы остыла.

— Изумительно, просто изумительно! — воскликнул Луис.— И Марса с Венерой можешь?

— Ага,— сказал бес. Луис незамедлительно реквизировал еще с полдюжины кветча.

Он предложил бесу пригоршню сюжетов, описание которых вряд ли представит интерес для читателя. Бесу, однако, каждое новое задание почему-то казалось смешнее предыдущего, а когда он икнул, работая над леди Годивой, и увидел, что стало со статуэткой, то едва не зашелся от хохота. Дело в том, что он-таки здорово поднабрался. Луис же подбрасывал ему все новые темы — не столько из любви к искусству, сколько из нежелания прокатиться на этом самом эскалаторе.

Но вот наступила минута, когда бес уже не мог выпить и капли. Он встал, побренчал монетами (у бесов водится монета — вот куда они уплывают, наши денежки!) и надул щеки.

— У-уф! — сказал он, икнув.— Простуде моей вроде бы полегчало. А нет — так ну ее в ад! — и вся недолга. Ха-ха!

Будьте уверены, Луис не преминул сообщить бесу, что тот парень свой в доску.

— Ну вот,— произнес наш герой, когда они вышли из «Крысоловки» и остановились на ступеньках,— тебе, помнится, в эту сторону, а мне — в другую.

Он скорчил приятную мину, приподнял шляпу и пошел себе восвояси, затаив дух, пока не повернул за угол. Решив, что опасность уже позади, он сказал:

— Слава богу, удалось избавиться от этого малого! Подведем итоги. Я мертв, невидим, а ночь только начинается. Не сходить ли к Селии поглядеть, что она сейчас поделывает?

Но пуститься в эту скоропалительную авантюру он не успел: жесткие пальцы стиснули ему предплечье, он обернулся и увидел своего верного стража.

— А, вот и ты,— сказал Луис.— Я все гадал, куда это ты подевался.

— Надрался, как бог,— молвил бес, ухмыляясь.— А теперь проводи-ка ты меня до дому.

Ничего другого Луису и не оставалось. Они направились на Пиккадилли. Бес придерживал его за запястье, разумеется, очень тактично, только Луис предпочел бы вообще обойтись без него.

Таким манером они, непринужденно беседуя, снова спустились в подземку и вышли на платформу линии «Пиккадилли — Серкус» — ту самую, где адская скважина зияет для тех, кому дано ее видеть. И кто бы, вы думали, попался в эту минуту Луису на глаза — в цилиндре, белом шелковом кашне и при полном параде? Проклятый мерзавец, его удачливый соперник, ловил последний поезд, поспешая домой. Луиса осенило.

— Держу пари,— обратился он к бесу,— у тебя не хватит силенок пронести меня на спине отсюда до эскалатора.

Презрительно хмыкнув, бес подставил спину. Напрягшись из последних сил, Луис обхватил соперника вокруг талии и взвалил бесу на закорки. Бес зажал его ноги под мышками и припустил с резвостью призового рысака.

— За два пенса снесу аж до самого ада! — гаркнул он с пьяной бравадой.

— Заметано! — воскликнул Луис; он вприпрыжку бежал за ними, дабы сполна насладиться дивным зрелищем.

Млея от восторга, он проследил за тем, как они скакнули на эскалатор, а тот, как показалось нашему герою, наддал скорости еще сильней и резче, чем раньше.

Луис вышел на улицу вне себя от счастья. Он немного прошелся и вдруг надумал заглянуть в «Барашек» посмотреть, как там поживает его труп.

Не без досады он обнаружил, что впечатляющая улыбка, над которой он столько бился, вянет буквально у него на глазах и вообще как-то по-идиотски скособочилась. Без всякой задней мысли он машинально скользнул в свое тело, чтобы вернуть улыбку на место. От этого у него засвербило в носу, он не удержался, чихнул, открыл глаза — и выяснил, что живой и здоровый лежит в роскошном номере отеля «Барашек».

— Ну и ну,— произнес он, поглядев на ночной столик.— Неужели я незаметно уснул, проглотив всего пару таблеток? Нет, недаром говорится, что поспешность нужна только при ловле блох. Должно быть, я видел сон, но все было прямо как наяву!

Словом, он порадовался тому, что жив, а через несколько дней порадовался еще больше, когда до него дошли новости, свидетельствующие, что это все-таки был не сон. Соперника Луиса объявили без вести пропавшим — последними его видели два приятеля у входа на станцию подземки «Пиккадилли — Серкус» во вторник в самом начале первого.

— Кто бы подумал? — заметил Луис.— Как бы то ни было, а не сходить ли проведать Селию?

Наш герой, однако, познал, как хорошо не спешить, и, прежде чем идти, взял да и передумал, так что вообще никуда не пошел, а уехал на осень в Париж, чем и доказал: девушки, легкомысленно отказывающиеся от низкорослых голубоглазых мужчин, рискуют остаться при собственном интересе.

Перевела Наталья КУНЯЕВА.

[1] Район в северной части Лондона, застроенный в конце XIX века.

МУЛЬТПАННО

Сегодня в «МУЛЬТПАННО» встретились два фестиваля — VII Загребский и III Рязанский. Один из крупнейших мультипликационных кинофестивалей мира — и новичок, выпестованный силами рязанского клуба любителей кино. И хотя «МУЛЬТПАННО» в равной степени интересует все, что касается любимого миллионами зрителей киножанра, но все же наши симпатии сегодня отданы рязанцам — клубному фестивалю советской мультипликации — ФЕСОМу. Почему? Читайте комментарий «МУЛЬТПАННО».

«МУЛЬТПАННО» представляет читателю члена жюри VII Всемирного фестиваля мультипликационных фильмов в Загребе кинорежиссера Эдуарда Назарова.

Родился в 1941 году. Как только вырос, сразу же пошел на студию «Союзмультфильм». Окончил Московское высшее художественно - промышленное училище. Как художник-постановщик сделал фильмы (совместно с В. Зуйковым): «Фильм, фильм, фильм», «Остров», серии о Винни-Пухе. Как режиссер сделал фильмы «Охота», «Жил-был пес», «Путешествие муравья», «Про Сидорова Вову». Получил в общей сложности около 15 международных призов. Прекрасный рассказчик, но утверждает, что художественным словом не владеет...

Эдуард НАЗАРОВ

О ФЕСТИВАЛЕ? О ФЕСТИВАЛЕ!

Мне предложили написать о последнем фестивале в Загребе. Всего «две странички». Я взялся. Опрометчивость моего поступка выяснилась только потом, когда комната была завалена исписанной и исчеркнутой бумагой.

Из представленных на фестиваль около 450 фильмов для участия в конкурсе было отобрано 98 из 24 стран, 39 фильмов показано вне конкурса. Состоялись три ретроспективы: выдающегося мультипликатора XX века Нормана Мак-Ларена, американских классиков мультипликации первой половины века братьев Флейшеров и советского режиссера Андрея Хржановского. Надо полагать, что зрителей привлекли также полнометражные фильмы США и Венгрии, лучшие фильмы других фестивалей, программа фильмов для детей, программа нидерландских фильмов, английские рекламные фильмы и видеофильмы о мастерах мировой мультипликации.

В конкурсе участвовало шесть советских фильмов. Три из них получили премии, но о призерах Загреба читатели «МУЛЬТПАННО» уже знают, так что пойдем дальше.

В фестивальной программе оказалось достаточно произведений замечательных и средних, умных и не очень. Можно было бы рассказать содержание некоторых и попытаться самому описать их достоинства, но я сознательно не буду этого делать, поскольку убежден, что судить о фильме или книге лишь по рецензии — не самый верный путь.

Фестиваль в Загребе, конечно, престижный, но он всего лишь один из многих проходящих в мире. И почти на каждом наши фильмы получают призы. Правда, авторы, случается, даже и не знают об этом и никогда не видели своих наград. Хотя сие, вероятно, мелочи.

Вот, кажется, и весь рассказ о Загребе. Но хочется сказать и о том, что меня беспокоит.

Первое. Отечественная школа мультипликации — одна из ведущих в мире. Однако у нас ни разу не было международных фестивалей мультипликации, а они нам очень нужны. Только где их проводить? В Москве? Нет, лучше не здесь, а то зарубежные гости неминуемо придут на «Союзмультфильм» и увидят, в каких условиях и с какой техникой мы работаем.

Второе. На фестивалях фильмы получают премии, а у себя на родине редко выступают в роли солистов, их, как правило, загоняют в мультсборники с «индивидуальными» трехзначными номерами. А уж о качестве фильмокопий и говорить не приходится: думаешь, на кой черт вырисовывал и выписывал, ночей недосыпал?

Третье. Авторы фильмов, равно как и зрители, нуждаются в профессиональной критике мультипликации. Нельзя же всерьез относиться к бесконечным писулькам под заголовком «Здесь живут волшебники». Подобный настрой воспитывает у зрителя снисходительное отношение к мультипликации как к веселому придурку. Но что еще хуже — авторы фильмов подчас важно раздуваются от достижений, которых нет. Ведь все-таки «волшебники» как-никак...

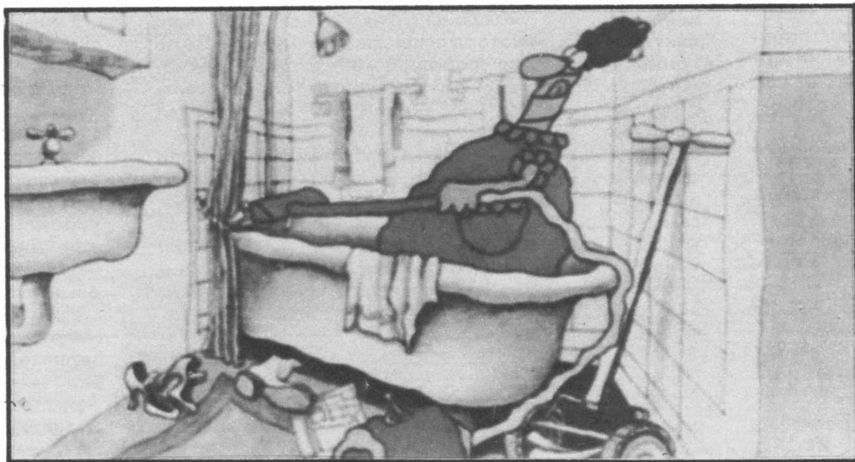
И стряпаются за государственный счет сценарии один другого слаще и примитивнее. И снимаются фильмы. И мелькают на экране «розовые пузыри» со скоростью двадцать четыре кадра в секунду.

А в заключение хочу еще раз вернуться в Загреб.

Закрытие фестиваля. По решению оргкомитета фестиваля учрежден дополнительный и, быть может, самый значительный приз — «За жизненный вклад». И в первый раз им удостаивают Нормана Мак-Ларена. Ему 72 года, он болен и находится в то время дома, в Монреале. Но каждый в зале слышит его голос из репродукторов — он разговаривает с нами по телефону. Представитель Загреба, ведущий церемонию закрытия, говорит в микрофон: «Норман, вы слышите? Вас приветствуют и поздравляют две с половиной тысячи мультипликаторов мира, собравшиеся в этом зале!» Все встают. Гром аплодисментов.

Мак-Ларен слышит аплодисменты, он говорит слова благодарности, голос его в репродукторе прерывается, и притихший зал слышит, что на другой половине земного шара плачет человек. В этот момент он счастлив.

Вот такие «мульти-пульти».

«Большой конфликт» (Канада).

«Крылья, ноги и хвосты» (СССР).

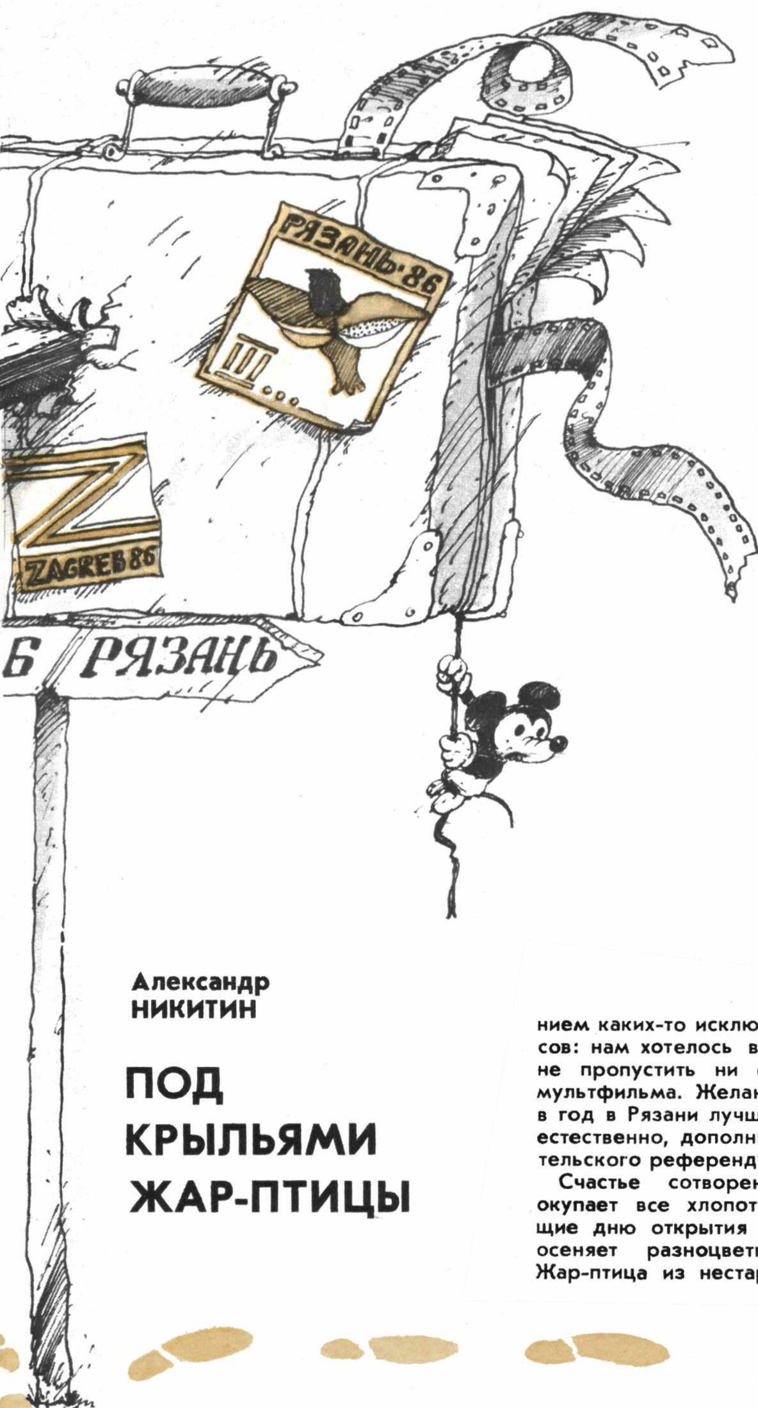

«Это совсем не про это» (СССР).

СПРАВКА «МУЛЬТПАННО»

Норман Мак-Ларен (родился в 1914 г.) — канадский режиссер и художник, выдающийся мультипликатор современности, основоположник многих направлений современной мультипликации, работает в Национальном киноцентре Канады. Основные фильмы: «Немного фантазии на темы живописи XIX века», «Серая курочка», «Прочь скучные заботы», «Настало время...», «Соседи», «Вертикальные линии», «Па-де-де», «Кадр за кадром» и другие.

P. S. «МУЛЬТПАННО» в прошлом выпуске («Огонек» № 41) задало мне вопрос: «Где можно увидеть зарубежные фильмы-лауреаты?» Ответ такой: «Нигде». Ведь даже сами мультипликаторы видят их, что называется, «по случаю». Так что, вопрос этот пока чисто риторический...

Александр НИКИТИН

ПОД КРЫЛЬЯМИ ЖАР-ПТИЦЫ

Речь пойдет вроде бы об обычном кинофестивале, где есть все, что полагается: конкурсные просмотры, призы и дипломы, юбилейные ретроспективы, встречи со зрителями. Но есть у этого праздника две особенности: он целиком посвящен мультипликации, а организует и проводит его рязанский клуб любителей кино «Кинематограф». Ведь кому же, как не самим зрителям, сделать шаг навстречу, говоря словами Вадима Шефнера, «искусству грядущего»?

Когда наш киноклуб задумывал фестиваль советской мультипликации — ФЕСОМ, это не было проявлением каких-то исключительных запросов: нам хотелось в первую очередь не пропустить ни одного стоящего мультфильма. Желание собирать раз в год в Рязани лучшие ленты страны, естественно, дополнилось идеей зрительского референдума.

Счастье сотворенного праздника окупает все хлопоты, предшествующие дню открытия фестиваля. Его осеняет разноцветными крыльями Жар-птица из нестареющего фильма эстонского режиссера Р. Раамата. Мы и минуты не колебались, выбирая эмблему, отражающую многообразие мультипликации и наши привязанности к ней.

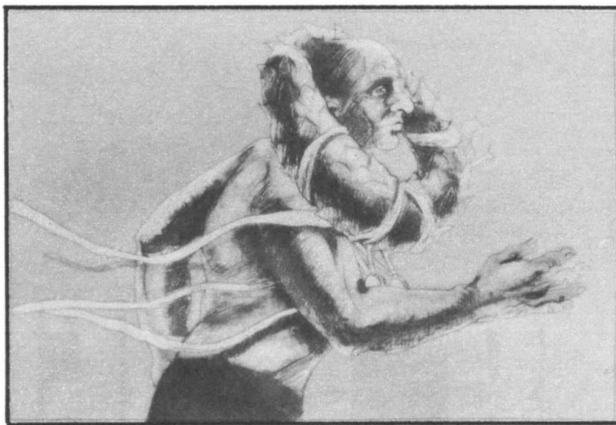
По числу молодых авторов ФЕСОМ-III стал рекордсменом. Больше, чем прежде, было и неординарных, запоминающихся работ, таких, как «Ночь» В. Петкевича (Свердловская киностудия), «Гайдук» Ю. Кацапа и Л. Горохова («Молдовафильм»), «Голубятница» Р. Хейдметса («Таллинфильм»). 23 киноленты, представляющие 10 киностудий страны,— такова была конкурсная программа.

А «гвоздем» фестиваля стала ретроспектива, посвященная 50-летию одного из ведущих советских мастеров мультипликации, режиссера «Таллинфильма» Аво Пайстика.

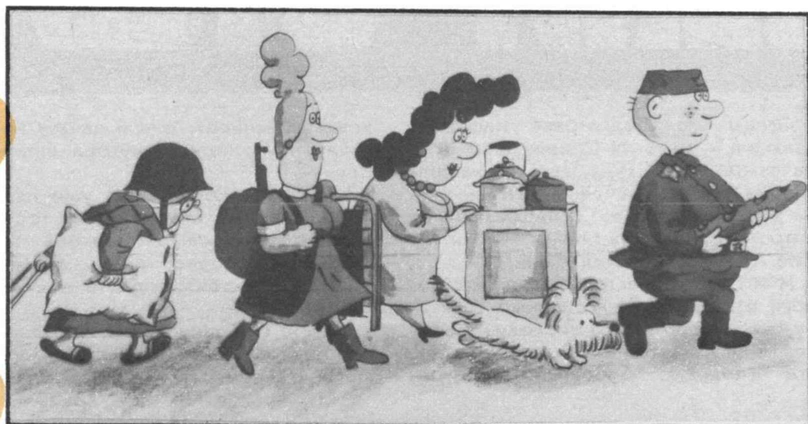
Фильмы его (а мы увидели большую их часть) восхитили свежестью, молодостью фантазии, чувством юмора, вкусом. Сам же Аво Федорович, бесспорно, сделался наиболее популярной фигурой фестиваля. Кстати, его последняя лента, «Прыжок», участвовала в конкурсе и завоевала Приз киноклубов и диплом зрителей.

Гран-при III Рязанского — «Большой Полкан» (громадный декоративный кувшин, выполненный мастерами из Скопина), как и в 1984 году, присужден режиссеру Эдуарду Назарову. Тогда зрители признали лучшей его ленту «Путешествие муравья», а сейчас — «Про Сидорова Вову». Просто «Полкана» получила «Легенда о Сальери» В. Курчевского, а «Малого Полкана» — сборник телемультфильмов-«минуток» А. Федулова.

Фестиваль советской мультипликации стал главным делом нашего киноклуба, отмечающего в эти дни десятилетний юбилей. Фестиваль для нас словно и не кончается. Идет постоянный отбор новых фильмов для будущего конкурса. И уже с тайным нетерпением ждешь того дня, когда над Рязанью вновь развернет свои крылья многоцветная Жар-птица...

«Прыжок» (режиссер Аво Пайстик).

«Про Сидорова Вову» (режиссер Эдуард Назаров).

ИЗ ПОЧТЫ «МУЛЬТПАННО»

«ДОРОГОЙ «ОГОНЕК»! ПИШЕТ ТЕБЕ ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИЙ ШКОЛЬНИК ИЗ СВЕРДЛОВСКА МИША СУЧКОВ. ПИШУ ПОТОМУ, ЧТО У СЕБЯ В ГОРОДЕ Я НЕ СМОГ НАЙТИ ОТВЕТА НА ВОПРОС: ГДЕ МОЖНО ПОСМОТРЕТЬ ФИЛЬМЫ АМЕРИКАНСКОГО РЕЖИССЕРА УОЛТА ДИСНЕЯ? У НАС В КЛАССЕ ВСЕ РЕБЯТА ЗНАЮТ, ЧТО ЕСТЬ ТАКОЙ ЗАБАВНЫЙ ЗВЕРЕК МИККИ МАУС (ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЕ

ДАЖЕ НА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СУМКАХ МОЖНО УВИДЕТЬ), НО НЕ МНОГИЕ ЗНАЮТ, КТО ПРИДУМАЛ ЭТОГО МЫШОНКА. НЕУЖЕЛИ НЕЛЬЗЯ ПОКАЗАТЬ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ТАКИЕ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЕ ФИЛЬМЫ ДИСНЕЯ, КАК «БЕЛОСНЕЖКА И СЕМЬ ГНОМОВ», «ПИНОККИО», «БЕМБИ»? А ТО ЧАСТО ИДУТ ОДНИ И ТЕ ЖЕ МУЛЬТИКИ, СТАРЫЕ И НЕИНТЕРЕСНЫЕ».

Что же необходимо предпринять, чтобы не только Дисней, но и другие классики мировой мультипликации появились на наших теле- и киноэкранах? Может быть, Госкино СССР ответит на наш вопрос?

Оформление Игоря КОВАЛЕВА

КОММЕНТАРИЙ «МУЛЬТПАННО»

Из тридцати трех фильмов — призеров ФЕСОМа большинство имеет титул победителя международных мультфестивалей, причем зачастую награда в Рязани опережала признание фильма за рубежом. А это означает, что оценки «зрительского жюри» совпадают с мнением ведущих режиссеров и критиков мира.

(Кстати, нам только что сообщили, что фильм «Ночь» В. Петкевича получил приз «Серебряная пластина» на международном кинофестивале в Чикаго.)

Так рушится миф о том, что массовая аудитория «не поймет» и не оценит по достоинству значительное произведение искусства. Поймет и оценит! Только для этого надо со зрителем и с фильмом работать бережно и внимательно, как это делается на ФЕСОМе.

ФЕСОМ пока уникален.

А, собственно говоря, почему?

Где возникнет следующий клубный мультипликационный! В каком городе!

Ждем известий от читателей.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ ОТЦА

СТРАНА МАСТЕРОВ

Андрей СОКОЛОВ

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Зимний морозный полдень. Видавший виды «уазик» несется по заснеженной лесной дороге. Водителю то и дело приходится удерживать машину от коварного заноса.

Мы на Урале, в Пермской области, в районе, где расположено нефтегазодобывающее управление «Полазнанефть». Вместе с мастером бригады по подготовке нефтяных скважин к ремонту Станиславом Кропачевым едем туда, где произошла авария. Когда машина выскакивает на вершины холмов, оглядываюсь по сторонам, пытаясь найти характерные признаки нефтедобычи.

И вот мы на месте. Съезжаем с дороги к стоящему неподалеку трактору, на котором смонтирована невысокая ажурная вышка, наподобие тех, что используют буровики. Это установка «Бакинец», она и качает нефть с глубины около полутора километров.

Что здесь произошло, уже известно: вышел из строя насос, тот, что находится в самой нижней точке скважины и подает нефть на поверхность. Предстоит поднять его и заменить.

Вместе со Станиславом Кропачевым и поджидавшим нас мастером текущего подземного ремонта скважин

С
НОВЫМ
ГОДОМ,
ДОРОГИЕ
ТОВАРИЩИ!

ВОТ УЖЕ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ КАК ВСЯ КРАСОТА И ВСЕ БОГАТСТВА СТРАНЫ ПРИНАДЛЕЖАТ НАМ. БУДЕМ ЖЕ ВДУМЧИВЫМИ И ТРУДОЛЮБИВЫМИ ХОЗЯЕВАМИ!

1987

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛ
Понедельник	5 12 19 26	2 9
Вторник	6 13 20 27	3 10
Среда	7 14 21 28	4 11
Четверг	1 8 15 22 29	5 12
Пятница	2 9 16 23 30	6 13
Суббота	3 10 17 24 31	7 14
Воскресенье	4 11 18 25	1 8 15

Дни недели	ИЮЛЬ	АВГУС
Понедельник	6 13 20 27	3 10 17
Вторник	7 14 21 28	4 11 18
Среда	1 8 15 22 29	5 12 19
Четверг	2 9 16 23 30	6 13 20
Пятница	3 10 17 24 31	7 14 21
Суббота	4 11 18 25	1 8 15 22
Воскресенье	5 12 19 26	2 9 16 23

ЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
6 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
7 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
8 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
9 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
0 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
1 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
2	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28

Т	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27

ОГОНЁК

Фотоэтюд Вадима ГИППЕНРЕЙТЕРА

Александром Жижиным подходим к установке.

— Что дальше, спрашиваете? Да вот,— рассказывает Кропачев, — привезем специальный инструмент-«труболовку», и начнется самое, можно сказать, интересное: попытаемся ухватить ею конец оборванной трубы. Достанем, конечно.

Он говорит это спокойно, буднично. Так, будто речь идет о том, чтобы достать веником из-под дивана

К нефти!

В ночной смене бурильщик высшего разряда Игорь Садиев (справа) и его помощник Михаил Шитов.

закатившийся туда карандаш. Но поймать трубу на глубине сотен метров? Нет, тут даже слово «на ощупь» не годится, тут нужно какое-то особое чутье.

Если не удастся «поймать» трубу быстро, то есть примерно в течение недели, бригада передаст эту скважину специалистам по капитальному ремонту, те будут трудиться здесь, возможно, месяцы. Но все будет сделано для того, чтобы скважина вновь ожила. Ведь стране нужна нефть. Постоянно. Каждый день.

...В ноябре 1931 года крестьянского паренька Михаила Кропачева приняли буровым рабочим на Верхне-Чусовское нефтяное месторождение, то самое, с которого началось тогда освоение «второго Баку». И с тех пор до выхода на пенсию в 1962 году он постоянно среди тех, кого мы называем первопроходцами. Его жизненный принцип был прост: работать там, где нужнее. А где нужнее, там, как правило, и труднее всего.

— Порою мы неделями и месяцами не видели отца,— рассказывает Станислав.— Он, можно без преувеличения сказать, большую часть своей жизни на буровой провел, в тайге, в болотах. Но наиболее трудными были, конечно, военные годы. Для меня самое сильное воспоминание того времени — спящий отец. Он приходил из тайги редко, заросший щетиной, пахнущий нефтью, ложился и спал несколько часов. Тогда все мы, мать, сестра, двое младших братьев и я, старались ходить осторожно, разговаривали шепотом, боясь потревожить его сон. А он просыпался — и снова на буровую.

Более тридцати лет жизни отдал Кропачев-старший становлению нефтяной промышленности в Западном Предуралье. Для многих Михаил Яковлевич стал первым учителем, опытным, терпеливым наставником. За свой труд награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовое отличие», ему присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Для работников отрасли он навсегда остался примером того, как нужно жить и трудиться,— примером самой чистой пробы. И поэтому, когда три года назад стал вопрос об учреждении специальной премии для лучших нефтяников страны, мнение было единодушным: премия должна носить имя Михаила Кропачева.

Мне не удалось узнать у самого Станислава, за что он был удостоен премии имени отца. Рассказали другие.

— Ведь с нас, если разобраться, все и начинается, — говорит Данис Узбеков, старший инженер цеха подземного ремонта скважин, с которым мы встретились в его крохотном рабочем кабинете.— От нас зависит и ускорение в нефтяной цепочке. Конечно, это не попытка заставить течь нефть из скважины быстрее или же выкачать ее больше, чем есть в месторождении. Важно увеличить срок межремонтной работы скважин. И от того, как поставлено дело у Станислава Кропачева, зависит если не все, то, во всяком случае, очень многое. Только за прошлый год, например, он сумел снизить непроизводительные простои в бригаде в два раза. Его забота — правильно распределять технику и людей, обеспечивать быстрый ремонт скважин и по возможности предусмотреть, что может понадобиться в ближайшем будущем. Своими силами мы построили мастерскую для ремонта оборудования, сейчас хотим поставить дело так, чтобы здесь же, на базе, проверять с помощью приборов все трубы, что везем для ремонта скважин. Некоторые удивляются: как это Станислав все успевает? А просто он терпеть не может бесхозяйственности и расхлябанности. И главное — чувствует себя хозяином на своей земле.

Станислав Кропачев перед выездом на буровую.

Каждый рабочий день начинается с короткой летучки.

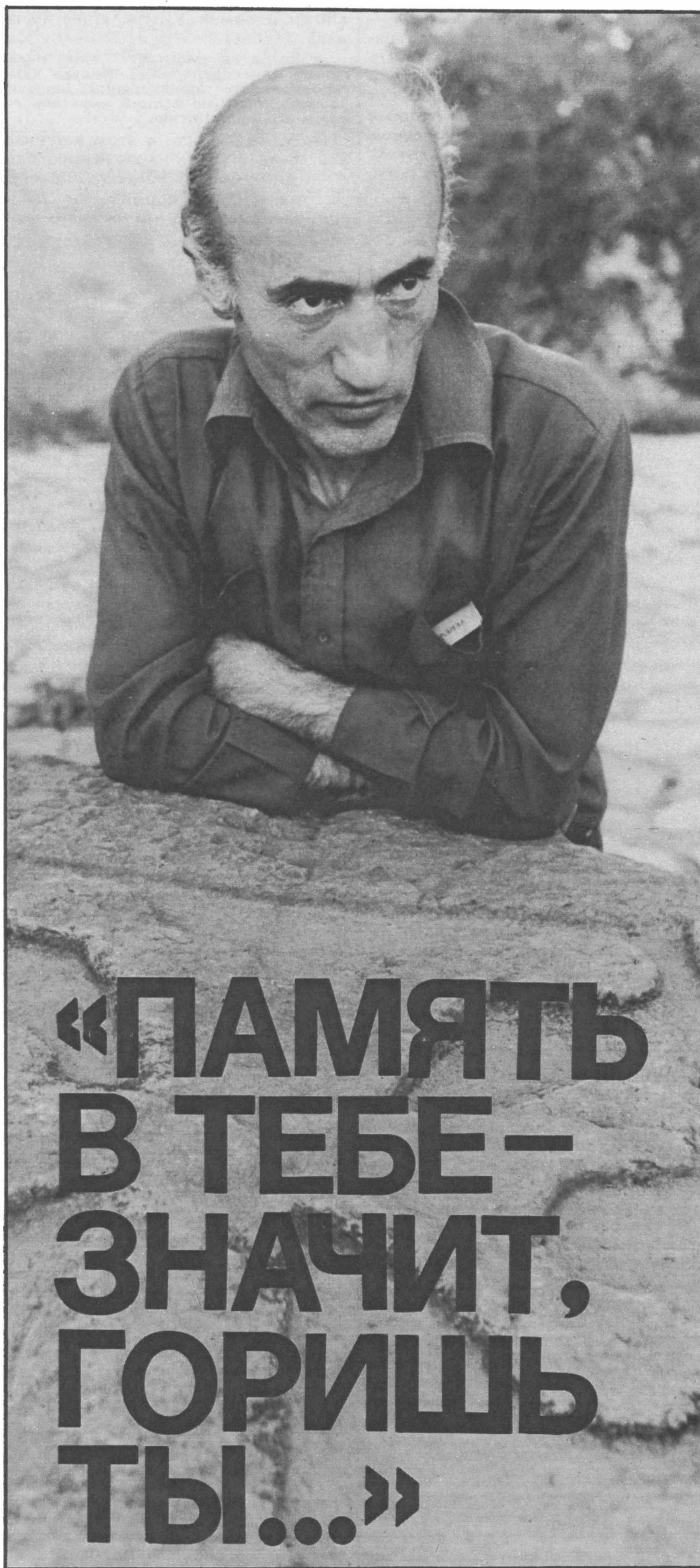
Пробу нефти берет оператор Николай Киприянов.

Один из лучших бурильщиков Валентин Стариков.

У ГРАНТА МАТЕВОСЯНА В ЕРЕВАНЕ

БЕСЕДА С АВТОРОМ ПРОЗЫ, КОТОРОЙ РАНЬШЕ НЕ БЫЛО

«ПАМЯТЬ В ТЕБЕ — ЗНАЧИТ, ГОРИШЬ ТЫ...»

«Человек и животное отличаются друг от друга памятью, между человеком и скотиной стоит память, знаешь — нет? Память в тебе — значит, горишь ты, значит, человек со своими счетами, со своим беспокойством, а нет в тебе памяти — вот в поле корова пасется, она беспамятная. Телка ее вчера зарезали, но она беспамятная. Вот дерево стоит; если у него есть память, то и у дорогих твоих родичей она есть. Твоих режут, под корень срубают, обделяют, насмехаются над ними — твои бегут от такой памяти, твои сбегут, все забудут, и опять обделенными будут, и опять у них не будет памяти, потому что они боятся против насмешки с кулаком пойти и на лишения еще пущим лишением ответить. Говорите — любовь, говорите — любим, любите. А что вам еще делать, любите, потому что мужества в вас нет, чтобы кусаться, бить, обделять. Чтоб ненавидеть. Вы боитесь ненавидеть, вы вашу любовь платком сделали, завязали ею глаза, потому что боитесь взглянуть в упор и возненавидеть — вдруг увидят, что ненавидите, возьмут и пристукнут. Убьют...»

Из рассказа Г. Матевосяна «Твой род».

«Сложная, своеобразная, удивительная манера письма».

«Самый тип художественного зрения делает Матевосяна уникальным писателем в нашей литературе: он видит и событие, и то, что сделало событие неизбежным, и то, что породило самое неизбежность».

«Все три члена триединства (ум, совесть, чувство гармонии) у него в замечательном равновесии и на высоте...»

«Вампилов, Матевосян, Высоцкий — это самые сильные из того, предшествующего поколения, которые сумели устоять от компромиссов...»

«Вы перешли какой-то очень важный рубеж в высокую литературу».

«Я живу теперь в мире, вами сотворенном, я страдаю его страданиями, радуюсь его радостями...»

«Прозу Гранта Матевосяна нелегко отнести к какому-то определенному современному течению. Это прежде всего проза, которой раньше не было».

Из рецензий и писем.

— А ты знаешь, что живешь в номере, где жил когда-то долгое время наш великий Егише Чаренц?! Второй этаж, правое крыло, комната с балконом. Считай, что тебе повезло...

А я считаю, мне повезло оттого, что я узнал Гранта Матевосяна. В Москве повторяли о нем одно и то же: самобытный писатель, личность, замечательный и добрый человек.

Так и вышло. Грант Игнатьевич рассказывал об Армении, ее истории, ее сегодняшнем дне. Мы ездили с ним в Гарни и Гегард, святые для каждого армянина места, бродили по Еревану, засиживались за полночь в его квартире.

Прочитав о Матевосяне главу в книге «Статьи из романа» писателя Андрея Битова, хорошо знавшего его в молодости, я понял, что он почти не изменился. Так же по-крестьянски совестлив и мудр, ни особый весельчак, ни собеседник. Так же много пьет кофе и мало спит по ночам. Так же горячо, только, наверное, с возрастом еще сильнее, любит свою Армению. Так же пишет только о своей деревне, где провел юность и где сегодня живут его родные и близкие.

И так же основательно, почти медлительно создает он свои книги. Недавно ему исполнилось пятьдесят лет, а написано им только два тома, изданных в Ереване. На русский язык из них переведена половина. А между тем книги его не лежат на прилавках магазинов, его имя известно у нас в стране — он лауреат Государственной премии СССР. При мне раздался телефонный звонок из Союза писателей — американские почитатели таланта Матевосяна приглашали его в поездку по США. Мне показалось, кстати, что согласился он неохотно. А между тем ему есть что сказать читателю, и нашему, советскому, и зарубежному. Ибо в произведениях Матевосяна, таких, как «Буйволица», «Ташкент», «Под ясным небом старые горы», «Мать едет женить сына», и других отражен весь мир. Ведь каждый народ — человечество в миниатюре, в его судьбе преломляются извечные вопросы жизни и смерти, любви и ненависти, войны и мира.

И если бы армянское селение Цмакут было интересно лишь армянскому читателю, значит, тогда бы он не состоялся как художник, считает Матевосян.

— Я не хочу бросаться вопросами в безвестность. Я решительно не согласен с мнением, что писатель должен задавать вопросы. Но кому задавать? Времени, обществу, всевышнему? Или кому-то еще? Кто должен отвечать на эти вопросы? Так вот, в литературу надо войти ответами. Ответами!

— Но многие, и мы это особенно сегодня ощущаем, Грант Игнатьевич, не только не могут ответить на вопросы, поставленные временем, но и задать их, сформулировать.

— Да, пишущих много. В Армении тоже. Это раздражает. Это значит, что они не читают. Они не читают Льва Толстого, они не знают, что такое Пушкин. В литературе мне нравится по-хорошему заботливо-отцовское отношение к жизни, к людям. Не бунтарство, не злость, не злопыхательство, а озабоченность всем, что есть. Тревога за всех, за все. Вот у Нодара Думбадзе было что-то от такой позиции. Писатель должен быть отцом. Всемудрым, всевидящим, всечувствующим.

Хотя, бывает, спохватишься, сил в тебе больше нет, не хватает, и ты ничего уже не можешь и хочешь только кричать, что тебе плохо, что тебе больно.

Иногда приходит разочарование, когда ты чувствуешь, что твое слово мало помогает людям. Когда вокруг происходят какие-то мажорные события и ты должен таким же образом ответить на них, но ты не можешь, не хочешь. Или ты видишь, что не так отвечаешь, не в такт. И хочется просто молчать. Но и здесь ты понимаешь, что это право дано другому, скажем, Шолохову или Маркесу.

— А может быть, и Гранту Матевосяну? Мне кажется, что для тридцати лет творчества вами написано немного — всего лишь два тома. Я понимаю, что дело не в количестве книг, но все же почему?

— Пишется трудно. Не знаю, из-за чего так трудно пишется. Но я вижу очень много мусора, и я безжалостно выбрасываю его в сторону, потому что это лишнее не только ложно во мне, в мыслях моих, но еще и в жизни. Поначалу кажется, что ты сталкиваешься с настоящей жизнью, а потом оказывается, что это плохо поставленный спектакль. Так много ложного в твоих писаниях, что тебе самому, не то что читателю, скучно перечитывать, хотя тобой вроде бы отражена чистейшая жизнь. Но изображаемое тобой и есть режиссура. Ты это чувствуешь, и надо дойти до такого состояния, которое можно назвать откровением, ибо без него ты не можешь идти дальше. Ибо все остальное — театр.

— Помните у Верлена: все прочее — литература...

— Да, да, это точно сказано, я говорю именно об этом. У нас так много в жизни, в искусстве, в культуре полуживого или вовсе не живого, так много полуремесленников, несостоявшихся людей, что каждая личность в любом ремесле, если хорошо это ремесло исполняет, каждая завершенность меня удивляет. Я вижу, что жизнь здесь не напрасна, она присутствует. Именно с этих позиций я принимаю тех в искусстве, кого мы подчас несправедливо пытаемся отмести.

Прошлым мастерам была свойственна уверенность во всем, что они делали, творили, а сейчас какая-то растерянность, я вижу полуслепых людей, вошедших в огромный мир, но не способных овладеть им, управлять, влиять на него.

— Я знаю, что ваш прадед полтора столетия назад на пустом месте основал село. Он, наверное, был сильной личностью? Расскажите о нем.

— Он появился однажды в этих краях с топором в руках. Разложил костер, чтобы отдохнуть, согреть воды. И был убит фразой маленькой наивной дочки: «Отец, здесь нет трубы. Как же будет подниматься дым?» Эта фраза передавалась как легенда из поколения в поколение. Мула привязали к дереву, мать доила корову, девчонка сидела у костра. Чтобы построить дом, надо было искать материал. Человеком он был совестливым, поэтому не рубил на постройку красивые, прямые стволы. Он проложил дороги, открыл родники, сделал хлева, выдолбил чаши, напек кирпичей. И стал заместителем бога на земле...

Через много-много лет внуки спросили его: «Почему ты выбрал именно это место в горах, вдали от жилья?» И он ответил: «Я появился здесь с одним топором, а сейчас у нас сотни овец, дюжина буйволов, двадцать коров, хороший дом, в нем есть достаток... Прекрасное это место, сынок».

И действительно, он создал здесь свое государство, свою страну. После той девочки родились еще пять сыновей, и каждый из них был будто министр мясной и молочной промышленности того государства. И была там еще и королева — хозяйка с деревянным половником в руках. Все невестки ей подчинялись.

Через десять лет другой род появился. Жизнь текла вдали от суеты и городов. Но вот большой мир забрал одного из мужчин на войну. Он стал грамотным, выучил русский язык и вырезал свое имя на буковом дереве: «Есаи». Прекрасные у всех у них были имена: Аветик — добрая весть, Арутюн — возрождение, Акоп, Овсеп, Григор...

Я, слабый городской человек Грант Матевосян, иду на поклон к такому сильному человеку, к моему дяде. Крепкому, инициативному. Энергия в нем кипит, он может руководить своей семьей, и селом, и страной, если надо будет. Потому что он крепко стоит на земле. На своей родной земле. В нашем потерянном и растерянном мире нужны такие люди.

— Грант Игнатьевич, в ваших повестях и рассказах так много естественно жизненного, непридуманного, так много народной мудрости, наблюдений, что вы кажетесь мне человеком другого, более старшего поколения! А ведь вам всего пятьдесят.

— В какой-то мере я счастливый и несчастный человек. Да, я могу судить о прошлых поколениях, потому что половина моей жизни протекала рядом с ними. Эти поколения проводили меня до сегодняшнего дня. Так что в каком-то смысле я часть ушедшего навсегда. Часть его опыта.

Нелегко беседовать с Грантом Матевосяном. Не потому, что несовершенен его русский, не потому, что медлительность его речи переходит нередко в запальчиво извергаемое нагромождение слов. А потому, что мыслит он удивительно необычно. Плотно, спиралеобразно, неожиданно. Мне все время кажется, что в беседе с Матевосяном так же, как и при чтении его книг, можно не увидеть или не почувствовать какого-то третьего подтекста.

Как ярко народная мудрость сочетается в нем с приобретенным знанием! Верно заметил Битов: «Именно крестьянин в нем интеллигентен, а не человек из крестьян, получивший высшее образование».

— Я считаю, что мир начал принципиально меняться только в 70-х годах XX века. Конечно, была революция, были войны и многое другое, но перелом в сознании людском наступил на наших глазах.

— В каком смысле?

— Прямо на глазах в последние пятнадцать—двадцать лет село Ахнидзор, например, основанное полторы сотни лет назад моим предком Ованесом Матевосяном, сколоченное им, как ковчег, крепко и надежно, эта вековая обитель людская стала разваливаться, идти ко дну. С уходом старой «патриархальной» закалки уходит очень многое, очень важное — чувство хозяина земли. Хозяина пашни, хлеба. Когда-то я мог сказать, что моя жена моложе матери на тридцать лет, они повторили друг друга, но вот моя дочь только внешними чертами похожа на теток, во всем остальном она их не повторяет. Пришла другая среда, иное поколение выросло в этой другой среде.

Я весь вышел оттуда, из той, уходящей среды. Я воспитывался там, и я должен рассказать о них, о моих праотцах и дедах. Измениться я уже не в силах. Более того, если бы я чувствовал в себе сто лет жизни, я как правдоискатель занялся бы новыми проблемами. Но времени у меня нет. Поэтому я должен найти о том поколении, об ушедшем, праведное, правдивое слово.

— Под «тем поколением» и той жизнью я понимаю судьбу армянского крестьянина, селянина, труженика. Вы вышли из этой деревенской жизни, и вы пишете о ней. Недаром критика относит вас к так называемым писателям-«деревенщикам». О самом термине спорить не будем, но любой читатель скажет, что основная тема ваших книг — жизнь села, современного или прошлого. А вам совсем не хочется писать о городе, о его проблемах и заботах?

— Однажды я отложил едва ли не единственный рассказ о городской жизни и этим же вечером начал писать очерк о родном селе. Это произошло неожиданно, и так же неожиданно я обнаружил, что та жизнь, о которой я хотел рассказать в одном своем очерке, эта жизнь достойна, чтобы о ней писать всю жизнь. Рассказывать о городе интересно, ведь и моя жизнь, и тысячи других судеб складывают сегодняшний Ереван, но как мало сказано о деревне. Не рассказано ни Толстым, ни Шолоховым. Скажем, о целине Шолохов хорошо написал, он был очевидцем и участником событий, но он не заметил, как трагически начинают ссориться труд и человек. А ведь еще вчера они были в дружбе.

Кое-какие детали привносят в эту тему писатели моего поколения. У нас еще есть опыт и чувство. Но идущие после нас не в силах будут рассказать о крестьянине, который, условно говоря, складывался от первого века до девятнадцатого. Мы в этом смысле — могикане. И мы должны успеть еще кое-что осмыслить и рассказать.

Не рискую говорить о «деревенской» литературе в целом, скажу только о себе: я из рода Данилы. Помните, в «Войне и мире» был у Наташиного дядюшки в деревне такой охотник, он только один раз и появляется в сцене охоты. Толстой его заметил и как бы дал знать, что я, Толстой, и это могу: перевоплотиться в Данилу... Но ни Пушкин, ни Гоголь, ни Шекспир, ни Туманян, ни великая армянская демократическая литература не взглянули, мне кажется, на жизнь глазами Данилы. Многие армянские писатели были крестьянскими сыновьями, но все-таки на вещи смотрели «дворянским» взглядом. Приметы у них деревенские, а вот взгляд снаружи... А мы хотим смотреть оттуда, изнутри. Хочу рассказать о себе, о моем отце, который даже внешне на Данилу похож и краснел так же, как он, встретившись впервые с городскими девушками... И я скажу, что Данила не беднее Пьера Безухова, что настоящий Пьер спит в Даниле.

— Я заметил, что женщины в ваших книгах — цельные, сильные натуры. Даже в подчинении мужчине, в забитости. Агун, например, из повести «Мать едет женить сына». Думаю, что это не случайно.

— Я сын всех этих женщин. Я у них в долгу. Мужчины теряют себя, слабеют. А женщины все так же сильны. Наверное, их обманом привезли в наш мир и наложили на их хрупкие плечи огромный, невыносимый труд. Такие героические натуры не только у меня. Разве Настена в «Живи и помни» у Распутина не такая?

— Когда вы работаете, вами ведет форма или содержание? Иногда язык героев ваших произведений кажется усложненным, не всякий читатель готов к его восприятию.

— Но заданности в этом нет никакой. Быть может, из-за некрепкости руки этой смычки не всегда удается достигать, и мои герои говорят моим голосом. Надеюсь, что если не завтра, то в будущем они будут говорить своими голосами.

Как хотелось бы помочь человеку найти свой дом, свой двор, свою семью. Чтобы все это не разрушалось. Ведь он хрупкий, человек. Хотя мы «кладем» его под атом, ставим перед ним нечеловеческие трудности и он выживает, но он хрупок, ему нужна семья, жена нужна, хозяйство, кошка нужна, корова... чтобы не стал он еще и горькой сиротой...

Матевосян в шутку заметил, что вся его «заслуга» в поисках союза формы и содержания лишь в том, что он нашел несколько правильных фраз и мыслей. Например, вот эта: «Они планируют свое прошлое и будущее, а наше поведение, как чужая лошадь, убегает из-под нас».

— Я слышал, что вы ведете довольно замкнутый образ жизни. А как же встречи с читателями?

— Я люблю встречаться с читателем понимающим. Когда собирается такой зал, для меня это подлинное счастье. В таком читателе я вижу единомышленника, соратника. Ведь писателю принадлежит только половина из созданного им, остальное — это отклик, это реакция среды, это огромный зал от Карпат до Тихого океана.

Когда меня спрашивают, чувствую ли я своего читателя, вижу ли его, я отвечаю, что вижу только опосредованно, но не будет абсурдным сказать, что я пишу для Льва Толстого. Для Туманяна пишу, для моего младшего брата, прекрасного читателя, для Андрея Битова пишу, друга своего, пишу для нескольких умных писем, которые, придут ко мне, и я лишний раз пойму, что все не напрасно.

— А жители селения, того самого неперспективного села, которое вы же и защищаете от погибели, ибо считаете, что нельзя губить те гнезда, из которых народ черпал силу во все времена,— как они относятся к вашим писаниям? Они-то уж вас понимают, наверное, ведь все, вами написанное, о них.

— Они просто воспитанные, вежливые люди, они почитают то, что почитает город, они подчиненные в этом смысле, и я не такой дурак, чтобы думать, что они будут меня читать, и понимать, и любить. Никогда такого не будет. Все-таки я для другого читателя. Нет, наивно думать, что я написал, а они прочитали.

— У вас в родном селе Ахнидзор гостил Уильям Сароян. О чем вы с ним говорили, ведь Сароян, армянин по происхождению, крупнейший американский писатель XX века?

— Обо всем... Я думал, думал о том, что человек может быть великим, свободным, как святилище. И думал не из «отсталости» моего положения и моего воспитания. Я читал Толстого, знаю Шекспира, был знаком с превосходным актером Папазяном, богом сцены, и это все было для меня взлетом духа. Но Сароян выше... Своим естественным дыханием, свободой выражения мысли и чувства. Я перед ним чувствовал себя провинциальным поклонником. Для него так естественна высокая духовная фантазия. Ведь человек, оказавшись то ли в плохом расположении духа или в силу каких-то обстоятельств жизни, становится часто тупым, низким. Сароян был во всем — в деталях, в мелочах, в нюансах поведения, существования — высоким, точным, щедрым. Когда он выступал по телевидению в Ереване, владея не более чем двумястами пятьюдесятью словами по-армянски, он при этом выразил весь мир, опутал весь мир, какая тонкая была в нем суть, какая точность выражения мысли. Он предстал передо мной великим человеком, общение с ним было большим для меня подарком.

Он очень любил Гоголя, особенно «Шинель». Как-то Сарояна спросили, о чем он пишет, когда исчерпывается материал, думает ли он о запасе материала, и он ответил, этот умный, гениальный старик, он ответил, что материал — это я сам. Пока я есть, есть и материал для слова.

— А кто или что в таком случае оказали на вас наибольшее влияние? Я имею в виду прежде всего культуру армянскую.

— Я бы ответил шире, чем вы поставили вопрос. Кто-то из русских писателей очень точно сказал, что время, в котором ты живешь, надо тоже относить к понятию Родины, что моя Родина — это мое время.

Ну, а в другие времена — наверное, XX съезд партии, дух свободы и раскрепощенности после него. Потом — дух белого хлеба, когда его стали продавать без очередей. Потом — когда вернулся из Сибири Гурген Маари. Потом — когда вышли полным изданием книги стихов Чаренца. А если со школьной скамьи, то это только один — Ованес Туманян. С годов младенчества остался во мне он один — Ованес Туманян.

— Как вы воспринимаете то обновление жизни, которое идет сейчас у нас в стране? Что бы вы считали главным в обновлении жизни села, вашей родной деревни?

— Надо вернуть крестьянину уважение к себе, уважение к тому, что он делает. Изменить отношение к труду. Даже если этот труд не всегда приносит быстрые плоды и растрачивается зря. Все равно что-то остается. Остаешься ты, превосходный труженик на земле. Надо работать, а работа воздаст тебе. Спасет человека только труд, только работа. Работа с лопатой в руках. Иначе не будет ничего. Нужен трудный хлеб. Если же ты не можешь накормить самого себя, дело плохо. В Армении каждый клочок земли на вес золота. Надо представлять, что такое горный лес, что такое горы. Как же надо их охранять, любить, беречь. Даже горы!

Иногда можно слышать, что нынче народ вроде бы возвращается в деревню, едут на выходные, покупают дома, строят дачи. Пусть, дескать, временно, но приезжают. Я хотел бы спросить каждого, чтобы он откровенно мне ответил, для чего он возвращается, приезжает, наведывается. И многие ответят: копать землю, растить плоды. А дальше? Чтобы потом купить машину. Купить машину... Вот в чем трагедия. Люди хотят легкой жизни. Но никто не думает о трудном, о горьком хлебе. А думать надо. Думать надо о том, что ты родился там-то и там-то и ты туда должен вернуться навсегда. В человеке должно быть чувство малой родины, чувство того, что ты хозяин здесь, на этой малой родине. На этом пятачке, на этом участке. Но не гость. Ты гость в другом месте, в других городах и весях. Там ты чужой. А здесь, где ты родился, ты здесь и хозяин, и работяга, и князь, и холоп. Превосходный холоп на земле отцов и дедов.

Опасно меняется прямо на глазах психология человека. С одной стороны, хорошо, а с другой — слишком ответственно чувствовать себя хозяином огромной территории, которая называется СССР. В случае чего тебя защитят, как гражданина Советского Союза, но, с другой стороны, это чувство выбивает из тебя другое — твое безответственное отношение к той малой земле, к той крохотной отчизне, на которой ты родился и вырос.

Вспоминается мне в связи с этим

одна туманяновская притча. Страшная была засуха, не уродился хлеб, хотя крестьяне честно обрабатывали землю. Что делать? Пошли в соседний, более богатый район. Может быть, думали они, там не было такой беды. Но там тоже хлеба не оказалось. Тогда они пошли еще дальше, но и там беда не обошла людей. И крестьяне поняли, что беда пришла на всю землю.

Сегодня же мы избалованы. Мы уверены, что помощь придет сама по себе. О земле можно забыть. Одни уверены, что хлеб растет на Кубани и Кубань не оставит в беде, если что произойдет; а кубанцы, я уверен, думают, что хлеб растет во Франции или в Канаде — и, чего там, при случае привезем хлеба из чужой земли.

А я вижу спасение в одном — в том азербайджанце или армянине, который все еще доверяет коню. Это кажется отсталостью, консерватизмом веет от такой мысли, но это святая консервативность. Тот, кто надеется на коня, он ответствен перед своей семьей, перед своим колхозом, перед государством. Он накормит семью, поделится с колхозом, поможет стране.

Вы удивляетесь, а как объяснить, что деды с полян вывозили в моей деревне по две тонны сена, а сейчас с этих же полян — ни клочка?

Сегодня надо работать с тем, чтобы потом увидеть результат. Но думается мне, что здесь надо мыслить и видеть поколениями. Как один деятель сказал другому при каких-то чрезвычайных обстоятельствах: вы нас не поймете, нас поймет поколение, которое сейчас в детсаде. Перестройка сознания — это тяжкий труд, и думается мне, что это труд не на машине, а на коне. Каждодневный, дотошный, неторопливый.

Обновление! Но есть факты, не дающие сомкнуть глаз. И мы знаем о них: миллионное воровство, приписочный обман государства, министр-преступник... Волосы седеют!

Если же говорить о литературе, то ускорение здесь — это прежде всего уважение к личности. К личности писателя. Творца. Правдовидца. Надо уметь его выслушать, понять, даже если он и говорит иногда не сразу понимаемое другими. Уважать надо его и смотреть на него не как на материал, а на цель. Настоящий писатель — это всегда большая цель. Он необходим обществу как воздух. Он первый понимает, что происходит и что будет происходить. Так было всегда и в России, и в Армении...

— Грант Игнатьевич, если бы попросили вас написать автобиографию, как бы вы ее начали?

— Родился я в 1935 году. Облик этих и последующих пятнадцати, двадцати и даже тридцати лет моей жизни гораздо более приближен ко временам Туманяна — Толстого — Гомера, нежели к сегодняшним нашим дням. Я пахал землю, косил траву, помогал родиться теленку, прививал дерево—чтобы всего не перечислять, скажу сразу: если бы повторилась легенда с потопом я, как Ной, смог бы возродить на земле большую земледельческую и скотоводческую культуру... И если бы что случилось с памятью человечества, я смог бы по образу и подобию своих односельчан, по их тогдашнему образу жизни слепить наново кодекс человеческой нравственности...

Я бы хотел придумать множество прекрасных людей, и тогда бы не осталось места для плохих...

На этой высокой ноте закончилась моя беседа с удивительным человеком, мыслителем, крестьянином, превосходным холопом литературы, автором прозы, «которой раньше не было».

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.

Ереван—Москва.

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

НИКТО НЕ СТАВИТ ОЦЕНОК

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

Раскрывая свежий номер журнала или газеты, мы первым делом знакомимся с новостями. Добывать их — забота репортера. Он раньше всех оказывается там, где люди мужественно борются с разбушевавшейся стихией, становится свидетелем уникальной операции хирурга, очевидцем испытаний новой машины... А порой его взгляд останавливается на будничном явлении, которое волнует нас не меньше сенсаций, заставляет задуматься над собственным бытием. Именно обо всем этом и будут рассказывать материалы нашей новой рубрики «Дневник репортера».

Вначале был академик. Борис Николаевич Наумов, руководитель Института проблем информатики АН СССР. Он полагает, что обучать ребят работе с вычислительными машинами лучше всего во внешкольных детских заведениях — клубах, дворцах пионеров, технических станциях. Эту идею поддержали в Доме комсомольца и школьника Октябрьского района Москвы. Когда я спросила его директора Ирину Григорьевну Леонову, долго ли пришлось бороться за организацию клуба «Компьютер», она засмеялась в ответ:

— Вы думаете, что новое дело обычно принимают на «ура»?

Зато теперь есть два класса, в которых больше десятка компьютеров. С ними в разные часы дня занимаются триста ребят. И не все они чистюли и отличники. Есть и «трудные», которые в школе не на лучшем счету, и просто дерзкие подростки. Для многих из них ЭВМ оказалась привлекательным объектом приложения сил. И поэтому ни лодырей, ни прогульщиков здесь нет. Клуб — дело добровольное. Никто не заставляет, не контролирует, не ругает, не ставит отметок. А интерес огромен: столько поистине неожиданных возможностей таит машина, внешне похожая на небольшой телевизор.

Руководитель клуба «Компьютер», завуч Дома комсомольца и школьника Анатолий Яковлевич Хорец рассказывает:

— Занятия идут по программе, которую помогли составить ученые Института проблем информатики. Мы считаем, что обучать работе с компьютером детей нужно как можно раньше. Малыши у нас, кстати, проявляют больше свободы и выдумки в обращении с ЭВМ, чем их старшие товарищи.

...Заходим в класс. Ни одна голова не поворачивается в нашу сторону. Каждый занят своим делом. Кто-то «рисует картинки» на экране дисплея, а потом старается сделать так, чтобы они двигались. А это значит — сам составляет новую программу. Ожили картинки, получился мультик — и восторгу нет предела!

Но игра игрой. Она первый шаг в учебе. А у руководителей клуба новые задумки: хотят выполнять заказы предприятий.

— О нас много пишут, нас рекламируют,— говорит Ирина Григорьевна.— Всего год прошел со времени основания клуба, но люди, причастные к нему, — ученые института, руководители Дома — многое делают для распространения опыта. Очень важно, чтобы компьютерных классов стало как можно больше. Но, увы, наш клуб пока единственный в Москве.

Ирина ГЕРО

ПРОШУ СЛОВА!

СОР ИЗ ВЕДОМСТВЕННОЙ ИЗБЫ

есколько лет назад по заданию редакции я написал о том, разумно ли используется лес в целлюлозно-бумажном производстве. Выяснил: в дело идут преимущественно хвойные породы, а так называемая «листва» — осина, береза — в ничтожных процентах. Из-за этого хвойных деревьев рубят больше, чем позволяет расчетная лесосека. Это приводит к изменению породного состава лесов, то есть к нарушению экологического баланса. А многие из сотен тысяч кубометров «листвы», которые все же попадают под топор (план по заготовкам выполнять надо!), годами остаются гнить в штабелях. С гнетущим чувством вернулся я из той командировки. В глазах стояли многометровые пирамиды из мертвых бревен, иные возрастом по десять лет. Особенно поразило: нижние, приземные ряды зажили второй жизнью — пустили побеги. Несчастные осины словно молча кричали: мы еще живем, от нас может быть прок.

В статье, что напечатала тогда газета, были такие строки: «Многие предприятия целлюлозно-бумажной промышленности по-прежнему требуют только ель и сосну и всячески открещиваются от березы и осины. Согласимся, что процесс изменения технологии непрост. Тем более им нужно заняться безотлагательно. К тому же вопрос использования лиственной древесины с каждым годом будет все острее».

Проблема эта возникла не вдруг. Еще в 1969 году было решено довести к 1975 году уровень использования лиственной древесины в целлюлозно-бумажной промышленности до 20 процентов. На пороге 1979 год. Это решение не выполнено и наполовину».

Готовя статью, я побывал в городе Сыктывкаре, на лесопромышленном комплексе. Познакомился с его директором — Николаем Николаевичем Балиным. Человеком ярким, делу преданным, руководителем отменным. Современным не только по меркам тогдашней поры, но и по нынешним требованиям. Там, в хозяйстве Балина, я узнал, что коллективу комплекса удалось решить проблему. Они так перестроили одну из двух технологических линий, что она стала работать на лиственном сырье (то есть подняли процент его использования до пятидесяти). Причем сделали все по собственной инициативе, не останавливая производства, без дополнительных затрат. Заботясь лишь о благе Отечества.

История эта крепко запала мне в память, и я чувствовал, что со временем непременно вернусь к ней, но только на другом, так сказать, витке. Так оно и вышло. Два года назад я предложил киностудии «Мосфильм» сценарную заявку. Проблемная и сюжетная основа держалась на том, о чем только что рассказал: группа энтузиастов старается внедрить технологию, которая позволяет использовать при изготовлении бумаги намного больше «листвы», чем это делается сейчас. Идея киностудию увлекла, и я начал работать. Меня прежде всего занимали проблема гибели лесов и роль, которую играет в этом промышленность, причем и то, и другое, к сожалению, не только не смягчилось, но стало еще острее. Активная гражданская позиция героя, а затем и его сподвижников должна была, казалось мне, подвести зрителя к вопросу: разве порядок, что судьба важного дела зависит только от честности и энтузиазма отдельных людей, но никак не есть результат спланированной и организованной работы ведомства, да и само ведомство не просто в стороне, а в стороне противоположной? В этом, повторяю, виделась мне конкретная актуальность замысла. Студия считала так же.

Когда сценарий был написан, возник вопрос о консультации. Студия обратилась в Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР. К кому же, казалось бы, еще? Там сценарий пробитал два с лишним месяца и вернулся в сопровождении рецензии, подписанной заместителем начальника технического управления министерства В. Е. Алехиным.

Начинается сей документ словами: «Читал сценарий три раза. Хотелось понять, что намерен выразить автор». Уже в этих строках проницательный читатель наверняка угадает настроения и намерения тов. Алехина, ибо за таким посылом неминуемо должно последовать: «однако не понял». Так, в общем, и вышло.

Читатель может подумать: просто-напросто задеты авторские амбиции, и отсюда неприятие критики. Кому приятно, когда его ругают. Но здесь самолюбие автора, поверьте, ни при чем, и неприятие критики вовсе не отсюда. Оттуда: из Минлесбумпрома. Которому страсть как не хочется выпускать из ведомственной избы сор — миллионы кубометров лиственной древесины, так и не находящей применения в целлюлозно-бумажной промышленности. Иными словами, продолжать безнаказанно варварски уродовать лик земли нашей.

В апреле 1986 года состоялось совместное заседание комиссий обеих палат Верховного Совета СССР по промышленности и по охране природы и рациональному использованию ресурсов. Позволю привести один лишь абзац из газетного отчета: «Остро поставлен, в частности, был вопрос о необходимости более полного использования лиственной древесины. Ее доля в общем объеме сырья для целлюлозно-бумажной промышленности составляет в среднем лишь 16 процентов, хотя на некоторых предприятиях она достигла уже 40 процентов. Выходит, есть практический опыт». Есть, подтверждает и на страницах «Правды» первый секретарь Архангельского обкома КПСС П. Телепнев, приводя в пример Котласский комбинат. «Недавно в области,— пишет он,— завершена разработка программы технического перевооружения целлюлозно-бумажных предприятий на нынешнюю пятилетку. Ее осуществление позволит вовлечь в оборот миллионы кубометров низкосортного сырья и отходов. Но, к сожалению, в Минлесбумпроме СССР она не находит поддержки».

...Бумаги не хватает, бумага нужна. Но если не будет взращенного природой леса, не станет зверей и птиц, обитающих в этих местах, изменится характер рек, воздух и тот изменится. И к чему тогда эта бумага? О чем писать? Кому?

Напомню: в Сыктывкаре научились выпускать бумагу из «хвои» пополам с «листвой» восемь лет назад, это сберегло почти сорок тысяч гектаров живого леса.

Минлесбумпром кругом в долгах за минувшую пятилетку — и по древесине, и по целлюлозе, и по бумаге и картону, и другой продукции. Но при том было брошено в лесу почти 6 миллионов кубометров заготовленной древесины, свыше 14 миллионов оставлено в недорубах. Но при том Минлесбумпром пускает бесценный приморский кедр на карандаши, и то лишь малую его часть, а большую — просто в топку. Но при том буквально забивают Каму и душат рыбу затонувшие плоты из нестандартных — согласно директиве Минлесбумпрома — бревен. Река, утверждают специалисты, сегодня течет по деревянному руслу, выложенному из двух миллионов кубометров затонувшего леса. Но при том в республике Коми, где еще сохранился последний в Европе сколько-нибудь значительный лес, ежегодно вырубается на 8—9 миллионов кубометров больше допустимого предела. Предела, за которым начинаются необратимые, негативные последствия.

Отсюда самое время вернуться к еще одному предмету нашего разговора. К кино. Мне вспоминается выступление в центральной печати одного из ведущих наших сценаристов — Валентина Черных. Опираясь на личный опыт, он, в частности, писал, что любая организация резко реагирует на любую критику и «очень часто сценарист остается один на один с целой отраслью промышленности. А как может выстоять один человек против многотысячного аппарата?.. Я вообще считаю, что наши фильмы будут более откровенными в постановке проблем, если организации не будут решать, что можно, а что нельзя про них снимать».

Ну, а как быть, если не обойтись без консультаций? Фильмов, где затрагиваются важные и, главное, конкретные проблемы, вероятно, будет все больше. В самом деле, как быть? Не создавать же вневедомственный консультационный комитет! Мне кажется, что за все должен отвечать прежде всего автор сценария вместе с киностудией. Не знаешь — не берись; взялся — отвечай. Это, конечно, рискованно. Но разве наши кинередакторы существуют лишь для того, чтобы блюсти интересы «чистого искусства», которого, кстати, не бывает? А как быть с суровой правдой жизни? На откуп консультанту?

Нынешняя практика приглашения ведомственных консультантов превратилась в хитрый способ уйти от ответственности, прикрывшись спиной специалиста. Чем шире спина, тем значительней обтягивающий ее мундир, тем больше шансов на хорошую категорию фильма, а то и на высокую премию. Особенно в документальном кино. Консультант стал чем-то вроде тарана, которым в древности выбивали ворота осажденного города. Ему стараются заплатить побольше, обласкать понежнее. Видели бы вы, как встречают на студиях консультантов! Чуть не ковровой дорожкой от порога.

В документальном кино с консультантами вовсе стихийное бедствие. Знаю и по собственному опыту (почти 70 фильмов), и по опыту коллег. Если воспевание, популяризация или критика, но в адрес других ведомств,— зеленый свет и полная поддержка. Но если, хоть вскользь, затронут ведомственный престиж, фильм вообще может не увидеть экрана. Кстати, не менее расхожей, особенно в последние годы, стала система ведомственного соавторства (тоже своеобразный таран, подкуп, называйте, как хотите), но это предмет отдельного и не менее серьезного разговора.

Сложилось, можно сказать, исторически: критикует газета — надо признавать; но критикует кино или другие виды искусства — ни в коем случае! Эти обязаны только хвалить. Журналистская судьба не раз сводила меня с Министерством рыбного хозяйства СССР. Чаще поводы к этому были малоприятные для ведомства: подрывают сырьевую базу, пропадает много продукции, просто нет рыбы в продаже и т. д. Но ни одно критическое выступление не было официально опровергнуто, хотя давили на газету и лично на меня изрядно. Но вот вышел на экраны фильм по моему сценарию, где в ряду других проблем затрагиваются и рыбные, и хотя картину консультировал один из замминистров и ее предварительно посмотрели несколько ответственных работников из очень высоких инстанций, это не помешало Минрыбхозу СССР обратиться в Госкино с просьбой изъять фильм из проката как искажающий, не отображающий и прочая. Прием испытанный: «смотрел аппарат министерства и решил». Поди разбери, кто смотрел, что решил. И нет гарантии, что человек, кому предстоит реагировать на это письмо, подумает (и я вполне могу его понять): они там специалисты в своем деле, им видней. И что в итоге? Не напоминает ли это те достославные времена, когда вдруг изымались из библиотек книги, когда на полки фильмохранилищ отправлялись готовые кинокартины, а в иных театрах не пропускались спектакли, и все только потому, что кому-то что-то оказывалось не по нутру.

В упреках нашему кино, особенно в последнее время, недостатка нет. Недавний съезд кинематографистов страны показал решительные и серьезные намерения поправить дело. Но я уверен, что значительная часть благородных усилий не принесет результата, если киноискусство не будет избавлено от давления со стороны министерств и ведомств, которые, на мой взгляд, каким-то совершенно непостижимым образом заполучили право влиять на нашу духовную жизнь и определять ее законы.

Павел ДЕМИДОВ

— Устраивает ли вас сегодняшнее представление о Хазанове?

— Думаю, сегодня нет единого представления обо мне, как, впрочем, и не было никогда. А как оно вообще может быть, когда есть и почитатели и противники... Поэтому как понимать ваш вопрос?

Ему попросту не хотелось об этом говорить. Впрочем, актеру, столь любящему различные маски, и должна претить сама мысль о каком-либо едином представлении о нем. Кроме того, «звезда» обязана вызывать споры. И тогда я спросила уже по-другому:

— Бываете ли вы довольны собой?

— Чем-то я себя устраиваю и чем-то нет.

Помню самый счастливый момент: я, молодой артист, добился успеха, популярности, участия в любого ранга телепередачах. Меня даже стали узнавать продавцы магазинов и их начальники. Словом, все было хорошо. И тут же наступил следующий момент — страха за будущее.

Сегодня многие молодые зрители говорят: Хазанов стал Райкиным нашего поколения. Что ж, с этим трудно не согласиться. Пожалуй, он одна из популярнейших сейчас на нашей эстраде фигур. В последнее время мы получаем много читательских писем с просьбой рассказать о творчестве артиста. Итак, интервью по вашей просьбе.

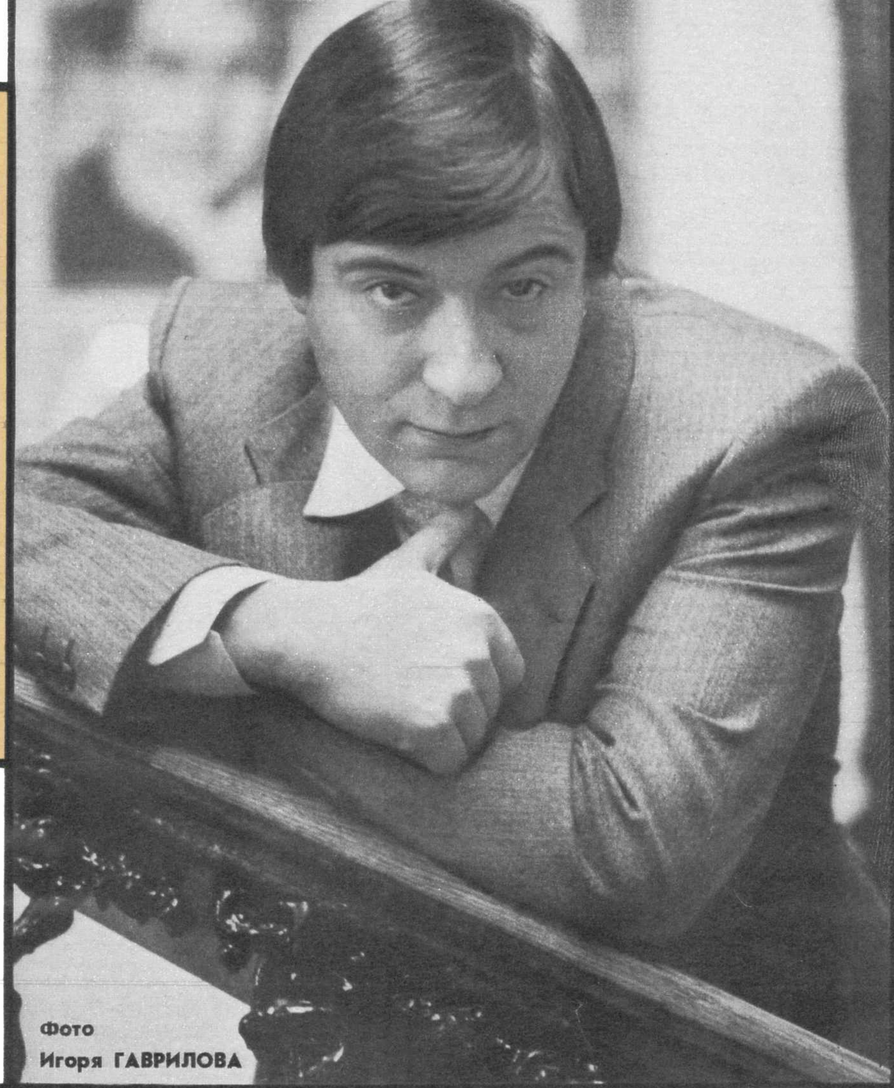

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Геннадий ХАЗАНОВ

ЖАНР БРОДЯЧЕГО АКТЕРА

Дело в том, что огромной частью зрителей я был абсолютно отождествлен со своим персонажем — учащимся кулинарного техникума, который сыграл для меня роль катапульты. Конечно, этот характер помог мне сформироваться как артисту, выявить наиболее любопытные стороны индивидуальности, эксцентрику, самоиронию; и можно было безбедно прожить с ним до конца дней, расширяя и углубляя только его. Но это означало навсегда остаться в одной-единственной маске, чего делать я как раз не собирался. И я с ужасом чувствовал, как учащийся кулинарного техникума начинает меня душить. Меня не устраивало зрительское восприятие Хазанова только как исполнителя этого характера. И я сам себя не устраивал.

В это время в моем репертуаре были и пародии. И если сейчас, оглядываясь назад, говорить о грехах, то эти пародии следует отнести именно к ним. Это была — я прошу отнестись к этому с пониманием — своего рода тактика, хитрость. В пародии можно было проявить свои профессиональные навыки в имитации, подражательстве, она открывала путь к возможности в будущем говорить о том, что по правде волнует. Потому что тогда, в семидесятые годы, на эстраде наличие собственного голоса совсем не приветствовалось. Руководящим культурой инстанциям, редактуре телевидения было особенно радостно видеть, как на сцену выходит еще один вариант уже когда-то разрешенных Райкина, Магомаева, Озерова. Это привело к невероятному разрастанию жанра пародии, вытеснению им всех других видов слова с эстрады...

Тогда пародия была самым легким путем к успеху. Тем более что зритель всегда испытывает какую-то странную радость от узнавания того, кого он уже знает. Причем артисту совершенно не нужно переосмысливать ни свое существование на эстраде, ни тем более существование пародируемого. Достаточно только передразнить похоже — и успех обеспечен. Я всегда думаю: почему в таком случае не посмотреть сам оригинал?

Здесь Хазанов, сам того не подозревая, процитировал Аристотеля, который в своей «Риторике» говорит, что публика всегда испытывает радость, видя что-то ей знакомое. Но я подумала, что во многих прекрасных пародиях Хазанова зрителей завораживало все же нечто большее, нежели радость от лицезрения уже известного. Один умный человек, например, увидев его пародию на Райкина, сказал: «На моих глазах происходит разгерметизация таланта». Так что с пародией выходило явно не столь однозначно... И я сказала об этом Хазанову.

— Да, вы правы, когда один человек передразнивает другого, в этом есть уже некое снятие с пьедестала. И зрительская радость от пародии — это еще и радость от ниспровержения примелькавшегося, а зачастую и надоевшего идола. Впрочем, это другая тема...

Итак, я себя не устраивал. Я стал судорожно пытаться искать другие формы. И тогда в моем репертуаре появились монологи. Мне казалось, что вне зависимости от моего возраста, опыта, сложившегося у зрителя стереотипа я имею право на такого рода публицистические фельетоны-монологи. И я вещал так называемые умные слова умным голосом и не понимал, почему это не имеет успеха. А успеха это иметь и не могло: я становился «мертвым».

Я пытался вырваться из сложившегося представления обо мне. В те годы, и я это прекрасно знаю, при огромной популярности среди массовой аудитории интеллигенция большого интереса к моему творчеству не проявляла. И это было для меня особенно больно, потому что я вырос на фундаменте именно интеллигентной эстрады, студии московского университета «Наш дом». И вот я каждый вечер выходил на аудиторию, совсем не похожую на ту, что заполняла когда-то зал Дома культуры гуманитарных факультетов на улице Герцена...

В общем, чтобы долго не рассказывать свою биографию, скажу: я никогда не испытывал полного удовлетворения от восприятия меня зрителями. Кстати, думаю, что это состояние единственно возможное для артиста. Я всегда стараюсь доказать, что же я есть, утвердить свою точку зрения, найти художественные аргументы, чтобы переубедить еще не переубежденных. Для меня это закон жизни на эстраде.

Он рассказывал это, а я думала: как трагично время в актерской судьбе. Порой время отнимает самое драгоценное — актерскую жизнь и увеличивает список несыгранного.

— Я счастлив, что встретил сегодняшний период в возрасте, когда есть еще силы что-то делать. Потому что многие свой самый сильный период — от тридцати до пятидесяти, — время расцвета, прожили, не реализовав себя. Хорошо, что сегодня им всего пятьдесят, могло ведь быть и больше... Писателям легче — как известно, «рукописи не горят», а вот что делать с теми, кто не поставил, не сыграл спектакля...

Эти двадцать лет, когда все делалось для того, чтобы никого не беспокоить, нанесли серьезный ущерб искусству, его правде. Давайте посмотрим, что произошло за эти двадцать лет хотя бы в нашем жанре.

На волне середины 60-х появился Жванецкий, который привел с собой Карцева и Ильченко. А потом... Смолин, Измайлов, Хайт блистательно владеют смешным в своем жанре, но их произведения всегда... ну, как бы это сказать... с анестезией. Обезболивающие у автора, у исполнителя — и вот уже к зрителю идет только смеховая информация! Конечно, она тоже нужна, но когда только она и есть, только она и звучит со сцены — это ли не показатель? И не случайно истинным лидером этого двадцатилетия был Высоцкий — его голос вносил дискомфорт.

«Вносить дискомфорт», кстати, любит и сам Хазанов. Не случайно вокруг него всегда какие-то истории. Сложилась репутация задиры. А ведь, казалось бы, зачем ему это, ведь благополучен, вполне мог бы успокоиться и «почивать на лаврах».

— Что побуждает вас так жить?

— Иногда мне кажется, что непомерное тщеславие, иногда склад характера. Я бы сказал... Знаете, что это такое? Человек, который ничего не читает, не ощущает, что ничего не знает. Как только он начинает читать, тут же понимает, до какой степени темный. Со мной в моей работе происходит нечто подобное. Когда я научился заставлять зрителей смеяться, я подумал, что знаю все. Все кончено. И тут же я понял: это совсем не конец и даже не начало.

Недавно мне сказали: ваша новая программа гораздо менее острая, чем прежняя «Очевидное и невероятное». Поразительно, под остротой большинство понимает разговор о том, есть ли в магазине тот или иной дефицитный продукт. А разговор о том, как на те или иные социальные явления реагируют люди, считается не острым. А это самое острое и есть! Только реакции людей на негативные явления являются гарантией устранения оных. От сообщения со сцены, что в таком-то городе перебои с колбасой, ничего не изменится. Менять нужно психологию.

Хазанов в скандалах не виноват. «Вина» его в том, что он ищет острые проблемы нашей жизни. А скандалы возникают из-за реакций на его работу консервативно настроенных лиц, по вине тех, кому он своим выступлением «наступает на ногу».

— Не так давно вам на год запретили сольные афишные выступления в Москве. По какой причине?

— В этой истории не все однозначно... Я был на гастролях, а дома раздался телефонный звонок. Звонил работник Октябрьского райкома комсомола. Он сказал моей жене, что такого-то числа спектакль закупили комсомольцы района. «Пусть, — добавил он,— Геннадий Викторович это учтет». Жена спросила: «Что, по-вашему, он должен сделать? Вы же знаете спектакль, который закупили». «Да,— ответил он,— и тем не менее. Пусть учтет, что это будет не простая аудитория».

Когда я вернулся, жена рассказала мне об этом звонке.

«Закупленный» спектакль был для меня очень трудный, реакции какие-

то заторможенные. Когда он закончился, я вышел на авансцену и сказал: «Я шел на спектакль с очень тяжелым сердцем». И рассказал об этом звонке. И добавил: «Мне жалко этого человека. Он такой молодой и уже инвалид». Дальше получилась почти скандальная ситуация. Я совершенно искренне считал, что если спектакль закупили комсомольцы, то и возраст должен быть соответственный, в то время как в зале я видел вроде бы иную публику. Я не мог понять, кому же достались билеты, и сказал об этом, причем, видимо, в бестактной форме.

Тогда из зала поднялся человек, вышел на сцену и попросил у меня микрофон. Меня потом спрашивали: зачем ты это сделал? Но как я мог отказать ему, если только что со сцены проповедовал открытый разговор?

Человек этот сказал, что я оскорбляю комсомол, что он не знает, кто мне звонил, но, видимо, имели в виду совсем другое: что я выйду и поздравлю людей, делегатов районной конференции, которые собрались в зале. (До сих пор не могу понять: если звонил не он, то откуда мог узнать об истинной цели звонка?)

Надо сказать, что зал... Я считал, что зал был на моей стороне. И даже если принять эту точку зрения, то получается: в том, что спектакль прошел плохо, виноват только я — это у меня не хватило художественных аргументов, если их хватило потом, в открытом эмоциональном диалоге,— может быть, бестактном с точки зрения поведения артиста на эстраде, но абсолютно правильном — я в этом уверен — с точки зрения моей профессии.

В результате наказали всех. И того, кто звонил мне, и меня. Но я без всякой иронии должен поклониться тем, кто применил ко мне санкции. Спектакль «Очевидное и невероятное» устарел, он уже не удовлетворял меня, я его доигрывал. Это был конец 84-го года. Время неслось... Этот год пошел мне на пользу, помог мне и по-человечески, и профессионально...

Для меня Хазанов — редкий пример актера с очень широким диапазоном. Мне представляется, как бы блистательно он мог сыграть в драматическом спектакле, на экране. И я не без горечи думаю об избранной им эстраде, которая (все же!) устанавливает этому таланту определенные границы. Хочется для него и еще чего-то...

— Хотите ли вы иметь свой театр? Вам уже сорок один — пора!

— Я часто об этом думаю и так и не могу понять... С одной стороны, собственный театр позволил бы делать спектакли разные... А с другой... Недавно я прочитал у Феллини замечательную фразу о том, что клоун — это аристократ от актерского мастерства. Он заставляет людей и смеяться, и плакать и при этом понятен всем. Это и есть высшая форма актерского существования, по крайней мере я понимаю так... И я думаю — не оттого ли мне хочется иметь свой театр, чтобы не стремиться быть понятным всем...

Когда-то, в начале своей жизни на эстраде, я взял себе за принцип в сборном эстрадном концерте идти перед любым исполнителем и после любого. И не торговаться, удобно мне это или нет. Собственный театр — это уже условие: перед каким номером идти.

Все равно я артист эстрады. Как бы я ни прикидывался, я представитель демократического искусства. Нравится мне это или нет, страдаю я от этого или радуюсь — это уже другой разговор. Свой театр — все равно некая оранжерея. Пока есть силы обращать в свою художественную веру, до тех пор есть путь на эстраде. Все равно мой жанр — это жанр бродячего артиста.

Беседу вела Мария ДЕМЕНТЬЕВА.

МОЛОДЕЖЬ: ДЕЛА И ПРОБЛЕМЫ

НЕ РАСТЕРЯТЬ СЕБЯ

Виктор РОЗОВ

НЕРЕДКО БЫВАЕТ ТАК, ЧТО СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ НЕ СЛЫШАТ ДРУГ ДРУГА. НО ТАК ЛИ УЖ НЕПРЕОДОЛИМА ДЛЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ РАЗНИЦА В ВОЗРАСТЕ! НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ВСТРЕТИЛСЯ С ОДНИМ ИЗ СТАРЕЙШИХ ДРАМАТУРГОВ СТРАНЫ, ВИКТОРОМ РОЗОВЫМ, И ОБРАТИЛСЯ К НЕМУ С ЭТИМ ВОПРОСОМ.

— К явлениям, происходящим в молодежной среде, у людей старшего поколения отношение далеко не однозначное. Что вы думаете по этому поводу?

— Думаю, что все спорящие стороны правы — все зависит от того, о какой группе молодежи идет речь. Мы вправе говорить о ней и с тревогой, и с некоторой осторожностью, и с удивлением, и даже с восторгом.

Я часто встречаюсь со старшеклассниками, много выступаю перед студентами, а также в среде молодых ученых и творческой интеллигенции. И вот после каждого такого выступления, когда я, казалось бы, должен устать, потому что человек я пожилой — а ведь обыкновенно монолог длится часа полтора-два,— выхожу на улицу какой-то поздоровевший, по-юношески веселый, с бьющей через край энергией. Каждое такое выступление для меня — событие: меня буквально забрасывают интересными, неожиданными вопросами, свидетельствующими о том, что имеешь дело с очень подготовленной, думающей аудиторией.

Но бывает и другая молодежь, на мой взгляд, очень странная. Совсем недавно я выступал в школе, где меня очень удивили ребята: у них был такой вид, будто пришли они подневольно. Все сидели молча, вопросов почти не задавали, вели себя образцово. Признаюсь, таких неестественных, по-музейному застывших детей я не люблю. Непосредственность — это главное отличительное свойство молодежи.

Взгляд на детей как на воск и глину давно устарел. Такой подход к подрастающему поколению дает только две разновидности результатов — одни вырастают пассивными, покорными людьми с ограниченным кругозором, другие же выходят в циников и карьеристов.

— Что вас привлекает в современной молодежи?

— Она поражает меня прежде всего своей образованностью. Но, главное, пожалуй, в другом. Кроме своих личных проблем, мои юные сверстники редко чем интересовались, целиком отдавая старшим такую сложную сферу человеческой деятельности, как политика, которая, по-моему, действительно самая сложная деятельность на земле, поскольку мир еще устроен очень противоречиво. Теперь же чуть ли не каждый пятиклассник имеет свое мнение и говорит о том, как надо устроить мир. Ему кажется, что лучше него этого никто не знает. В этом смысле произошли у нас радующие меня изменения.

Но, с другой стороны, молодежь порою не может разрешить многие противоречия каким-то умным путем, потому что не всегда все понимает. Почему у меня в пьесах часто фигурируют молодые люди? По очень простой причине — молодой человек всегда конфликтен. Понимание мира у него еще не сложилось, а сил, жизненных соков бродит в нем очень много. Они буквально разрывают его и часто проявляются в импульсивных действиях, поступках.

— Чем выделялась молодежь вашего времени?

— Я рос среди простых костромских ребят. У нас никогда не было теперешнего деления в зависимости от того, «кто твой папа». Мы все были едины: на одном дворе играли, вместе купались в Волге, катались на лодках, удили рыбу. Это было счастливое время очень крепкой дружбы, какая сейчас, на мой взгляд, не так уж часто встречается. Я совсем не хочу противопоставить ребят и девушек нашего времени современным молодым людям. Вполне естественно, что они разные. И те, и другие — дети своего времени. Но в дни нашей юности среди молодежи, мне кажется, было больше сердечности. Всплеск такой же безоглядной дружбы вновь возник в нашей стране во время войны. На фронте, где я находился, всех нас поддерживало чувство единства. На всю жизнь запомнились удивительные по человечности взаимоотношения между тяжелоранеными, когда я лежал в госпитале, а пробыл я там долго. А какими добрыми, неформальными были отношения между нянями, сестрами, докторами! Считаю, что это чувство товарищества сыграло немалую роль в том, что мы выиграли войну у очень сильного врага.

— Вы побывали во многих странах, встречались там с многими людьми, и у вас сложилось свое мнение о молодом зарубежном современнике. Чем он, с вашей точки зрения, отличается от своих сверстников в Советском Союзе?

— Однажды в США я попросил разрешения провести урок в одной из школ Сан-Франциско. Пришел в класс, и то, что я там увидел, меня ошарашило: все столы сдвинуты, ребятня сидит чуть ли не развалившись на столах и в каких-то немыслимых куртках, у девчонок прически, взбитые до потолка. Когда я с ними разговорился, оказалось, что это прелестные юноши и девушки, умные, готовые активно заниматься. С другой стороны, когда идешь вечером по улице какого-нибудь городка в ФРГ и встречаешь подростков в кожаных куртках, сплошь увешанных какими-то железками, то обходишь их стороной...

Недавно у меня в гостях был Джерри Майклсон, профессор Канзасского университета. Его сын — студент, и отец платит за обучение только часть денег, остальные же юноша должен сам зарабатывать. А плата довольно высока. И знаете, чем занимается сын профессора? Он работает в кафе мойщиком посуды. Отец идет на это сознательно, хотя мог бы обеспечивать юношу целиком. Что касается меня, то я бы платил за ребенка полностью, да еще посылал бы ему деньги для различных удовольствий.

Другими словами, мы сами лишаем своих детей самостоятельности. Мы, я бы сказал, чересчур любвеобильны. Мы так и источаем из себя эту щедрую любовь, которой молодые очень охотно пользуются, и которая в конечном счете делает их пассивными.

— Не пугает ли вас такая черта в молодых, как вещизм?

— Долгое время мы жили очень сдержанно, а то и просто бедно. Но вот теперь наступила иная пора. Есть испытание на бедность, а есть испытание на сытость. Первое наше поколение прошло хорошо. А вот испытание на сытость проходит труднее. Я знавал молодых, кому ранний успех вскружил голову и кто, неожиданно получая много денег, первое, что делали, тут же начинали ужинать только в ресторанах, и в конечном счете вообще переставали работать и превращались в нули. Да, среди какой-то части молодежи, у которой нет четко очерченной цели, нет большой мечты, пока еще процветает эта бессмысленная погоня за тряпками, которая молодого человека никуда не ведет.

— А как вы относитесь к увлечению молодежи модой?

— Всецело поддерживаю. Благодаря молодым появляется более удобная и разнообразная одежда, которую мы, старшее поколение, с удовольствием носим. Думаю, что не следует проводить и политику недоуменных взглядов вслед, скажем, пареньку с крашеными волосами. Такие вот веяния, значит, в сегодняшней моде, и чего уж сразу объявлять этому борьбу. Под рубашками с яркими надписями часто бьются смелые сердца. А хлипкая, темная душонка бывает и в самых обыкновенных нарядах.

Другое дело — в погоне за модой не растерять себя, не разменять свою личность на «мелочи» жизни. Настоящий человек никогда этого не позволит. А наша молодежь, уверен, в большинстве — настоящие люди.

Беседовал Евгений ГИЛЬМАНОВ.

Так получилось, что наш коктейль-бар, разместившийся в типовой двухэтажной «стекляшке» одного из ленинградских микрорайонов на улице Бабушкина, постепенно стал терять популярность у посетителей. Надо было срочно придумывать что-то новое.

ДИСКОТЕКА: ВНУТРИ И ОКОЛО

Роберт ВАРТАНЯН,
руководитель дискотеки
«Невские звезды».
Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Новинкой в ту пору была первая в городе дискотека, открывшаяся в баре ресторана «Тройка». Сходил, посмотрел. И впечатление осталось двойственное: идея понравилась, воплощение — не очень. Примерно те же чувства вызывало знакомство и с другими дискотеками, которых месяц от месяца становилось больше. Тогда, в начале восьмидесятых, они еще только начинали обретать права гражданства и явление из себя представляли не столько экстравагантное, сколько примитивное: в тесноватом обычно зальчике стены распирало от

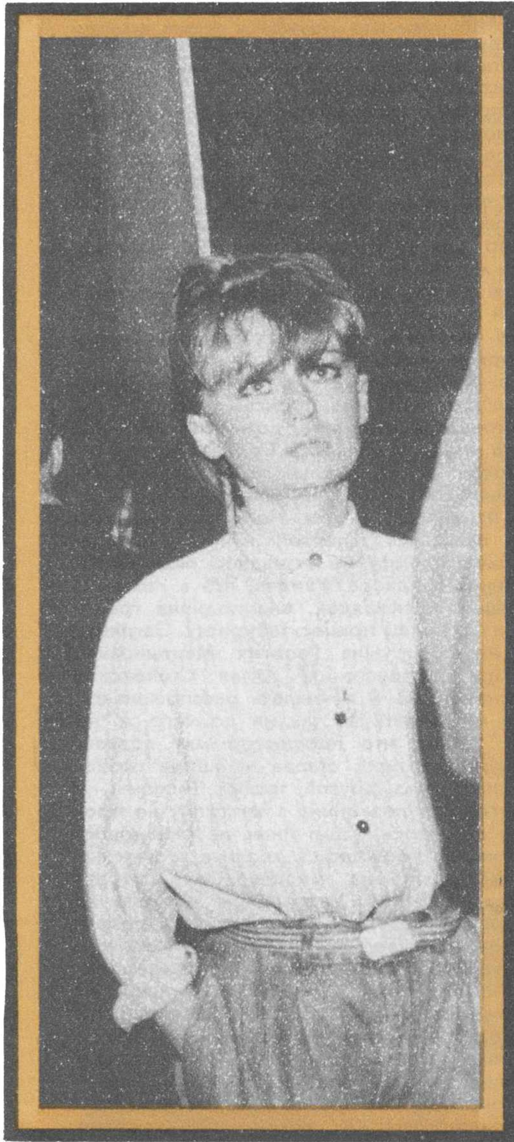

рева поп-музыки, в бурном море которой старательно барахталась юная публика, набираясь в 15-секундных паузах «ума-разума» от диск-жокея, сообщавшего им распоследние эстрадные новости: кто какую пластинку выпустил, кто в чей ансамбль перешел, кто куда уехал на гастроли. На большее фантазии обычно не хватало, да, похоже, слегка ошалевшей от грохота публике большего и не нужно было — успеть бы дух перевести... В общем, если честно, имелся резон в упреках критиков, обвинявших пришедшую из-за рубежа новинку в «машинизации танца», «оболванивании людей музыкальным наркотиком» и т. д. А если учесть, что кое-кто не мыслил себе веселья без предварительного принятия хорошей дозы спиртного, картина получалась и вовсе удручающая.

Естественно, повторять чужие ошибки нам не хотелось. Заимствуя форму, мы сразу же решили напол-

нить ее иным содержанием, поставив перед собой цель превратить каждый вечер нашей дискотеки в праздник — яркий, веселый, красочный. Для этого требовалось соответствующее оформление: потратив почти год, мы разработали более тридцати так называемых индивидуальных эффектов, включая пиротехнику, игру лазера, и на достигнутом не остановились — над обновлением техники мудрим постоянно.

Еще более важным было придумать свой стиль ведения программ. Традиционный — когда диск-жокей в меру знаний и способностей комментирует какие-то музыкальные новости — нас не устраивал, так как запасы информации, любопытной широкому кругу посетителей, быстро тают, а рассказывать и выслушивать по нескольку раз одно и то же никому не интересно.

Пожалуй, самой удачной нашей находкой стали... стихи. Ведь праздник — это всегда всплеск эмоций, чувств, их язык — это музыка и поэзия. И вот в дискотеке, возможно, впервые зазвучали Пушкин и Блок, Фет и Белый, Заболоцкий и Окуджава.

Не все, конечно, пока получается равноценно, однако сам принцип позволил связать танцевальное отделение, состоящее из 10—12 песен, единым драматургическим действием. И еще мы стали инсценировать сказки, притчи, даже оперы и оперетты, составлять тематические программы. Например, на финальном туре Всесоюзного смотра-конкурса дискотек показали программу «Львы стерегут город», посвященную Ленинграду, и свою версию «Сказки о рыбаке и рыбке». Стали лауреатами смотра.

На одном и том же материале мы готовим различные варианты представлений, а значит, и чаще меняем их — в среднем каждые два дня. И так в течение почти трех лет! Но это не означает, что сценарии мы «печем» как придется. Над ними серьезно работают трое ведущих. Мои партнеры — Борис Малышев, социолог, внештатный корреспондент газеты «Смена», и Виктор Васильев, врач по образованию. Помогают нам советами, консультациями представители Невского райкома комсомола. Каждая новинка обсуждается ими совместно с работниками отдела культуры райисполкома. Благодаря такой вдумчивой опеке дискотека стала мобильней, оперативно откликается на многие события. Последнее время у нас звучит в основном советская популярная музыка, причем мы не ждем, когда фирма «Мелодия» выпустит новую пластинку, а сами идем к исполнителям, записываем их концертные выступления. Кстати, и артисты приходят к нам на дискотеку. У нас выступали Валерий Леонтьев, Юрий Антонов, композитор Александр Морозов, группы «Земляне», «Динамик».

Гостям мы всегда рады. И не только именитым. Убежден, что дискотеки — идеальное место для старта молодых, пока безвестных групп и певцов. Сейчас ведь существует странное положение, когда, с одной стороны, молодежь справедливо сетует на скудость отечественной эстрады, а с другой — десятки, сотни одаренных ребят, по существу, не имеют выхода к широкой, заинтересованной в их творчестве аудитории.

Мечтается и о более тесном сотрудничестве с телевидением. «Невским звездам», в общем, грех жаловаться на невнимание с его стороны — снимали и нас, и у нас. И все-таки нужна регулярная передача, своего рода парад лучших дискотек. Технические возможности телевидения открывают широчайший простор для фантазии, зрелище можно сделать необычайно ярким, познакомиться благодаря ему с интересными людьми, коллективами из разных городов страны.

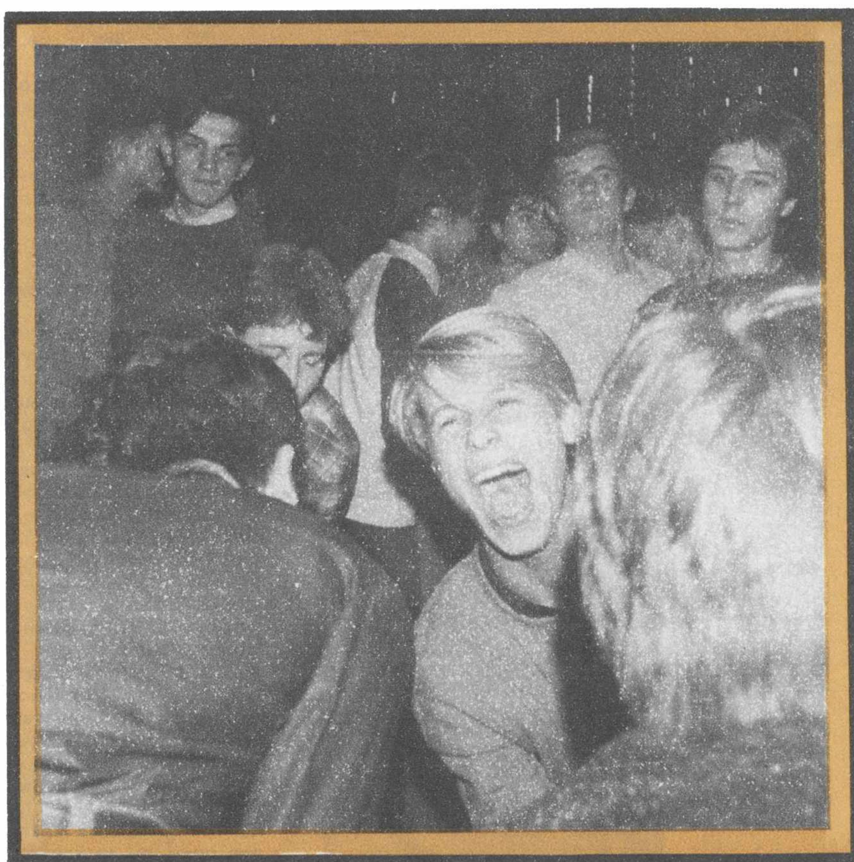
Подобные передачи помогли бы и обмену опытом, обмену, которого в данный момент, по сути, не существует. И многие дискотеки нужную информацию буквально по крупицам вылавливают из газет и журналов. Хорошо, что в Ленинграде при Дворце молодежи, институте культуры имени Крупской есть годичные курсы для ведущих. В большинстве же других городов, насколько мне известно, руководители дискотек ориентированы на весьма упрощенные представления о том, каким должен быть молодежный вечер, не имея подчас четких общественно-политических критериев, не разбираясь толком и в музыке. Отсюда и увлечение западными ансамблями, и конферанс сомнительного свойства.

Хотелось бы обратить внимание и на финансовый вопрос. Пока дискотеки «сидят на шее» предприятий, институтов и т. д. А не пора ли, хотя бы лучшим, предоставить возможность самофинансирования, перевести их на полный хозрасчет? Прибыль (и немалую) государству приносить мы можем, так неужели эти деньги лишние? Да и нам, располагая средствами, легче будет шагать в ногу со временем, использовать у себя самые совершенные светозвуковые, телевизионные, слайдовые, лазерные системы, всячески расширять комплекс услуг для посетителей.

Чтобы не «прогореть», надо сражаться за публику, а значит, проявлять инициативу, внимательно учитывать запросы людей. Мы ведь как-то невольно опростили само понятие дискотеки, решив, что место в ней — только молодым и поп-музыке. Но ведь там могут звучать и вальсы, могут выступать поэты...

Одним словом, нужна настоящая социалистическая предприимчивость, вдумчивый подход к перспективному, сулящему немалые выгоды государству делу.

Чтобы одни могли хорошо отдохнуть, другие должны хорошо поработать. Пора.

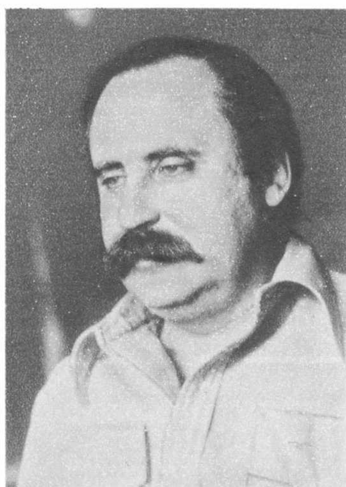

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Роман «Александрийская гемма» принадлежит перу известного советского писателя Еремея Парнова, автора многих научно-фантастических, приключенческих и исторических книг, в том числе романов «Ларец Марии Медичи», «Третий глаз Шивы», повестей о пламенных революционерах Эрнсте Тельмане («Секретный узник»), Шандоре Петёфи («Витязь чести») и философской публицистики «Боги лотоса» и «Трон Люцифера».

Глава первая

ВЗРЫВ В ЗАПЕРТОЙ КОМНАТЕ

Не спрашивай мертвых, они ничего не могут рассказать о себе. Это не они говорят с тобой в лабиринтах сновидений, а твой растревоженный, не знающий отдыха мозг.

Люсину, задремавшему на какой-то миг у себя в кабинете, приснился отец. Словно взывая о помощи, он протягивал руки, стоя на пороге их старого дома, в котором давно поселились чужие люди, и вдруг отступил куда-то в невыразимую даль, когда в сон ворвалось дребезжание внутреннего телефона.

Люсин неторопливо собрал разложенные на столе документы в аккуратную стопку и надел висевший на плечиках китель, скромно украшенный университетским ромбом. Несмотря на несколько громких дел, о которых широко сообщалось в печати, орденов у Люсина не было.

— Разрешите, товарищ полковник? — Люсин приоткрыл дверь в кабинет.

— Да-да, заходите.— Полковник Кравцов озабоченно взмахнул рукой, зажав плечом телефонную трубку. Говорил он тихо, почти не раскрывая рта и в основном короткими междометиями. Больше слушал, сохраняя на лице настороженную безучастность. За окнами хлестал дождь, было хмуро и бесприютно. Люминесцентные светильники под потолком изливали холодное сияние, сумрачно подрагивая в полированных плоскостях финского гарнитура. Новый человек, новая мебель, заново отделанный деревянными панелями кабинет.

— Садитесь,— сказал Кравцов, закончив разговор, и сразу перешел к делу.— Вот, значит, какая история: без вести пропал человек.— Поправив очки, он заглянул в бумажку, одиноко белевшую на зеркальной глади стола.— Солитов Георгий Мартынович, год рождения тысяча девятьсот шестнадцатый, профессор Московского химико-технологического института, заслуженный деятель науки и техники. Ясно?

— Пока не очень.

— Вот и мне тоже неясно. Никто не видел, как и, главное, когда он покинул дачу. Зачем-то захлопнул за собой дверь, которую нельзя открыть снаружи... Почему, спрашивается?

— То есть? — позволил себе уточнить Люсин.— Входную дверь?

— Донесение составлено местным участковым. Наворочено всякого: взрыв какой-то таинственный, и вообще полный туман. Нас просили помочь разобраться.

— Помочь разобраться? Но это значит, мы берем дело?

— Вы правильно понимаете. Ситуация, мягко выражаясь, своеобразная, я бы даже сказал, настораживающая. Начальство, не скрою, проявило повышенный интерес, что, как вы понимаете, требует от нас особой оперативности. Словом, выезжайте на место с опергруппой, поглядите, что там и как. Наверняка все окажется значительно проще. Работать будете вместе со следователем горпрокуратуры Гуровым. Постарайтесь поладить с ним.

— А он со мной тоже постарается? — поинтересовался Люсин без тени улыбки.

— Сразу по возвращении доложите.— Кравцов вложил лежавший перед ним листок в папку и, как по льду, отпасовал ее через весь стол Люсину. Разговор был закончен.— Путь неблизкий, поэтому времени не теряйте.

— Разрешите сперва подумать, товарищ полковник.

— Что?! — В невозмутимых глазах Кравцова промелькнуло мгновенное изумление.

— Я хочу сказать, что должен сначала ознакомиться с делом, возможно, навести кое-какие справки и наметить хотя бы предварительный план действий.

— Ну, вам виднее,— последовал за многозначительной паузой окончательный вердикт.— К концу дня ожидаю с докладом.

— Если придется задержаться, товарищ полковник, я позвоню.— Люсин знал себе цену и отнюдь не был расположен менять стиль работы, складывавшийся годами. Пусть новое руководство воспринимает его таким, какой он есть. Стоит из-за боязни испортить отношения дать слабину, и пиши пропало. До конца дней своих не выкарабкаешься из мелочной опеки.

И все же от разговора с Кравцовым остался неприятный осадок. То и дело напоминало о себе запоздалое опасение, что без особой надобности полез на рожон, перегнул палку.

Выстроив разрозненные факты, Люсин наконец уяснил для себя суть происшествия.

Домработница или, вернее, домоправительница профессора Аглая Степановна Солдатенкова, вернувшись после почти недельного отсутствия, обнаружила выбитое окно. Она, естественно, забеспокоилась и кинулась в дом. Но дверь, ведущая в комнату, оказалась запертой изнутри. Солдатенковой ничего иного не оставалось, как заглянуть в кабинет со двора. Увидев, что в помещении полнейший беспорядок, она подняла тревогу. Кто-то из соседей принес табуретку. Заглянув в окно и не обнаружив Георгия Мартыновича среди разора и запустения, Аглая Степановна немного успокоилась и принялась расспрашивать: может, кто что знает. Но так ни до чего и не доискалась. Решив, что профессор мог поехать на городскую квартиру, старая женщина позвонила в Москву — раз, другой, третий. Телефон не отвечал. Тогда она позвонила в институт, но профессора не оказалось и там. Лишь на следующее утро, отчаявшись дождаться хозяина и заподозрив, как она объяснила, «худое», Солдатенкова обратилась в милицию. Участковый прибыл на место и, приняв необходимые меры для сохранения следов, произвел предварительный осмотр.

По характеру осколков оконного стекла, обнаруженных на достаточном удалении от дачи, он предположил возможность взрыва. Эта версия косвенно подтверждалась показаниями соседей Солитова, засвидетельствовавших, что тот вел дома различные химические исследования.

Проанализировав обстановку, Люсин одобрил действия участкового. Он хотя и не проявил особой инициативы, но зато не наделал ошибок.

По своему обыкновению Владимир Константинович начал со схемы. Очертив в центре бумажного листа квадратик и обозначив его инициалами Солитова, он сделал несколько ответвлений, пометив их соответствующими надписями: «Солдатенкова», «Соседи», «МХТИ», «Московская квартира». Люсин подумал, что в процессе работы число таких ответвлений удвоится, утроится, даже удесятерится. И это только прямые связи. А сколько обозначится косвенных, опосредованных, самым причудливым образом разветвленных. Только выявив их все до последней, можно надеяться на успешный финал.

Отработав первоначальную логическую схему, Люсин старался не задумываться над главным вопросом: жив или же нет человек, о самом существовании которого он даже не подозревал еще каких-нибудь полчаса назад.

Поставив в известность дежурного по городу о намеченных действиях, он запросил морги, больницы, направил ориентировку по отделениям и в область. Затем позвонил в отдел кадров МХТИ и, обрисовав ситуацию, попросил ознакомить его с личным делом Георгия Мартыновича.

— Да-да, я подошлю человека,— сказал он, включая магнитофон.— Но время не терпит. По-

Журнальный вариант.

этому продиктуйте основные позиции, будьте настолько любезны... Нет, список научных трудов пока не надо, с научными трудами можно чуточку повременить...

Разговор практически не дал никаких новых зацепок. Жена Солитова Анна Васильевна умерла в позапрошлом году, дочь Людмила была замужем за работником Госкомитета по внешним экономическим связям и находилась за границей. Установив, что квартира профессора была в последний раз поставлена на охрану одиннадцатого июля, то есть еще месяц назад, Люсин набросал проект запроса в МИД. На подобного рода телеграмму полагалась соответствующая виза. Рассудив, что лишний раз мозолить глаза начальству, безусловно, не стоит, Люсин не стал торопиться и послал в институт за личным делом.

Теперь, когда было сделано все, что возможно, следовало заняться подбором опергруппы. Люсин никогда не полагался на случайность. Дежурства дежурствами, очередность очередностью, но он предпочитал работать с людьми, хорошо ему знакомыми. Итак, экспертом, конечно, Крелина, а шофером Кушнера либо Самусю. От собаки, к сожалению, толку не будет, потому как всю неделю город и область заливают потоки дождя. Но порядок есть порядок. Придется взять. Что же касается следователя, то начальство не выбирают.

Спустившись во внутренний двор, где уже дожидался желто-голубой милицейский микроавтобус, Люсин не без удовольствия обнаружил, что ливень прекратился.

— С погодкой, командир! — поприветствовал Коля Самуся, включив зажигание.— На Синедь?

— Можно и на Синедь, если приготовил снасти и знаешь верное место. Я слышал, там лещ хорошо берет?.. Люсин,— коротко представился он пожилому лысому человеку в штатском — старшему следователю прокуратуры по особо важным делам.

— Гуров,— ответил тот церемонным кивком.

— Я знаю вас, Борис Платонович,— улыбнулся Люсин, протянув для приветствия руку.

Ни внешность Гурова, вполне заурядная, ни манера вести себя никак не раскрывали его характера. Лишь желчно опущенные уголки губ и привычка время от времени почесывать переносицу свидетельствовали об известном внутреннем напряжении. Очевидно, его угнетали какие-то сугубо личные заботы. Опытный следователь, он бы не стал заранее волноваться из-за дела, обстоятельства которого еще так неясны.

За окружной по обе стороны шоссе замелькали березы и распахнулись зеленые квадраты полей. Люсин вытянул ноги и, опустив веки, предался дреме. Он бы, пожалуй, даже уснул ненадолго, но неожиданный вопрос следователя вырвал его из короткого забытья.

— Не верите, что действительно произошел взрыв?

— Как я могу верить или не верить? — Люсин неохотно выпрямился.— Принимаю за данность, а далее поглядим.

— Одно лишь предположение, что в доме заслуженного человека, вообще в частном доме могло случиться подобное, уже бросает, как бы поточнее сказать, некую тень. Вы меня понимаете? Акцентик! Притом весьма неприятный.

— Мы не выбираем происшествий,— не желая особенно вдумываться в смысл сказанного, откликнулся Люсин.— Это они нас выбирают.

— Известный химик, изобретатель, и вдруг такое... Вас это не наводит на определенные мысли?

— Вы же сами видите, химик... Вот если бы он был стоматологом или, допустим, скорняком, тогда бы я, возможно, и удивился.

— Вы не даете себе труда понять меня?

— Просто не вижу причин для особого беспо-

койства. Оно по меньшей мере преждевременно. Поживем — увидим. Мало ли ахинеи встречается в протоколах?

— Но ведь взрыв!

— Взорваться могла и бутыль с квасом.

— Завидую вашему спокойствию. Вы, по-видимому, очень счастливый и благополучный человек.

— Не жалуюсь,— сонно пробормотал Люсин, устраиваясь поудобнее.

Глава вторая

ВЕРТОГРАД

Милицейский фургон остановился возле закрытых ворот. Гуров, а за ним и другие выпрыгнули на землю.

— Лейтенант Мочалин,— козырнул поджидавший участковый.— Понятые готовы.

— Ну что? — спросил Гуров, оглянувшись.— Приступим? — И, поманив за собой проводника с собакой, толкнул калитку. Она оказалась незапертой.

Дуновение тревоги коснулось Люсина, едва он увидел вызывающе белую раму на черной стене. Освещение поминутно менялось. Яростный послеполуденный свет то разгорался, то бледнел, смягченный набежавшим облачком. Остроугольные дыры в оконном стекле независимо от освещения кололи глаз глухой темнотой.

«Черная краска, конечно же, ни при чем, хоть признаться, и влияет на настроение,— решил Люсин.— Это для Подмосковья не слишком привычный колер, а в Европе, особенно на Севере, многие так красят свои дома».

Мысль отогнать легко, но как избавиться от беспокойного ощущения, что нечто подобное уже разыгрывалось на подмостках жизни и, как ни крути, а печальной развязки не избежать? Так бывает во сне, когда страдаешь оттого, что тебе уже снилось такое однажды и все предрешено и не соскочить с наезженной колеи.

Приступив к будничным и не слишком веселым делам, Владимир Константинович убедился, что ощущение неблагополучия, быть может, даже какой-то странности исходит не только от дачного домика, повитого лозами дикого винограда. Неизъяснимой скорбью дышали здесь воздух, всегда прохладный в тени, и обильно политый чернозем, и выцветшее за лето поднебесье, промытое отлетевшей грозой. Затянутое все эти дни клубящимся занавесом небо распахнулось на северо-запад в обрамлении бронзовеющих, горящих тяжелыми каплями сосен. С изощренной четкостью прорисовалась закопченная печная труба, слишком мощная для скромной двухскатной крыши, перекрестье антенны и моховая зелень шиферных волн, усыпанных слежавшейся хвоей. Что-то удерживало Люсина, мешало ему ступить под этот кров, отмеченный знаком печали.

Нет, не стихийные борения небесной тверди, чья изменчивая игра вечно тревожит спящий инстинкт, заставили прислушаться к заунывному подрагиванию потаенной струны. Холодное сияние в вышине, и запах щедро унавоженной почвы, и сырое дыхание набежавшего ветерка — все было лишь антуражем, аранжировкой навязчивого мотива, долетавшего из иной, едва постигаемой дали. Глубинные сигналы исходили, пожалуй, из сада, окинутого взглядом хоть и мельком, но схваченного на безошибочном уровне подсознания, примечающего малейшие отклонения. Из них и соткалось неотвязное, как предчувствие беды, ощущение угрозы.

Заботливо ухоженный участок перед домом менее всего походил на сад, невзирая на побеленные стволы и ветви, сгибающиеся под тяжестью яблок, обложенные керамической плиткой куртины и грядки.

Скользнув сосредоточенным взором по лицу застенчивого участкового, которому не терпелось выложить подробности, Люсин запахнул плащ и нырнул в заросли шиповника, обрушившегося каскадом капель и ворохом лепестков. Молодая почтальонша и владелец соседней дачи, привлеченные в качестве понятых, с явно смущенным видом полезли следом.

— Погоди, лейтенант,—остановил Крелин участкового.— Пусть Владимир Константинович сперва сам разберется. Ты лучше нам расскажи.— Он успокоительно махнул рукой Гурову, который задумчиво прогуливался возле разбитого взрывом окна. Усеявшие клумбу осколки однозначно указывали на то, что стекло не было выдавлено снаружи. Крелин с первого взгляда отмел возможность имитации, хотя земля перед домом и была основательно затоптана.

Гуров недоуменно пожал плечами и, достав сигареты, направился к эксперту. Наслышанный о причудах Люсина, он выразил свое неодобрение сердитым попыхиванием. Крелин, работавший с Люсиным двенадцатый год, постарался разрядить обстановку.

— У каждого из нас свой бзик.— Он виновато улыбнулся.— Недаром говорят, что лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать.

— Лично я предпочитаю сначала выслушать свидетелей,— неприязненно поежился следователь, отирая пучком травы ботинки, забрызганные оранжевым молоком чистотела, растущего вместе с крапивой по краям дорожки.

— Так ведь нет их, свидетелей, Борис Платонович,— развел руками эксперт.— Аглая Степановна эта,— он кивнул на мрачнейшего вида старуху, прикорнувшую на лавочке возле крыльца,— она ведь только на пятые сутки домой заявилась...

— Так точно,— оживился участковый.— И сразу по соседям кинулась. Они, небось, и наследили, где только могли. Каждому, понимаете, надо в окно просунуться! Хорошо еще, что дверь взломать не надумали...

— Непонятная штука,—размышляя вслух, вздохнул следователь и раздраженно вмял в грязь окрашенный никотином окурок.— Зачем ему вообще понадобился этот замок? И почему только с внутренней стороны?

— Я и говорю: у каждого свои странности.— Крелин снисходительно опустил веки.— Взять хоть ее.— Он двинул подбородком в сторону старухи, застывшей, как изваяние, с перекрещенными на коленях руками.— Сидит — не шелохнется, будто ей абсолютно все до лампочки.

— Степановна у нас кремень! — уважительно поддакнул участковый.— Каждое слово приходится чуть ли не клещами вытаскивать. А ведь любит она Георгия Мартыновича, души в нем не чает... Вы это очень верно насчет странностей, товарищ капитан. Я вот и за собой замечаю...

— Рано, молодой человек, рано,— властно пресек откровенные излияния следователь.— Лейтенантам странности не положены. Вы лучше вот что скажите...— Ловким щелчком он выбил из пачки новую сигарету.— Солитов всегда таким анахоретом жил? У него семья, кажется? Квартира в городе?

— Так ведь лето теперь,— не понял лейтенант, стряхнув прилепившиеся к безупречно отглаженным брюкам колючки.— Георгий Мартынович в институте работает, каникулы у них.

— Каникулы-каникулы,—протянул нараспев следователь.— Вот она, жизнь человечья. Жена умерла, дети разъехались по заграницам, и остался мужик в полном одиночестве.— Он поцокал языком, покосившись на мумию в застиранном платочке, безучастно дремавшую под рябиной.— Со Степановной, как я вижу, не очень-то поговоришь... Студенты там, аспиранты всякие не навещают?

— Кто их знает, может, и навещают.

— В мое время не забывали учителей,— посочувствовал представитель прокуратуры.— Это теперь никому ни до кого дела нет... Но где же ваш опер? — Он нетерпеливо взглянул на часы.— Чего копается? Дело ведь явно не рядовое...

— Может, оттого и копается, что не рядовое,— заметил Крелин.

Люсин между тем обошел дом кругом, окончательно убедившись в том, что пристрастия его хозяина были весьма своеобразными.

В непосредственном соседстве со штамбовыми розами рос, растопырив колючие листья, чертополох, кусты бузины чередовались с волчьей ягодой и дурманом. На узких, высоко приподнятых над поверхностью грядках вместо моркови и огурцов золотились звездочки зверобоя, качались скромные головки тысячелистника. Среди всего этого разнотравья Люсин распознал валериану и донник, душицу и мяту, девясил, шалфей и горец. Пятачки целины, оставленные под подорожник, пастушью сумку и коровяк, надменно покачивавший желтыми стрелами крупных соцветий, чередовались огороженными проволокой квадратами, где, как рептилии в террариуме, зловеще наливались ядом зонтики вёха, метелки эфедры, вороний глаз, белена. Лишь обладая поистине нездоровой фантазией, можно было высадить на клумбах ревень заодно с вероникой, календулой и полынью.

Сад отрав, огород целебных кореньев и приворотных зелий...

Что ж, подумал Люсин, каждый волен выращивать на своей земле что душа пожелает, в том числе и столь экстравагантные культуры. Благо хозяин — профессор, доктор наук. Ему и книги в руки, и острый садовый нож, пометивший косым характерным срезом сучки и пустотелые дудки. Токи воздуха веяли сладостью медуницы, прохладой аниса, щекочущей в горле истомой прелой листвы. До светлой печали, до слез. Теперь Люсин почти наверняка знал, что не ошибся в предчувствии, отозвавшемся легким обмиранием, когда, затворив за собой калитку, увидел жгучий цветок чертополоха, смоляную вагонку за ним и блики света, как на креповых лентах.

— Хотел бы я знать, зачем ему понадобилось так выкрасить дом! — пробормотал он. И, словно устыдившись, что будет услышан, взглянул на часы и поспешил выбраться на тропку. Его погружение в омут снов и вещих ощущений длилось чуть более получаса, и он подивился тому, как стремительно летит время.

— Ну что, товарищи?— спросил он с наигранной бодростью, присоединившись к остальным.— Заглянем внутрь?

— Давно пора,— хмуро попенял ему Гуров.— День к вечеру идет, а у нас еще дел непочатый край.

— Так уж и непочатый,— лукаво прищурился Люсин.— Не скажите, Борис Платонович, кое-что я все-таки углядел.

— С Солдатенковой поговорить не желаете? — вялым мановением Борис Платонович указал на старую домработницу, так и не изменившую своей безучастно-задумчивой позы.

— Со Степановной? А зачем? Она уже все рассказала на данном этапе. Нет, мы лучше сами поглядим, что да как.

— Сами так сами,— с неожиданной покорностью согласился следователь.

— Дверь ломать будете? — спросила Степановна, когда гости собрались в сенях.— У кабинета?

— Ни в коем разе, бабушка,— весело пообещал Люсин. Тщательно вытерев ноги о резиновый коврик, он поманил Аглаю Степановну.— Хозяин любил запираться? — спросил вскользь, пропустив понятых, и уверенно взбежал по лестнице.

— Любил не любил, а когда и закрывался,— с некоторым замедлением объяснила Степановна, останавливаясь перед запертой дверью, фанерованной дубом.

— Поточнее, Степановна, когда именно? — озабоченно спросил Люсин.

— Когда, значит, надо ему было.

— И все же? — с величайшим терпением продолжал расспрашивать Владимир Константинович, внимательно исследуя дверной косяк.— Замок вроде бы тут? — Он выжидательно обернулся к эксперту.

Крелин, проведя снизу вверх металлоискателем, согласно кивнул.

— Найдется куда включить? — размотав шнур дрели, обратился он к Аглае Степановне.

— Давай уключу.— Волоча стоптанные шлепанцы, она потащилась в соседнюю комнату.

Тонкое сверло мягко вошло в доску. В коридоре повеяло легким душком древесной пыли.

— Вот и все,— сказал Крелин, энергично продувая отверстие. Присев перед раскрытым чемоданчиком, он выбрал подходящий крючок. Затем осторожно просунул его внутрь, небрежно повертел туда-сюда, и дверь с натужным вздохом отворилась.

Сделав несколько снимков, он, словно бы крадучись, переступил через порог.

— Входите, товарищи,— пригласил Люсин. Он хотел было объяснить понятым смысл предстоящей работы, но осекся на полуслове и замолчал. При первом взгляде на комнату тошнотно зашевелилось знакомое ощущение пережитого сна.

Глава третья

ТАЙНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

Кабинет доктора химических наук Георгия Мартыновича Солитова напоминал лабораторию и одновременно старинную аптеку. Рабочий стол находился у самого окна. Заваленный книгами, папками и ворохом фотографий, скорее всего, разбросанных взрывом, он находился на одном уровне с широким подоконником, где тоже валялись порушенные стопки книг. Переплеты, усеянные осколками и вдобавок забрызганные какой-то маслянистой жидкостью, покрывал солидный слой пыли.

— Мы возьмем это для анализа,— сказал Люсин, невольно любуясь экономными, отточенными движениями Крелина, методично отбиравшего вещественные доказательства.

— Георгий Мартынович действительно опыты какие-то ставил,— безучастно уронил Гуров, скользнув взглядом по капитальной печи в середке и обрушенным полкам с химической посудой в вытяжном шкафу.

На фотографиях, которые разбирал Крелин в надежде найти отпечатки пальцев, были запечатлены аллегорические рисунки и тексты, переснятые с каких-то старинных книг и манускриптов, написанных главным образом по-латыни. Для Люсина, изучавшего этот язык врачей и юристов в университете, не составило особого труда догадаться, что Солитов интересовался лекарственной

рецептурой. Об этом свидетельствовали и многочисленные выписки из травников, лечебников и всякого рода алхимических сочинений.

Сортируя уже просмотренные Крелиным фотокопии, Владимир Константинович собрал «Салернский кодекс здоровья» Арнольда из Виллановы и «Ботаники первоисточные основания», книгу, изданную в 1785 году в Санкт-Петербурге Максимовичем-Амбодиком.

— Лекарства варил,— уважительно вздохнул Люсин, рассматривая на просвет пузырьки из темного стекла, снабженные латинскими этикетками. Судя по почерку и тщательно пронумерованным листам фотокопий, Солитов отличался скрупулезностью, граничащей с педантизмом.— Перегонял, экстрагировал...

— К нему тут многие обращались,— вздохнул сосед Караулкин.— Мою Марью Никитичну он, почитай, с того света возвернул. Да... Травку ей прописал от камней в почках.

— Ну и как? — заинтересованно спросил следователь.

— Как рукой сняло. И месяца не прошло. А ведь мучилась-то, мучилась...

— Что он, у себя в институте не мог заниматься? — ни к кому персонально не обращаясь, но как бы с затаенной обидой попенял Гуров.— Зачем же так на дому, кустарно!

— Мы еще ничего не знаем о том, что он мог, а чего не мог делать на кафедре,— хмуро ответил Люсин, выдержав долгую паузу.— Дайте срок: будем знать.

— Кое-что уже сейчас вырисовывается,— подал реплику Крелин, извлекая из-под бумажного вороха недопитый стакан чая.— Судя по грибку,— он показал следователю разросшиеся пятна бледно-голубой плесени,— действительно прошло несколько дней.

— Более определенно сказать не можете?

— Не могу, Борис Платонович,— досадливо отмахнулся Крелин.— А вот отпечатки, кажется, есть! — Привычным движением он наложил прозрачную липкую ленту.— У тебя тоже что-нибудь нашлось, Володя? — спросил, не оборачиваясь.

— Как не найтись? — понимающе усмехнулся Люсин, беря двумя пальцами очередную склянку.— Вырисовывается понемногу.

— Выходит, он врачеванием увлекался,— отвечая на какие-то свои мысли, заключил следователь.— Знахарством?

— Знахарством? — Люсин прислушался к звучанию слова.

— Иначе зачем все эти банки с травами, какими-то корешками и прочей корой?

— Едва ли такой термин подходит к дипломированному фармацевту.

— Фармацевту? Вы точно знаете? — спросил Гуров.

— Навел кое-какие справки, прежде чем выехать,— кивнул Люсин.— Солитов окончил фармацевтический факультет, кандидатскую получил без защиты в Военно-медицинской академии, докторскую — за работу по теории бесконечно-разбавленных растворов.

— Бесконечно-разбавленных? Такие действительно есть? — не отставал Гуров.

— Очевидно, если за это дают соответствующие степени.

— Вода, которую мы с вами пьем ежедневно, не что иное, как бесконечно-разбавленный раствор,— хмыкнул Крелин, сливая подернутый плесенью чай в пробирку.

— А деньги он за лечение брал? — обратился следователь к заскучавшему Караулкину.

— Что вы! Как можно? Это у него брали кому не лень...

— Кто же, например? — вкрадчиво поинтересовался Борис Платонович.

— Мало ли... На дрова, например, крышу, починку забора. Давал всем.

— Много тут шаромыжников шастало,— проворчала Аглая Степановна.— Чистые грабители!

— Ну, об этом у нас будет особый разговор.— Люсин обменялся с Борисом Платоновичем многозначительным взглядом.— Может, и вы, Таня, скажете нам что-нибудь интересное? — ободряюще улыбнулся он почтальонше.

— Я? — Она удивленно раскрыла глаза.— Так не знаю я ничего такого. Они корреспонденцию на московский адрес получали, а сюда только «Вечерку» переводили. Брошу в ящик — и дело с концом.

— И то правда,— махнул рукой Люсин.— Вы девушка здоровая — кровь с молоком. Вам эта фармакопея, в сущности, ни к чему.

— А вот и нет! — обозначив симпатичные ямочки на щеках, просияла она.— Мне бабушка Аглая бородавки заговорила. Правда, бабуся?

— Может, и так,— кряхтя, откликнулась старуха.— Много вас, голоногих, ко мне бегало. Всех разве упомнишь?

— Подумать только! — скорее наигранно, чем действительно возмущенно, всплеснул руками Гуров.— И это в конце двадцатого века! Да они бы и так прошли, ваши детские бородавки!

— Ждать? Очень нужно! — растопырив ухоженные пальчики, она полюбовалась свежим маникюром.— Я не люблю, когда некрасиво.

— Вы и вправду умеете заговаривать? — полюбопытствовал Люсин.

— Не хочешь — не верь.— Аглая Степановна строго зыркнула прищуренным глазом.— Кому заговаривала, а кому и чистотелом свела. Вон его у нас сколько.— Кивнула на окно, туже подвязывая платок.

— Так можно договориться до нечистой силы, уважаемая Аглая Степановна,— строго, но не без потаенной мысли, заметил Гуров.

— А ты рази не видишь, чьих это рук дело? — без тени улыбки сказала она, плавно взмахнув рукой.

— И то правда,— мягко поддержал ее Люсин.— Одна печь чего стоит. Чистый алхимический горн. Разве что воздуходувка взамен мехов приспособлена. А снадобья? Какие-то кости толченые, ракушки... Я даже банку с рассыпным жемчугом обнаружил. Так что вы поосторожнее на поворотах, Борис Платонович, а то как бы чего не вышло,— закончил с нажимом.

— Вы правы.— Гуров внял замаскированному шуткой предостережению.— Не будем спешить с выводами... Вы, кажется, хотели сказать что-то, Аглая Степановна?

— Так рази ты чему веришь? — Старуха мелко перекрестилась, нашептывая что-то себе под нос.— Не будет у нас разговора. Я вон ему лучше скажу,— она благосклонно покосилась на Люсина,— когда срок придет.

— И правильно,— сразу же согласился Гуров.— Только не пропустить бы момента, Аглая Степановна. Уж больно время дорого! И так сколько дней потеряли.

— Теперь уж не возвернешь.— Старуха неприметно всхлипнула и поспешила вытереть глаза концом платка.— Да и не к чему.

— Почему вы так думаете? — с проникновенной грустью спросил Люсин, настраиваясь на одному ему ведомую волну.

— А то не знаешь? — Степановна с усилием сглотнула горький комок.— Нету его, батюшки нашего, Егора Мартыновича, нету. Напрасно ищешь.— Она обреченно шмыгнула носом.

— Вы в этом вполне уверены? — спросил Люсин.

— Да ты и сам так думаешь.— Она словно читала его мысли.— Когда еще в калитку входил, уже все знал. Я по тебе видела.

— Н-ничего я не знал,— через силу выцедил из себя Владимир Константинович и отвернулся.

— Черт-те что творится,— пробормотал Гуров и, вытащив сигареты, выскочил в коридор. Но сделав две-три глубокие, кружащие голову затяжки, загасил окурок и поспешил возвратиться.— Можно вас на минуточку, товарищ Люсин? — позвал он, задержавшись в дверях.

— Слушаю вас, Борис Платонович.— Люсин удивленно приподнял брови.

— Вы в самом деле думаете, что Солитова нет в живых?

— Во всяком случае, серьезно это подозреваю,— ответил Люсин, подумав.— А что?

— Ничего, просто так,— отвечая каким-то своим думам, пробормотал Гуров.— А не получится, что старуха читает мысли?

— Не обязательно. Скорее предчувствует нехорошее. Такое, знаете, бывает иногда между близкими. Допускаете подобный вариант?

— Отчего нет? Мне, слава богу, за пятьдесят, и я всякого насмотрелся.

— Не сомневаюсь, Борис Платонович.— С пробуждающейся симпатией Люсин скользнул взглядом по лицу Гурова. Похоже, что какая-то ускользнувшая от люсинского внимания деталь крепко смутила следователя.— Вас что-то беспокоит?

— Я, изволите видеть, первым делом ищу мотивы, если, конечно, есть основания подозревать преступление. На первый план, как вы не хуже меня знаете, всегда выплывает корысть. Впрочем, нельзя исключить страх, ну, там боязнь разоблачения и прочие материи. Сильные чувства вроде ревности, уязвленных честолюбий, мести тут едва ли подходят. Солитову как-никак под семьдесят, жизнь практически прожита, короче говоря, кому он мешал?

— Не скажи́те, Борис Платонович, не скажи́те,— живо откликнулся Люсин, обнаруживая определенное сходство мысли.— Все-таки заведующий кафедрой химико-технологического института... В принципе я с вами согласен, но всякое ведь бывает. Я по прежним делам знаю. Диссертационные страсти, разная там аттестация... Такое способно потрясти не только людей с неустойчивой психикой. Если же Георгий Мартынович имел смелость, допустим, баллотироваться куда-нибудь в члены-корреспонденты, то ситуация вполне могла обостриться, уверяю вас.

— Какая ситуация? — быстро спросил Гуров.

— Гипотетическая, разумеется. Пока мне ничего не известно.

— Значит, вы думаете...

— Как и вы, Борис Платонович,— опередил Люсин.— Я бы начал с корысти. Но, разумеется, не теперь.

— Когда же?

— После осмотра московской квартиры.

— Ценности, деньги?

— Не только! — сдерживая нетерпение, отрывисто бросил Люсин, все мысли которого были сейчас там, в комнате, где священнодействовал Крелин.— Есть еще произведения искусства, дражайший коллега, почтовые марки, книги опять же, до коих, как видно, профессор Солитов был куда как охоч.

— Слишком просто для подобного интерьера,— задумчиво покачал головой Гуров.— Вы не можете этого не ощущать.

— Налет тайны? — понимающе улыбнулся Люсин.— Эдакая трансцендентальная эманация?.. Что ж, встречалось и такое. Тогда приходится искать журавля в небе, и это труднее всего, Борис Платонович, потому что слишком редко человек сталкивается с тайной, за которую могут убить.

— Я немного понюхал там, под окном,— без видимой связи с предыдущим заметил Гуров.— И могу вам сказать со всей ответственностью, что взрыв, если он действительно был, вряд ли отличался большой силой. Впрочем, не будем забегать поперед батьки в пекло. Пусть выскажется эксперт.

Они вернулись в кабинет, вполне удовлетворенные друг другом.

— Значит, так,— сказал Крелин, бережно собирая осколки колбы под тягой.— Здесь проводилась экстракция с помощью водяной бани. Судя по всему, процесс протекал достаточно длительно, по крайней мере до тех пор, пока не выкипела вода. Затем колба лопнула, и произошел взрыв. Лишь по счастью не случилось пожара. Нагревательная спираль перегорела в нескольких местах.

— Что именно экстрагировалось и чем? — спросил Люсин, поднося к носу помутневшую стекляшку.

— Какое-то корневище,— с сомнением склонил голову к плечу Крелин.— Предположительно спиртобензолом. Окончательный ответ даст лаборатория.

— Вам понятно, товарищи? — спросил Гуров, делая торопливые пометки в блокноте.

— Чего же тут непонятного? — отозвалась Таня.— Мы бензол по химии проходили. Це-шесть-аш-шесть. До сих пор помню.

— Вам хорошо, вы, наверное, отличницей были, а я так все перезабыл,— посетовал Люсин.

Крелин, по опыту знавший, как глубоко тот влезает в проблемы, связанные с криминалистикой, деликатно отвел глаза.

— Что бы еще ты счел необходимым отразить в протоколе, Яша? — спросил Люсин, сосредоточенно глядя себе под ноги.— Пробка от колбы нашлась?

— Да, я обнаружил ее в связке травы, что сушилась над печкой,— утвердительно кивнул Крелин.— Товарищи видели.

— Соскобы делать не будешь? — Люсин критически оглядел забрызганный потолок.

— Обязательно, хотя, зная характер жидкости, объем, и так легко рассчитать силу взрыва.

— Ясно,— удовлетворенно кивнул Люсин, но тут же озабоченно нахмурился.— А температура?

— Пока в бане оставалась вода — сто градусов, а потом не выше температуры кипения жидкости,— обстоятельно пояснил эксперт.

— Наука! — почтительно сказал Караулкин.— Выходит, авария у Егора Мартыновича произошла, я так понимаю?

— Верно, отец,— скрывая улыбку, подтвердил Крелин.

— Ну, а он-то куда подевался? Сам, так сказать... Не в окно ж вылетел, прости господи?

— Эка,— осуждающе покачала головой Степановна.— Так они тебе и скажут.— И губы поджала в ниточку.

— Придет время, скажем,— пообещал Люсин.— А пока я бы хотел переписать заголовки некоторых книг. Может пригодиться.

За окном, зияющим острозубыми, выгнутыми, как парус, осколками, наливалась синью вечереющая даль.

Продолжение следует.

КТО НЕ ЛЕТАЛ ВО СНЕ? ВОЗМОЖНО ЛИ ТАКОЕ НАЯВУ? ДА, НА ДЕЛЬТАПЛАНЕ. А БЕЗ НЕГО? БЕЗ ВСЯКИХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ИМЕННО УСИЛИЕМ ВОЛИ, ПОЛНОЙ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ ДУШЕВНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ, ОТРЕШЕНИЕМ ОТ ВСЕГО ВНЕШНЕГО, КРОМЕ КОРОТКОГО ПОЛЕТА НАД ПЛАНКОЙ. ЕСЛИ СОБЛЮСТИ ЭТИ УСЛОВИЯ, ТО МОЖНО ШАГНУТЬ В ФАНТАСТИКУ... ЭТО И СДЕЛАЛ ИГОРЬ ПАКЛИН, ПРЕОДОЛЕВШИЙ РЕКОРДНУЮ ВЫСОТУ.

ПО ЗАКОНАМ КРАСОТЫ

Долгие годы ждали мы преемника Валерия Брумеля. Надежда сверкнула, когда среди лучших «высотников» мира появился юный Владимир Ященко, вернувший на родину мировой рекорд. Потом на роль ведущего поочередно претендовали Геннадий Авдеенко, Валерий Середа и, наконец, Рудольф Поварницын, первым в мире покоривший рубеж 2 метра 40 сантиметров.

И вот в компании крылатых прыгунов появился студент из Фрунзе Игорь Паклин. Он поначалу не блистал высокой стабильностью результатов. Но шло время, и Игорь сначала превзошел высшее мировое достижение для залов Владимира Ященко, а затем, прыгнув на открытом воздухе на 2,41, перекрыл мировой рекорд Рудольфа Поварницына.

Однако уже в ранге мирового рекордсмена Паклин потерпел серьезное поражение на Кубке мира, сумев в споре с лучшими высотниками планеты взять лишь 2,25 — высоту, освоенную Брумелем четверть века назад. Что же, еще один калиф на час? Этот вопрос встал в преддверии сезона 1986 года. И Паклин ответил на него очень убедительно. Он дважды покорил высоту 2,38 (выше его тем летом никто не смог прыгнуть), выиграл чемпионат Европы, финал Гран-при и Спартакиаду народов СССР.

...Он стоял у заборчика, отделявшего трибуны знаменитого Неккарштадиона от легкоатлетической арены, и настраивался на решающий прыжок. На большинстве стадионов мира обычно в такой момент воцаряется тишина (аплодируют потом), но в Штутгарте, во время чемпионата Европы по легкой атлетике, в самые острые моменты борьбы зрители подстегивали прыгунов аплодисментами, не считаясь с тем, что это может им помешать.

Игорь медлил с разбегом, надеясь на то, что шум на трибунах стихнет, и не дождался. Но он все же сумел собраться и взял 2,35 — высоту, которая и принесла ему победу. Взял без видимого напряжения — легко, красиво. Позже, когда я спросил, как ему удалось сосредоточиться при таком шуме, Игорь пожал плечами: просто заставил себя ничего не слышать.

— У Паклина поразительная способность углубляться в себя,— сказала мне Марина Валерьевна Ермолаева, кандидат психологических наук, не один год работающая с нашими ведущими прыгунами,— но это не врожденное качество. Умению концентрировать психическую энергию Паклин научился в ходе тренировок. Природа не наделила его выдающимися физическими данными, и он решил восполнить их недостаток умением владеть собой.

Среди знаменитых высотников мира Игоря, пожалуй, можно считать

«малышом» — его рост всего 191 сантиметр.

— Будущее в прыжках в высоту за двухметровыми атлетами. Им в первую очередь по плечу высота порядка 2,38—2,43,— заявил год назад главный тренер нашей легкоатлетической сборной Игорь Тер-Ованесян после завершения соревнований мужчин по прыжкам в высоту на Кубок Европы-85. Видимо, он находился под впечатлением неудачи едва ли не самого низкорослого из выступавших в тот день в Лужниках высотников — Игоря Паклина. Тер-Ованесян исходил из заключений биомехаников, без особого труда доказавших, что чем выше рост человека, а стало быть, чем выше его центр тяжести, тем меньше усилий надо прикладывать для преодоления высоты. Но прошло лишь две недели, и Паклин, словно наперекор выводам ученых, установил мировой рекорд!

Да, многие были выше Паклина ростом и к тому же превосходили его в скорости и силе, но они уступали ему в психологической готовности.

— По манере, по стилю прыжка Паклин резко отличается от Брумеля,— говорил мне один из наших ведущих знатоков спорта, Юрий Чистяков, сам в прошлом отличный прыгун.— Стиль Брумеля требовал от спортсмена очень высокого уровня силовых качеств, а «фосбери-флоп», появившийся уже после Брумеля, основан на тончайших мышечных ощущениях, поэтому у лидеров «флопа» иная нервная система, чем у их предшественников — мастеров перекидного. Вот это и учитывает в своей методике тренер Игоря — Анатолий Иванович Вогуль.

Учитель и ученик по характеру противоположны. Паклин предельно сдержан, а Вогуль не скрывает своих душевных порывов. Художник по натуре, мечтавший в свое время о карьере живописца, Вогуль утоляет потребность рисовать созданием словесных картин. Впервые услышав описание Вогулем технических деталей современного прыжка, многие тренеры только разводят руками. Но Игорь нашел общий язык со своим экспансивным наставником и прекрасно улавливает ход его мыслей. И когда Вогуль, создавая образ прыжка в момент отталкивания спортсмена от земли, говорит, что здесь все решает пауза направленного сжатия, Паклин прекрасно понимает, что речь идет о концентрации энергии, о тех ощущениях, которые должны возникать в самый важный момент прыжка. Проигрывая многим другим «высотникам» скоростные тесты, он тем не менее прыгает выше всех в мире. За счет чего же? Вот ответ Паклина:

— Я мысленно начинаю готовиться к главным соревнованиям будущего сезона примерно за год до них. Если мечтаешь о победах, то должен все подчинить подготовке, настроиться на тяжелую работу.

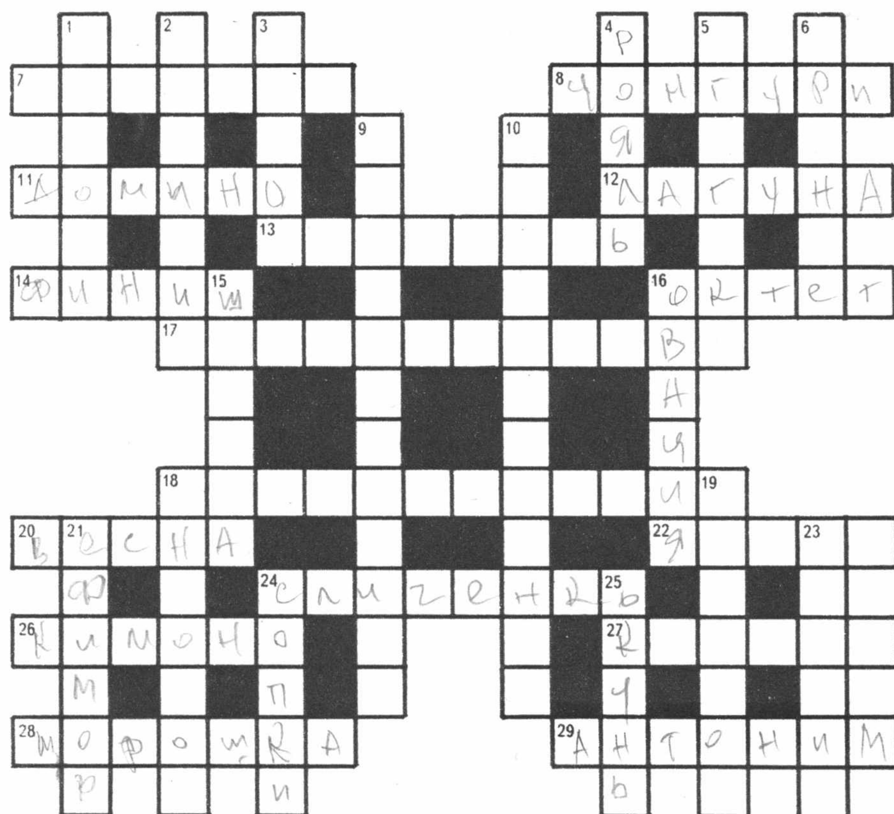
Он рассказал о том, как управляет собой, как регулирует эмоции, как бережно расходует энергию в преддверии ответственных стартов. Я же, слушая его, не переставал удивляться умению Игоря анализировать свое состояние, способности передавать тончайшие ощущения. Но будущий инженер-программист использует для подготовки не только биомеханику, но и китайскую гимнастику у-шу, учится искусству концентрации психической энергии йогов, а если к этому прибавить, что, разрабатывая для Паклина технику прыжка, Анатолий Иванович Вогуль строит ее по законам красоты, то понимаешь, каких высот достигает современный спорт!

Вогуль убежден, что нынешняя техника может обеспечить Игорю прыжок на 2,45. Интересуюсь, не пугают ли атлета эти цифры.

— Нисколько,— без тени колебания отвечает Игорь.— В начале сентября, выступая на соревнованиях в городе Риеке, я уже фактически одолел ее. Правда, судьи засчитали мне всего 2,38, но я-то знаю, что запаса, с которым преодолел планку, вполне хватило бы для нового мирового рекорда.

Евгений **БОГАТЫРЕВ**,
фото Анатолия **БОЧИНИНА**

кроссворд

По горизонтали: 7. Первая русская рукописная газета. 8. Грузинский струнный музыкальный инструмент. 11. Маскарадный костюм. 12. Участок моря внутри атолла. 13. Рассказ А. П. Чехова. 14. Конечный пункт спортивного состязания на скорость. 16. Музыкальный ансамбль. 17. Башкирская балерина, народная артистка СССР. 18. Наука о земной атмосфере. 20. Время года. 22. Стихотворение С. А. Есенина. 24. Народный артист СССР, актер и режиссер театра «Ромэн». 26. Традиционная японская одежда. 27. Город в Белоруссии. 28. Северная ягода. 29. Слово, противоположное по значению другому слову.

По вертикали: 1. Итальянский композитор, пианист, дирижер. 2. Ароматичное вещество, используемое в пищевой и парфюмерной промышленности. 3. Грузозахватное приспособление в виде каната с крюками. 4. Разновидность фортепьяно. 5. Небольшое отклонение в музыкальном исполнении с целью художественной выразительности. 6. Героиня романа О. Бальзака. 9. Игрок спортивной команды. 10. Действующее лицо комедии Н. В. Гоголя «Игроки». 15. Французский живописец XVIII века. 16. Бурные рукоплескания. 18. Высказывание одного лица в драме. 19. Советский бурятский композитор. 21. График-карикатурист, народный художник СССР. 23. Симфоническая пьеса К. Дебюсси. 24. Название гор и холмов на Дальнем Востоке. 25. Промысловая пресноводная рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 1. «Думка». 10. Метелица. 11. Флажолет. 12. Черевик. 15. Керосин. 16. Липатов. 17. Каток. 19. «Млада». 20. Калиновская. 21. Скворечница. 23. «Помни». 25. Аверс. 27. Скрипач. 29. Долгота. 30. Назрань. 33. Гидролиз. 34. Рябинник. 35. Маска.

По вертикали: 2. Усач. 3. Кафе. 4. Беседа. 5. «Теремок». 6. Кизил. 7. «Калев». 8. Конопля. 9. Период. 13. Кирилловка. 14. «Наваждение». 15. Константан. 18. Кабуки. 19. «Марица». 21. Снегирь. 22. Аверина. 24. Оборин. 26. Рындин. 27. Стиль. 28. Чанба. 31. Узда. 32. Трюк.

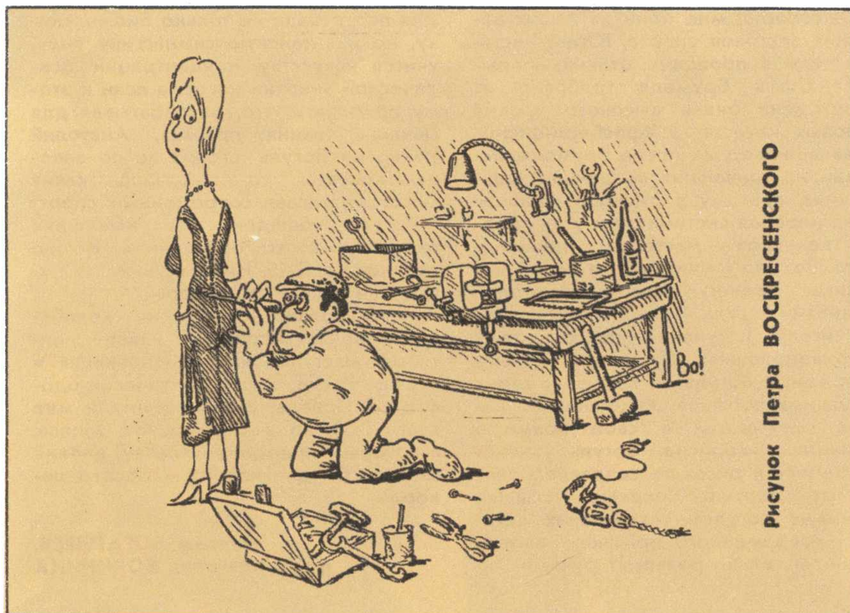

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунки Игоря КОВАЛЕВА и Валентина РОЗАНЦЕВА

Праздник-сказка, праздник-колдовство

Новый год! Всегда и повсюду был он праздником надежды, таким и дошел к нам из далекой дали времен, принеся с собой детскую, всепобеждающую веру в торжество счастья, а с ней и отзвуки тех древних обрядов, с помощью которых наши пращуры призывали удачу и отгоняли беду. И когда первого января, поздравляя друг друга, мы произносим такую простую и привычную фразу: «С Новым годом, с новым счастьем»,— мы, сами того не подозревая, «колдуем». Да, да, «колдуем», точно так же, как «колдуем», даря подарки, наряжая елку, накрывая новогодний стол. и так далее и так далее. Все в этом празднике имеет древний ритуальный смысл, суть которого заключалась в том, чтобы посредством магических действий и заклинаний обеспечить в новом году хороший урожай, прибавление семейства, удачу в личной жизни, а также уберечь себя и близких от болезней и других несчастий.

Поскольку истинное значение большинства элементов новогоднего праздника или забыто, или неузнаваемо трансформировалось, мы не придаем им значения и меньше всего связываем с какой-либо магией.

Скажем, задумывались вы когда-нибудь, почему точкой отсчета года выбрано именно первое января? Далеко не всегда и не у всех народов

было так. В Древнем Риме, например, Новый год отмечался в марте, и месяц этот считался первым в календаре, надо сказать, очень несовершенном. Насчитывал он тогда всего десять месяцев, и лишь в более поздние века к ним добавились январь и февраль, замыкавшие строй. Январь посвящался Янусу, богу небесного свода; он открывал солнцу ворота в начале дня и закрывал их в конце. Такую миссию ему определили не случайно. Хоть и были древние латиняне по сравнению с египтянами или даже греками куда менее сведущи в астрономии, но и они хорошо знали, что каждый год зимой несколько дней подряд солнце находится на небосклоне одинаковое количество времени, и время это — самое короткое, после чего оно начинает прибавлять с каждым днем. Эти дни — с 21 по 25 декабря — называются «зимним солнцестоянием».

Начиная с 153 года до нашей эры первого января вступали в должность римские консулы, два высших в республике лица, избиравшиеся на один год. В этот день на Капитолий приносили как символ счастья зеленые ветви лавра из священной рощи Сабинии — богини благополучия, а граждане дарили друг другу стрены — различные сласти, желуди, глиняные или бронзовые светильники с изображением Виктории — Победы, на щите которой красовалась надпись: «Annum novum faustum felicem», что означало «Года нового, счастливого, плодородного». Дарили также пальмовые и лавровые ветки, ветки с финиками, монеты. Подарки имели символический смысл как предзнаменование удач и счастья. Между прочим, церковь вначале осуждала эту традицию. В конце IV века Максим Туринский, причисленный позже к «лику святых», в одной из своих проповедей сурово порицал тех христиан, которые на Новый год подносят друг другу подарки, ибо справедливо видел в этом пережиток язычества. Надо сказать, что церковь осуждала и все другие новогодние обычаи: елку, колядование, разжигание костров и так далее. Оказавшись бессильной искоренить древние традиции, она взяла их на вооружение.

Первое января в качестве начала года было узаконено Юлием Цезарем. Он ввел в 46 году до нашей эры по египетскому образцу очень точный солнечный календарь. До него римляне пользовались лунным. В средние века во многих европейских странах Новый год отмечали не первого января, а 25 декабря. По церковной легенде в этот день родился Иисус Христос. 25 декабря считали днем рождения своих главных богов почти все древние народы: шумеры — Таммуза, индийцы — Будды, фригийцы — Аттиса, персы — Митры... По существу, это был день рождения Солнца, высшего божества, олицетворявшего в сознании первобытного человека жизнь. И чтобы не прекратилась жизнь, древний человек различными магическими действиями как бы помогал Солнцу в момент, когда оно слабее всего.

Цезарю пришлось выдержать сильное сопротивление жрецов, вводя новый календарь. Чтобы как-то сохранить преемственность, пришлось первое января 45 года до нашей эры подогнать к первому новолунию после зимнего солнцестояния. И кто знает, может, когда-нибудь мы вновь пересмотрим календарь и перенесем начало нового года к тому самому времени, когда солнце поворачивает на лето и как бы рождается заново, а с ним вместе и новый год.

А елка, милая, добрая елка! Мы так привыкли считать ее просто забавой, но все в ней уходит корнями в древнюю магию. Еще до того, как придумать богов, поклонялся человек деревьям. Священным считался дуб у кельтов и древних славян, ель — у германцев, кипарис — у эллинов, фиговое дерево — у римлян, пирамидальный тополь — у индийцев. Этим деревьям приносили жертвы в священных рощах. Потом возник обычай приносить дерево в село. В большинстве европейских стран это делали на 1 мая, дерево так и называлось — майским. Существовал подобный обычай и на Руси: перед троицей срубали молодую березку, наряжали ее в разноцветные ленты и лоскуты и устанавливали в избе.

Бытующее мнение, что украшать у нас на праздник елку начали при Петре I, неверно. В знаменитом петровском указе 1699 года сказано буквально следующее: «...По большим и проезжим знатным улицам знатным людям и у домов нарочитых духовного и мирского чина перед вороты учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых и можжевелевых... а людем скудным каждому хотя по древцу или ветве на вороты или над храминою своею поставить». То есть речь идет не о елке, а об украшении зелеными ветвями улиц и домов.

Победное шествие новогодней елки по европейским странам началось лишь с середины прошлого века, когда изобрели дешевые стеариновые свечи.

Огонь был непременным и главным элементом ритуальных праздников древнего человека. Этот обычай перекочевал в средние века. Во всех европейских странах под Новый год в домах обязательно разжигали толстое полено, а в Греции до сих пор в деревнях жгут костры. Жгли костры и на Руси во время масленицы (с которой у древних славян ассоциировался конец старого и начало нового года).

Приблизительно одновременно с елкой постоянным персонажем новогоднего праздника становится Дед Мороз, хотя родословная его восходит к античности. Как известно, богом морей и океанов, а следовательно, покровителем моряков и рыбаков был Нептун. Христианская церковь после тщетных попыток стереть из памяти верующих образы олимпийцев в конце концов просто-напросто «перекрестила» их. Нептун стал именоваться святым Николаем, сохранив при этом все прежние функции.

Возвращение из плавания всегда было волнующим событием. Радовались жены, радовались дети, а что делали отцы? То же, что и сейчас, возвращаясь из командировок, — они привозили подарки. В раннем средневековье в день святого Николая дети даже не учились. Постепенно праздник все больше и больше превращался в детский. Святой Николаус (в Германии), Клаас (в Голландии), Клаус (в Англии) в образе старика с белой бородой ездил по улицам на белом коне или ослике, с мешком за спиной, и раздавал детям подарки. Со временем Санта Клаус стал приезжать 25 декабря на рождество и, конечно же, с подарками. Поэтому добрый дед получил еще и другое имя — рождественский: Пер Ноэль (во Франции), Бабо Натале (в Италии), Юлеманд (в Норвегии) и так далее.

Церковникам очень не нравилось появление на рождество дедушки Николая, который тем самым вроде оттеснял на задний план именинника — Христа. И тогда подарки стал раздавать сам Христос, которого изображали девушки-подростки в белом платье. Но народ, привыкший к Николаю, уже не представлял без него Новый год. Так у дедушки появилась спутница — юная девушка, и стали они вдвоем одаривать детишек. В России рождественский человек и его спутница прижились очень быстро, ведь их прототипы уже давно существовали в сказках, перекочевав туда из древнеславянских мифов о Деде Морозе и Снегурочке.

Ни в чем так сильно не проявляются пережитки магии первого дня, как в новогоднем застолье. Изобилие блюд на праздничном ужине считалось залогом благополучия и богатства семьи. Будет обильной трапеза на Новый год, значит, будет дом полная чаша весь год. И блюда готовили не абы как, а со смыслом.

В детстве для меня Новый год ассоциировался с елкой, ружейной пальбой и гозинаки — так в Грузии называются сладости из ореха, зажаренного в меду. Ах, до чего же это вкусная штука, гозинаки! И никак не мог уразуметь я, почему же их едят только раз в году! И только уже студентом, изучая в университете фольклор, разгадал я эту загадку. В странах Древнего Востока орех и миндаль почитались символами множественности, и блюда из них имели магический смысл: будет много всего. Мед символизировал сладость, то есть счастье, а благодаря своему цвету еще и золото, то есть богатство. В Германии непременным блюдом на новогоднем столе является свинина с квашеной капустой. По-немецки вы-

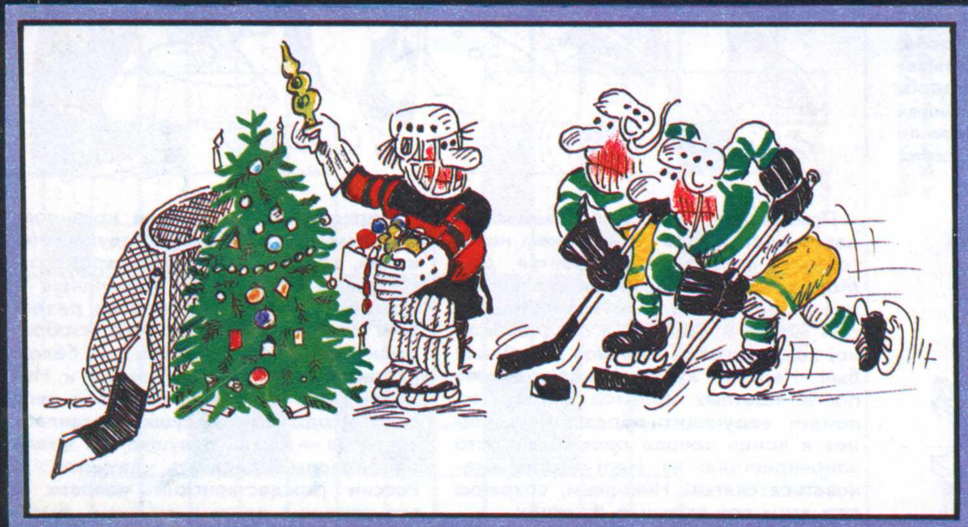

ражение, которое звучит буквально как «иметь свинью» (Schwein haben), иносказательно означает также счастье, везение, удачу. Поэтому все копилки у немцев делаются в виде свинки или поросенка. Квашеная же капуста считается целебным средством. Кто ест ее в новолетие, будет здоров весь год. В Голландии обязательный атрибут — пончики с изюмом, а у японцев принято подавать жареного карпа. И так далее, так далее. Сколько народов, столько обычаев. Сегодня, конечно, мало кто верит в ореховую или капустную магию. Но осталась традиция, добрая старая привычка, осталась сказка, которую мы называем «Новый год».

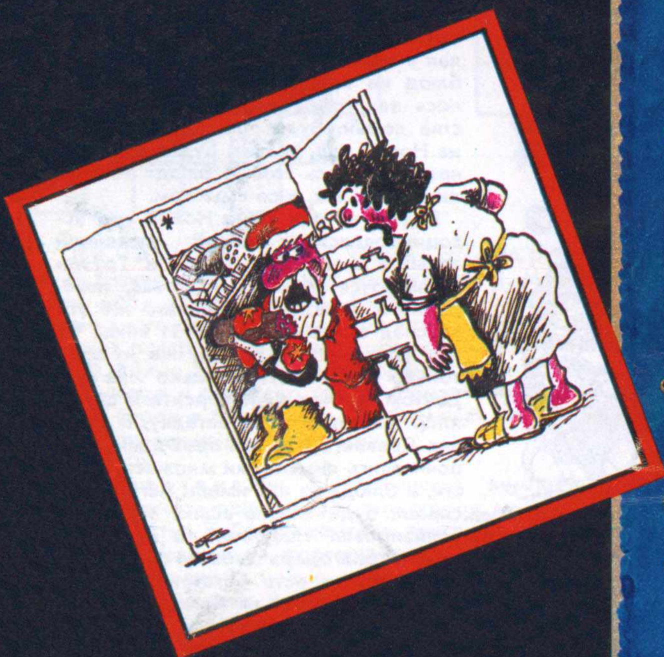

Валерий ГЕОРГИЕВ

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА и Сергея ТЮНИНА

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663